

М.А. Давыдов

АГРАРНЫЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ XIX - начала XX в

М.А. Давыдов

АГРАРНЫЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ XIX — НАЧАЛА XX в.

М.А. Давыдов

**АГРАРНЫЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ
XIX — НАЧАЛА XX в.**

Оглавление

Столыпинская аграрная реформа: замысел и реализация.....	4
Текст лекции.....	4
Обсуждение.....	20
Об уровне потребления в России в конце XIX — начале XX в.....	39
Список источников и литературы.....	107
«Голодный экспорт» в истории Российской Империи.....	110
Текст лекции.....	110
Экспорт в зеркале статистики.....	117
Продовольственная помощь правительства.....	132
Как рождался миф о голоде.....	138
Статистика против публицистики: платежи и недоимки.....	140
Статистика против публицистики: акцизные платежи и праздники.....	158
Статистика против публицистики: анализ железнодорожных перевозок.....	163
Как нам измерить Россию.....	177
Долгая жизнь натурально-хозяйственной концепции, или почему историки не понимают друг друга.....	182
О настоящем голоде и голодном экспорте.....	194
Итоги.....	198
Примечания.....	201

Столыпинская аграрная реформа: замысел и реализация

Мы публикуем полую стенограмму лекции известного специалиста в области политической и военной истории России конца XVIII — первой четверти XIX в. и социально-экономической истории пореформенной России, доктора исторических наук, профессора РГГУ Михаила Абрамовича Давыдова, прочитанной 21 декабря 2006 года в клубе — литературном кафе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции «Полит.ру».

Текст лекции

Добрый вечер. Сто лет назад началась столыпинская аграрная реформа. Это достойный повод для того, чтобы поговорить об этом выдающемся событии в истории России. Реформа замечательна, на мой взгляд, прежде всего тем, что сто лет назад власть России впервые признала большинство своих подданных равноправными гражданами, равноправными партнерами.

Мне неоднократно приходилось убеждаться в том, что для неспециалистов аграрная реформа существует в малопривлекательном комплексе, куда вместе с хуторами входят пресловутые «столыпинские галстуки», одноименные вагоны (какая издевка Судьбы!) и — иногда — неразгаданное убийство Петра Аркадьевича. Между тем это, по меньшей мере, несправедливо.

В комплексе преобразований, который в последние годы все чаще принято именовать модернизацией Столыпина (хотя, может быть, правильнее было бы говорить о модернизации Витте-Столыпина), аграрная реформа справедливо занимала центральное место. Столыпин не зря называл ее осью внутренней политики. Реформа в идеале должна была изменить к лучшему жизнь каждой из четырех жителей Европейской России.

Почему и за счет чего? За счет изменения их правового положения, во-первых, и изменения условий крестьянского землевладения, землепользования и хозяйствования — во-вторых, что в совокупности должно было привести к радикальному подъему жизненного уровня крестьян и вывести сельское хозяйство в целом на новый, значительно более высокий уровень. Однако по порядку.

Русско-японская война и во многом вызванная ею революция 1905 г. означали, что страна вступила в общенациональный кризис, угрожав-

ший самому существованию Российской Империи. Подавление революции — прямая обязанность Власти — было задачей технической. Но Столыпин, зная историю буржуазных революций в Европе, понимал, что революция — чаще всего продукт внутренних изъянов общества и что если бороться только с революцией, то можно уничтожить следствие, но никак не причину. Поэтому проведение реформ в период революции, считал он, не только возможно, но зачастую и необходимо.

Масштабы кризиса 1905-1906 гг. требовали адекватного ответа, которым могла быть только программа комплексных системных реформ, предполагавшая значительное, иногда радикальное изменение вектора развития страны. Эта программа была изложена П.А. Столыпиным в его знаменитой речи при открытии Второй Государственной Думы 6 марта 1907 г.

Это была широчайшая программа системных либеральных реформ, которые касались практически всех сторон жизни страны и в определенном смысле были даже более масштабны, чем Великие реформы. Я буду краток, поскольку говорить о ней более подробно у нас нет возможности. Интересующимся советую обратиться к работе П.А. Пожигайло и В.В. Шелохаева «П.А. Столыпин. Интеллект и воля».

Программа включала законопроекты, которые должны были обеспечить терпимость и свободу совести, в то же время постепенно устраняя все правоограничения, связанные с вероисповеданием. К слову говоря, еще в период первой Думы Столыпин представил программу постепенного уничтожения ограничений правоположения евреев, но Николай II ему в этом отказал.

Следующие законопроекты были связаны с неприкосновенностью личности, с новой судебной реформой, с реформой в области самоуправления. Речь, в частности, шла о вечной мечте русских либералов — создании волостного бессловного земства, с соответствующим расширением компетенции земств вообще, с сокращением сферы административного надзора и т.д. Предусматривалось введение самоуправления в Польше и Финляндии. Административная реформа предусматривала объединение всей гражданской администрации, и прежде всего создание административных судов, которое считались одним из наиболее важных предстоящих мероприятий.

В сфере трудового законодательства планировалось введение различных видов страхования рабочих и узаконивание экономических забастовок. Наконец, Столыпин предлагал целый ряд мероприятий для развития народного просвещения. Планировались меры по дальнейшему подъему экономики, большую часть которых мы бы назвали прива-

тизацией, и др. Здесь же он говорил о программе аграрных преобразований.

В целом, даже столь бегло перечисленные, эти меры составляют одну из наиболее четких и эффективных программ системных реформ за века русской истории; реформ продуманных, реформ реальных, т.е. тех, которые могли бы быть реализованы при жизни одного поколения. Пресловутые 20 лет из интервью газете «Волга», «20 лет покоя», — вы же понимаете, что это фигура речи, превращенная в некий символ. На деле это могло быть и 25, и 30 лет. Но те реформы, о которых говорил Столыпин, могли быть реализованы и в течение этих 20 лет.

Столыпин так определял связь между всеми этими законопроектами. *«В основу их положена одна общая руководящая мысль, которую правительство будет проводить во всей последующей деятельности. Мысль эта — создать те материальные нормы, в которых должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени. **Преобразованное по воле монарха Отечество наше должно превратиться в государство правовое.**»*

Таковы были задачи, решение которых должно было превратить страну в «Великую Россию», не в расхожем пропагандистском смысле (Витте любил поиздеваться над тем, что «мы все кричим», как нас много и сколько у нас земли), а **по сути, естественной силой вещей**, как сказали бы во времена Карамзина.

Программа эта, конечно, западническая, при всем том, что Столыпин неустанно подчеркивал, что русский народ и православие — это ствол Российской Империи. Противоречия я тут никакого не вижу. И понятно, что целостность страны, которая в годы революции подверглась первым испытаниям, была для Петра Аркадьевича приоритетом №1.

Центральным компонентом преобразований должна быть стать начавшаяся уже к тому времени аграрная реформа. Традиционный взгляд представляет дело так, что крестьянская революция заставила Власть переменить на 180 градусов старую ставку на общину, и от ее поддержки перейти к ее слому, насадив повсеместно хутора и отруба, которые должны были разъединить крестьян. Новые «чумазные лендлорды» станут верной опорой режима. Т.е. реформа –вынужденный скоропалительный и не очень продуманный шаг со стороны Власти.

Это преднамеренная (если не сказать — злонамеренная) примитивизация, потому что суть аграрных проблем в России была куда сложнее, и задачи реформы, соответственно, тоже. Кроме того, неверно, что реформа была плодом 1905 г. Ведь готовить ее начали задолго до революции,

хотя трудно спорить с тем, что революция внесла некоторые коррективы в головы тех, кто принимал самые главные решения в стране России.

По масштабам и громадности последствий столыпинская аграрная реформа далеко выходила за рамки сугубо сельскохозяйственной сферы, так или иначе затрагивая важнейшие стороны жизни как минимум 75% населения страны, тем самым воздействуя не только на экономическую составляющую модернизации, но также на психологическую, культурную, социально-юридическую и др.

Здесь надо сказать следующее. Как представляется, трагических событий начала XX в. можно было избежать. Новая модернизация России назрела давно. Потенциал реформ 60-70-х гг. в большой степени был исчерпан, притом будучи использован далеко не полностью. Лишь в эпоху Александра III началась масштабная индустриализация. При этом на фоне пресловутого роста экспорта хлеба из России к концу XIX в. в сельском хозяйстве ряда регионов страны нарастали кризисные явления. Их концентрированным выражением стали участвовавшие неурожайные годы и самый настоящий голод 1891 г. Это был своего рода суммарный индекс, который говорил о неэффективности той модели развития народного хозяйства, которая установилась после 1861 г., и о том, что его пореформенная эволюция заводит и отчасти уже завела сельское хозяйство в тупик.

Вместе с тем в более широком масштабе это был кризис системы, которая была основана на господстве правительственного патернализма, на консервации тяглового строя, что выражалось в числе прочего в искусственном сохранении и поддержании общинных отношений в деревне, а также в том, что Власть игнорировала (на деле — боялась!) давно назревшую необходимость просвещения миллионов крестьян, в том числе и агрономического.

А поскольку в России рамки аграрного вопроса были куда больше площади обрабатываемых земель, условно говоря, то и поражение в Русско-японской войне закономерно вписывается в этот контекст, оно не было случайным. Правительство и народ жили в разных измерениях. Правительству хотелось влиять на мировую политику примерно так же, как в постнаполеоновскую эпоху, притом радикально ничего не меняя внутри страны. А на дворе был совсем другой век.

Едва ли не главный порок модернизации 60-х — создание для десятков миллионов крестьян своего рода особой действительности, особого мира, не в смысле общины, а в смысле реальности («вселенной», планеты, материка и т.п.) Большинство населения страны жило отдельной жизнью и до 1861 г. — в смысле бытовом, юридическом, экономическом,

культурном — и, естественно, психологически было иным, нежели образованное меньшинство. Но и после освобождения масса крестьян не слишком сблизилась с ним. Более того, указанная «отдельность» получила новый импульс, поскольку правительство искусственно консервировало общинный уклад и архаичное сознание крестьянства.

Связь между этими явлениями и такими, казалось бы, сугубо хозяйственными сюжетами, как значительное падение урожайности, повсеместное засорение полей, сокращение скотоводства и др. вполне осознавали немногие компетентные современники, и по значимости первым среди них был С.Ю. Витте. Когда в 1898 г. он написал свое известное письмо Николаю II, то он предпочел вначале оперировать цифрами. Россия при 130 млн населения имеет национальный доход 1 400 млн рублей. Франция при 38 млн населения имеет бюджет в 1 260 млн рублей. Австро-Венгрия при 43 млн населения — соответственно 1100 млн рублей. И если бы благосостояние жителей России равнялось бы благосостоянию австрийских налогоплательщиков, то русский бюджет составлял бы 3300 млн, а если бы французских — то 4200 млн рублей.

Такая несообразность, писал Витте, происходила, главным образом, от неустройства крестьян. Под неустройством Витте имел в виду прежде всего их юридическую неполноценность, неполноправность и сохранение общины. Я напомним, что большинство из плеяды реформаторов Н.Милютина полагало, что после окончания выкупных платежей община должна отмереть. Однако в силу разнообразных причин община продолжала существовать, притом это ее, как сейчас бы выразились, подвешенное состояние сохранялось десятилетиями. Почему? Потому что в стране было относительно спокойно, потому что эта ситуация устраивала по разным причинам Власть и общество и т.д.

Но кризис, который был заложен самим существованием общины, нарастал — естественно, с каждым поколением площадь наделов при отсутствии контроля над рождаемостью уменьшалась. Видный русский экономист Б.Д. Бруцкус язвительно замечал, что русская интеллигенция в свое й любви к общине и того простого соображения не понимает, что земля-то не размножается. И на рубеже XIX-XX вв. площадь наделов в ряде районов северно-черноземных губерний стала недостаточной для ведения хозяйства старыми архаическими способами, принятыми в общине. А новым крестьян не обучили (кстати, повсюду в Европе этим занималось государство). Совершенно очевидно, что при качественно ином уровне земледелия, а главное — при иных формах землепользования и на этих наделах было можно было вести достойное хозяйство, а значит, и жить достойно. Во многих случаях община перестала выполнять свою главную социальную функцию — функцию социального стра-

хования крестьян, если так можно выразиться. Она не смогла предотвратить падения жизненного уровня крестьян, голодовок и пр.

Однако в «высших сферах» России было очень сложно поднимать вопрос об отмене общины. Дорогого стоит знаменитое якобы простодушное признание Витте в том, каким образом он понял смысл аграрного вопроса в России. Я напому. С.Ю. пишет: *«Когда меня назначили министром финансов, я был знаком с крестьянским вопросом крайне поверхностно, как обыкновенный русский так называемый образованный человек. В первые годы я блуждал и имел некоторое влечение к общине по чувству, сродному с чувством славянофилов... К тому же я мало знал коренную Русь, особенно крестьянскую. Родился я на Кавказе, а затем работал на юге и западе. Но, сделавшись механиком сложной машины, именуемой финансами Российской империи, нужно было быть дураком, чтобы не понять, что машина без топлива не пойдет и что, как ни устраивай сию машину, для того, чтобы она долго действовала и увеличивала свои функции, необходимо подумать и о запасах топлива, хотя таковое и не находилось в моем непосредственном ведении. Топливо это — экономическое состояние России, а так как главная часть населения — это крестьянство, то нужно было вникнуть в эту область. Тут мне помог многими беседами бывший министр финансов Н.Х. Бунге... Он обратил мое внимание на то, что главный тормоз экономического развития крестьянства — это средневековая община, не допускающая совершенствования. Он был ярый противник общины. Но более всего меня просветили ежедневно проходившие перед моими глазами цифры, которыми столь богато Министерство финансов и которые служили предметом моего изучения и анализа. Скоро я себе составил самое определенное понятие о положении вещей, и через несколько лет во мне укоренилось определенное убеждение, что при современном устройстве крестьянского быта машина, от которой ежегодно требуется все большая и большая работа, не будет в состоянии удовлетворять предъявляемые к ней требования, потому что не будет хватать топлива. Я составил себе также совершенно определенные мнения, в чем заключается беда и как ее нужно лечить... Мы все кричим, что Российская империя составляет 1/5 часть земной суши и что мы имеем около 140 млн населения. Но что же из того, когда громаднейшая часть поверхности, составляющей часть Российской империи, находится или в совершенно некультурном, диком, или в полукультурном виде. И громаднейшая часть населения с экономической точки зрения представляет не единицы, а пол- и даже четверти единицы».*

Надо сказать, что еще Валуев в 1870-е годы говорил о том, что пока в России будет община, крестьянство богатым не будет. Но эта мысль про-

бывалась очень медленно, потому что господствующие «сферы», как и ненавидящая их интеллигенция, не могли и помыслить о ликвидации общины. Позицию Власти, кроме прочего, в огромной степени подкрепляла твердая убежденность в том, что формула «самодержавие, православие, народность» продолжает работать. Эта формула, которая была совершенно адекватна в момент своего появления работала еще, по меньшей мере, полвека. Действовала она и дальше, но к концу XIX — началу XX вв., несмотря на известное равнодушие крестьян к политике, последствия 1861 г., каким бы он ни был, конечно, размывали этот айсберг. Появлялись новые люди, новые мысли.

Другими словами, аграрный вопрос можно и нужно было начинать решать до XX в. Это не было сделано, хотя во многом именно в эти годы была подготовлена аграрная реформа Столыпина. Революция, во многом спровоцированная несчастной и притом ненужной войной, означала, повторюсь, что в стране разразился общий национальный кризис. И в этом кризисе аграрный вопрос стал основным, прежде всего в силу преобладания крестьянского населения.

То, что современники позже называли ошеломляющим успехом столыпинской аграрной реформы, во многом произошло благодаря тому, что в первые годы XX в. она была подготовлена работой Особых совещаний, Редакционных комиссий, в которых участвовали Витте, Гурко, автор указа 9 ноября, Кривошеин и другие реформаторы, еще до осени 1906 г.

Указу 9 ноября предшествовала целая серия мер. В марте 1903 г. была проведена отмена круговой поруки в общине, а еще раньше — в подворных селениях. В августе 1904 г. отменены телесные наказания. К началу 1905 г., как считается, подготовка реформы была во многом завершена, были определены все цели и задачи, проведен, кроме отмены круговой поруки, закон о переселении, внесены конкретные предложения о выделах из общины, о хуторах и отрубях, о расширении деятельности Крестьянского банка, подготовлен проект изменений его устава. Наконец, 5 мая 1905 г. Министерство земледелия и госимуществ было преобразовано в Главное управление земледелия и землеустройства (ГУЗИЗ), куда из МВД передали землеустроительные отделы и переселенческое управление.

3 ноября 1905 г. Власть объявила об отмене выкупных платежей, и это формально дало основание считать реформу 1861 г. законченной. Неслучайно почти во всех официальных документах, особенно раннего этапа, аграрная реформа Столыпина называется вторым, завершающим этапом крестьянской реформы. Другим указом того же 3 ноября 1905 г. были даны новые полномочия Крестьянскому банку. 4 марта 1906 г. был

создан землеустроительный комитет в Петербурге и начато создание землеустроительных комиссий на местах. 27 августа 1906 г., когда Столыпин стал уже председателем совета министров, начался перевод казенных земель в Крестьянский банк.

5 октября последовал воистину судьбоносный указ — «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц бывших податных сословий». Это был действительно решительный шаг к уничтожению неполноправного положения крестьянства и, следовательно, к ликвидации всего старого аграрного строя.

И, наконец, 9 ноября последовал знаменитый указ, который, как считается, и начал столыпинскую аграрную реформу.

На мой взгляд, очень верна мысль, согласно которой для Витте в аграрной реформе были очень важны цели юридическая и экономическая, а для Столыпина — политическая и экономическая, реализация которых в обоих случаях, естественно, привела к психологическим и культурным изменениям в стране. Различия в программах С.Ю. Витте и П.А. Столыпина вполне понятны — Витте думал, что у страны еще есть время, а Столыпин знал, что часы уже пошли.

Адекватному восприятию столыпинской аграрной реформы и сто лет назад, и в наши дни серьезно препятствует нежелание видеть теснейшую взаимосвязь и взаимообусловленность двух важнейших задач реформы — политической и экономической (социально-экономической). Конечно, стабилизация ситуации — в широком смысле слова — в стране была главной задачей, которую глобально пытался решить Столыпин. Однако аграрный вопрос по сути своей был неделим. Тот факт, что община препятствует подъему агрикультуры в стране и объективно ухудшает положение крестьян, компетентные люди прекрасно понимали и до 1905 г. Понимали они и то, что община в принципе — идеальный объект для революционной пропаганды. Но в 1905 г. выяснилось, что община заодно еще и способствует бунту, укрупняет масштабы аграрной революции. Отменил ли этот факт первое знание? Нет. Напротив, 1905 г. подтвердил, что плохое состояние сельского хозяйства усиливало недовольство крестьян и было одним из стимулов к той же самой революции. Ведь бунтовали отнюдь не только малоземельные крестьяне, но и те, кто имел вполне достаточно земли даже при тогдашнем уровне агрикультуры. Поэтому политические задачи реформы, в том числе и подрыв влияния общины, были неотделимы от решения сугубо, казалось бы, хозяйственных задач, в частности — изменения условий землепользования.

В силу неделимости аграрного вопроса две эти цели — политическая и народно-хозяйственная — были неразрывно связаны друг с другом, переплетались, покрывали друг друга. В какой-то мере они нашли выражение в известной мысли, гласившей, что «правительство поставило на сильных и крепких, а не на пьяных и убогих». Эту фразу, на мой взгляд, не вполне правильно понимают. «Крепкий и сильный» — это не кулаки-миroeды, среди которых, кстати, очень большой процент был против реформы, ибо она лишала их реального влияния в деревнях. Речь шла о людях с характером, с инициативой, людях, способных начать жизнь по-новому.

Первоочередным, конечно, был вопрос о земле. Я думаю, большинство присутствующих знают, что был момент, когда Николай II чуть было не согласился на частичную экспроприацию или покупку помещичьих земель за вознаграждение, чтобы немедленно сгладить остроту аграрного кризиса. Но это не было сделано, в частности и потому, что правительство убедилось в том, что крестьяне могут получить частновладельческие земли путем добровольных соглашений.

Отсюда новая эпоха в деятельности Крестьянского банка. Если за предшествующие десять лет Крестьянский банк оперировал 900 035 тыс. десятин, то за 10 лет (от 1906 г. до революции) в руки крестьян при содействии Банка перешло 10 млн десятин (это территория современной Болгарии), из них несколько менее 4 млн — из собственного фонда Банка, а большая часть — в порядке посреднических операций.

Затем настал новый этап в истории переселенческой политики. С обострением аграрного кризиса указом 10 марта 1906 г. было дано право переселения и без предварительной посылки ходок всем желающим без всяких ограничений. Мы можем позже поговорить об этом подробнее. Всего число семейных переселенцев за 1906-1913 гг. составило 2,7 млн душ. А за предшествующие десять лет цифра составляет несколько более 1 млн душ, и ни в один год цифра переселенцев не достигала 200 тыс. человек, максимум 1896 г. — 177 тыс. человек. Компетентные люди полагали, что разместить в Сибири более 200 тыс. человек в год невозможно. Между тем в 1908 г. и 1909 г. их число превысило 600 тыс. Конечно, неожиданно большой наплыв переселенцев вызвал немало замешательства и затруднений на местах, издержки там были достаточно велики. Тем не менее процент обратных переселенцев упал с 18% за десятилетие 1896-1905 гг. до 12% в 1906-1913 гг.

И все же ни увеличение крестьянского землевладения за счет Крестьянского банка, ни рост переселения в Азиатскую Россию не решали аграрного вопроса. Правительство решилось, наконец, выделить инициативную часть крестьянства из-под власти крестьянского мира. Считая

чувство личной собственности одним из важнейших природных свойств человека, Столыпин хотел, чтобы в России сформировался мощный пласт крестьян-собственников, который в аграрно-крестьянской стране станет, с одной стороны, основным источником формирования среднего класса, а с другой — прочным фундаментом гражданского общества и правового государства. Вместе с тем реформа должна была резко повысить уровень производительных сил в стране.

Согласно указу 9 ноября 1906 г. каждый крестьянин мог выделить свою наделную землю из общины, не считаясь с ее желаниями. Под выделом здесь подразумевалось прежде всего количественное закрепление земли в тех чересполосных участках (их бывало куда больше 100), которыми выделяющийся раньше пользовался, с сохранением участия в пользовании общими угодьями. Выделенной землей можно было свободно располагать.

Далее, указ 9 ноября порвал с принципом семейной собственности. Выделенная земля принадлежала не семье, а становилась личной собственностью домохозяина. Другими словами, узы коллективности с личного собственника снимались. При этом наделные земли по-прежнему могли переходить только в руки крестьян. Я думаю, это похоже на кое-что из того, что мы знаем по нашему времени. Во избежание концентрации наделной земли было установлено, что один домохозяин не может владеть землей в количестве свыше 6 указных наделов по Положению 1861 г. Затем правительство совершенно последовательно было вынуждено признать, что наделная земля может стать и объектом залога. Это было сделано в указе 15 ноября 1906 г.

Однако в указе от 9 ноября был выдвинут еще один фундаментальный принцип, который стал отныне руководящим в деятельности правительства, а именно — землеустройство. Было недостаточно освободить крестьянина от общины юридически, нужно было дать ему возможность вести на своей наделной земле хозяйство так, как ему заблагорассудится, надо было освободить его от принудительного севооборота. Укрепление земли в собственность оправдывается прежде всего землеустройством. Каждый домохозяин, выходящий из общины, мог требовать, чтобы его земля была выделена к одному месту.

Указ 9 ноября предусматривал два типа землеустроительных действий: единоличное и групповое. Единоличное землеустройство индивидуализировало крестьянское хозяйство, создавая хутора и отруба, т.е. сводя воедино крестьянские наделы, зачастую раздробленные на десятки «полосок».

В ходе группового землеустройства велись работы, направленные на проведение точных границ между селениями, между крестьянами и соседними владельцами и т.д. — в целом, на улучшение порядка в землепользовании крестьян и ликвидацию их юридической неопределенности вне зависимости от того, выходили они из общины или нет. Часто групповое землеустройство предваряло личное.

Тут надо иметь в виду следующее. В сущности, вся полемика по поводу столыпинской аграрной реформы сводится к тому, что историки традиционной школы говорят, что реформа провалилась, а их оппоненты, в том числе и я, — с этим, как минимум, категорически не согласны. Ведь даже за те считанные годы, что реформа действовала, в России начались серьезные перемены к лучшему. Сама идея провала реформы идет от Ленина, который, надо сказать, сразу точно понял, что успех преобразований для него равносителен крушению надежд на победу революции. Ленин в одной из статей расценил падение после 1910 г. числа крестьян, получавших свидетельства об укреплении земли в собственность, как доказательство провала реформы.

Но это была абсолютная демагогия, поскольку по законодательству 1911 г. не требовалось уже получать эти свидетельства — было достаточно акта о землеустройстве. Однако поскольку авторитет Ленина не обсуждался, то советская историография предпочитала этого «противоречия» не замечать и десятки лет твердила заклинания о «провале», о «крахе» реформы и т.п. В силу этого землеустройству как центральной и весьма успешной части реформы уделялось не много внимания, отбирались, за редкими исключениями, только негативные факты и т.п.

Поэтому, конечно, при оценке эффективности реформы на первое место нужно ставить не число укреплений земли в собственность, а число и площадь землеустроенных хозяйств.

К моменту издания указа 9 ноября уже существовали землеустроительные комиссии, созданные указом 4 марта 1906 г. И, таким образом, дело землеустройства началось.

Издавая указ 9 ноября, правительство подчеркивало, что оно считает его, как я уже говорил, завершением реформы 1861 г. В идеале полноправный гражданин, созданный указом 5 октября, должен был стать свободным собственником своей земли.

Землеустройство начиналось с подачи крестьянами ходатайств об изменении условий землепользования. Затем составлялся землеустроительный проект. Далее производились необходимые землемерные работы. И, наконец, приводились в исполнение принятые населением проекты. Число ходатайств отражало, по преимуществу, волеизъявление кре-

стьян. Хотя нужно учитывать, что комиссии могли, в принципе, регулировать их динамику, когда это им казалось необходимым. Количественная характеристика остальных стадий работы зависела от оперативности работы комиссий, прежде всего наличия необходимого числа землемеров.

Масштабы столыпинского землеустройства можно представить по следующим двум показателям. Во-первых, за 1907-1915 гг. изменить условия землепользования пожелало почти 6,2 млн домохозяев. Это более половины всех крестьянских дворов России, или, по мнению историка В.Г. Тюкавкина, 67% общинных хозяйств страны. Во-вторых, согласно официальным данным, на 1 января 1916 г. были закончены подготовкой 87 855 землеустроительных дел по 105 104 земельным единицам для 3,8 млн домохозяев на площади в 34,3 млн десятин. Таким образом, общая площадь, охваченная землеустройством, составила без малого 375 тыс. кв. км и превысила территорию современных нам Германии и Черногории вместе взятых, или же Италии и Ирландии вместе взятых. И это без учета 10 млн десятин, перешедших к крестьянам посредством Крестьянского банка, и без землеустройства Сибири, которое превысило 22 млн десятин. Т.е. темпы землеустройства были колоссальные, невиданные, и нужно это подчеркнуть. Такого, действительно, как говорил Бабель, «Одесса не видела, а мир не увидит».

Статистика землеустройства, которой я специально занимался, показывает, что процесс землеустройства далеко не во всех губерниях шел равномерно. Это вполне естественно. Вместе с тем очевидно, что 8 губерний из 47, где шла реформа, дали почти 1/3 всех ходатайств. А 14 губерний с числом ходатайств более 164 тыс. дали половину всех ходатайств. На 20 губерний пришлось 64%. В остальных губерниях реформа шла медленнее. О причинах мы можем поговорить.

Период 1907-1915 гг. делится нормативными документами на два этапа. Это 1907-1911 гг., когда было подано 2,6 млн ходатайств, и период 1912-1915 гг., когда было подано 3,5 млн ходатайств, т.е. на 34,5% больше.

Это само по себе снимает один из вечных вопросов советской историографии о том, что реформа с 1911 г. шла на убыль. Термин «провал реформы» даже и обсуждать как-то стыдно. Анализ погубернской динамики дает обширный интересный материал для выводов, которые, конечно, далеко не совпадают с тем, что хотелось бы видеть традиционной историографии.

Я, конечно, склонен выделять период 1914-1915 гг. в особый этап, поскольку война не могла не сказаться на ходе землеустройства. И в ка-

ком-то смысле корректнее сравнивать данные за 1907-1911 гг. и за 1912-1913 гг. В чем-то они естественнее, объективнее, как мне кажется.

Из общего числа ходатайств, поданного за 1907-1915 гг., 48% относится к личным, а 52% — к групповым, притом, что в 1907-1911 гг. личных ходатайств было чуть больше, чем групповых. Опережающий рост коллективных ходатайств во второй период связан, во-первых, с тем, что Положение 1911 г., сделав землеустроительные комиссии судебными органами, фактически развязало им руки в отношении разноправной чересполосицы. А во-вторых, Первая мировая война, призвав в армию свыше 10 млн мужчин, среди которых, конечно, были потенциальные клиенты землеустроительных комиссий, понятным образом увеличила число групповых работ.

Касаясь группового землеустройства, очень важно заметить следующее. Я убежден, что адекватному восприятию столыпинской реформы сильнейшим образом препятствует лукавое якобы недоразумение, по которому этот вид землеустройства явно и неявно игнорируется или, во всяком случае, считается чем-то второсортным. Причин этому немало, в том числе фетишизация идеи всеобщей хуторизации всей страны, которая сама по себе оскорбляет интеллект П.А. Столыпина.

Большинство авторов, которые пишут о реформе, совершенно не упоминают о том, что переход крестьян к личному землеустройству был совершенно невозможен до ликвидации так называемой однопланности (во второй части нашего общения я могу пояснить, что это такое), чересполосицы, сервитутов и т.д., что до сведения к одним местам юридически и пространственно обособленного владения земель каждой деревни, каждого селения в отдельности было невозможно образование хуторских и отрубных хозяйств.

Другими словами, излюбленный тезис традиционной историографии о том, что крестьяне Нечерноземья были очень привязаны к общине, несколько обесценивается тем, что огромная их часть попросту не могла выйти на хутор или отруб, потому что их селение входило в состав «однопланных» или потому что в предшествующий период истории не были решены важные вопросы, связанные с проведением точных границ владений.

Вместе с тем, несмотря на увеличение землепользования, на землеустройство, на упорядочение аграрного строя, это была только основа для развития российского сельского хозяйства. А само развитие, как вы понимаете, было невозможно без ряда других условий, предпосылок, в том числе материального и духовного капитала. Правительственных средств явно не хватало, и только на основе кооперации можно было обес-

печить крестьянское население кредитами. Правительство это понимало. Но, как всегда, боясь ослабить свою власть, опасаясь всякой организации, демократии, правительство занимало двойственную позицию по отношению к кооперации. Т.е., с одной стороны, оно считало необходимым не только поддерживать ее, но и активно развивать, а с другой стороны, стремилось ее удерживать под своей опекой, ставя препятствия к ее внутренней консолидации.

Рост кооперации (и не только ее) в России после 1905 г. для Европы был беспрецедентным, хотя это, конечно, был «рост с нуля». К 1 января 1914 г. число учреждений мелкого кредита превысило 13 тыс., а численность членов в них — 10 млн. Подавляющая часть этих учреждений были сельскими. В Западной Сибири и многоземельных северных губерниях сельскохозяйственная кооперация находит себе специфическую основу в маслодельных и молочных артелях. Причем и здесь первые артели были созданы по инициативе правительственных инструкторов и с правительственными ссудами.

Кооперация чаще возникала не по местной инициативе. У нас часто любят говорить — «то-то и то-то» «правительство насаждало». Да, правительство по-прежнему, цитируя Пушкина, во многом оставалось «единственным европейцем» в стране. Ну и что из этого?

Во-первых, неплохо бы определиться с понятиями «искусственность» и «естественность» в самых разных аспектах. Во-вторых, не думаю, что в истории всегда плодотворен подсчет, условно говоря, процентов той и другой. В кооперации, во всяком случае, было не много искусственного. Об этом можно судить хотя бы по тому, что правительственные средства являлись для сельских кредитных товариществ поддержкой в первый момент жизни, но в дальнейшем они быстро пускали корни и умели привлечь местные средства. На этот счет есть очень интересная статистика, хотя я не люблю средние цифры по России, но в данном случае мы можем ими оперировать. Эта статистика показывает, что лишь 16,5% этих средств были правительственными. Все остальное — это были средства, которые люди добывали на месте, это очень важно.

Если мы сложим суммы местных вкладов и займов в судоберегательных товариществах и в кредитных, то темпы роста следующие. На 1 января 1912 г. — 242 млн, на 1 января 1913 г. — 308 млн, т.е. рост свыше 20%; на 1 января 1914 г. — уже 423 млн, т.е. рост свыше 30%. Чтобы уяснить масштаб цифр, не лишне напомнить, что 250 млн руб. — это размер потерь Россией вооружений в Русско-японскую войну, т.е. это стоимость Балтийского и Тихоокеанского флотов, всех пушек, отчасти Порт-Артура и т.д. — внушительная сумма.

Духовный капитал — это агрономическая помощь. С точки зрения истории, любая из проблем, которых я так вскользь касаюсь, — это целый материк, об этом нужно писать и писать, потому что мы знаем об этом, на самом деле, еще очень мало. Это относится и к такой важной проблеме, как агрономическая помощь. Можно сколько угодно упрекать русское крестьянство и крестьянство других стран за косность, консерватизм и пр. Упрек этот неисторичен, потому что для крестьян соблюдение традиций — это гарантия выживания. В лучшем ли, в худшем ли режиме — так жили предки, и так крестьяне могут сохранить себя дальше.

Но рано или поздно правительство должно осознать, что пора «переводить» сельское хозяйство на новый уровень развития. Я думаю, что многим из присутствующих известна простая закономерность. В Средние века и в Новое время голодовки — это обычный спутник сельского хозяйства стран Западной Европы (даже в середине XIX в. в Ирландии в результате болезни картофеля от голода умер 1 млн человек. В других странах Европы этого уже не было). Но, начиная с какого-то момента, сельское хозяйство Запада резко интенсифицируется. И бывают, естественно, годы лучше или хуже, но голодовок не бывает. Голодовка — это функция от низкого уровня агрикультуры в стране. А крестьяне сами никогда агрикультуру не поднимут, этим должно заниматься общество, если оно до этого дозрело. В России же оно явно не дозрело. Но если мы посмотрим на историю стран Западной Европы, то мы увидим, что в тех странах, которые лидировали, во Франции, Бельгии, Германии, даже в тогдашней Италии, не говоря о США, сельскохозяйственное просвещение населения брало на себя государство. Это целая отдельная тема.

А в России мы ничего похожего не видим. Земства занимали позицию скорее негативную, хотя агрономическая помощь началась в губернии, которая никогда не считалась уж очень аграрной, — в Пермской, еще в 1870-х гг. Как и всегда, огромную роль играл субъективный фактор. Должен сказать, что земства — не знаю, как в вашем, а в моем сознании — довольно долго были мифологизированы, как и русская интеллигенция в целом. К сожалению, даже голод 1891 г. не во многом изменил позицию земств по отношению к сельскохозяйственному просвещению крестьян. Земства считали своей главной задачей народное просвещение и здравоохранение. Агрономическая сфера выпадала из их внимания.

При этом, конечно, были выдающиеся земства. Это земства новороссийских губерний, прежде всего Херсонской, Екатеринославской, Харьковской, нескольких других. Полтавское земство — вне конкуренции, о нем можно поэму писать. А вот земства центрально-черноземных губерний, нечерноземных губерний, за небольшими исключениями, уделяли сельскому хозяйству мало внимания. И только с началом столыпинской

аграрной реформы, когда ГУЗИЗ стал обещать, что будет давать кредиты земствам на развитие агрономической помощи, история России вошла в новую стадию.

Чтобы минимизировать изложение, приведу несколько цифр, впрочем, еще не окончательных. С 1907 по 1912 гг. число правительственных агрономов, агрономов при землеустроительных комиссиях, выросло со 141 до 1400, земских — с примерно 600 до 3300.

Деятельность последних падала на более подготовленную почву, потому что в стране к началу Мировой войны было примерно 3,5 тыс. сельскохозяйственных обществ, причем, как правило, обществ малого района, которые охватывали одну или несколько деревень, могли охватывать волость и т.д.

Внешкольное образование. В 1905 г. на сельскохозяйственных курсах было 2 тыс. слушателей, а в 1912 г. — 58 тыс. Причем имейте в виду, что каждый из курсистов (так это тогда называлось), возвращаясь домой, очень часто становился учителем для односельчан. На эту тему можно очень много говорить, бездна свидетельств этого рода. В 1905 г. на сельскохозяйственных чтениях, которые проводили агрономы, присутствовало 32 тыс. слушателей. 1905 г., может быть, не самый удачный год в плане отсчета статистики (крестьяне другим были заняты), но, тем не менее, в 1912 г. (мы не знаем цифры за 1913 г.) — это 1 (!) млн слушателей.

Столыпинская аграрная реформа стала началом агротехнологической революции в России. Достаточно посмотреть на динамику перевозок сельскохозяйственных машин в России. В 1901 г. железнодорожные перевозки сельхозмашин составили 8,8 млн пудов, в 1902 г. — 10,7 млн, в 1909 г. — 21,5 млн, а в 1913 г. — 34,5 млн пудов. Т.е. за годы столыпинской реформы в этом смысле произошли очень серьезные сдвиги, о которых мы опять-таки тоже можем поговорить. Вместе с тем сразу скажу, что само по себе применение сельхозтехники не во всех случаях является индексом подъема агрикультуры, но в данном случае как раз речь идет (и я могу это легко показать и доказать) именно о начале качественно иной стадии в жизни русской деревни. Схожа динамика (даже в количественном отношении) перевозок сельскохозяйственных удобрений, хотя здесь ситуация несколько иная. Все-таки удобрения в русской деревне к началу Мировой войны не стали еще повсеместным явлением.

Приведенные цифры рисуют вполне определенные перспективы реформы, хотя это и типичный «рост с нуля». Но цифрами можно измерить то, что поддается измерению. А как измерить масштаб перемен, которые

начали происходить в душе тысяч крестьян по отношению к окружающему миру, в том числе к основе своего существования — сельскому хозяйству? А эти перемены вполне определенно начались.

Поэтому, подводя итоги, я скажу, что столыпинская аграрная реформа представляла собой уникальное явление в русской истории. Она могла и должна была стать началом радикального изменения вектора развития страны. К сожалению, начавшаяся Мировая война разрушила не только реформы, но и страну, в которой они проводились. Другими словами, реформа умерла вместе со страной, которую должна была спасти. И мой взгляд на то, что такое была эта реформа, таков: это был последний шанс старой России превратиться в цветущее государство. Спасибо за внимание.

Обсуждение

Борис Долгин: В советское время Столыпин понятным образом был известен благодаря галстукам, в постсоветское время, боюсь, что многие наши сограждане черпают свои представления о нем из исторической беллетристики вроде Солженицына. В каких еще отношениях важно скорректировать представления? Каковы основные тенденции историографии, которые нужно преодолеть?

Давыдов: Я сразу скажу, что отношусь к той части историков, которая действительно считает реформы Столыпина, и аграрную реформу в частности, выдающимся и очень перспективным явлением русской жизни. Если бы война не началась в 1914 г., даже в 1915 г., а еще лучше в 1916 г., то, конечно, никаких шансов ни у каких революционеров не было бы, и школьники изучали бы реформы Столыпина точно так же, как мы изучаем Великие реформы Александра II. При этом, конечно, существует и второй взгляд. Месяц назад я участвовал в конференции в Вольном Экономическом Обществе, и там, конечно, снова были слова о «столыпинских граблях», о том, что он не учел общинную психологию, любовь и т.д. Выступал, сразу скажу, бывший советский аграрный генерал — что с него взять.

Дореволюционная оппозиция была очень мощной. Выдающийся русский экономист И.В. Мозжухин — к сожалению, погибший в годы Гражданской войны, — пророчески написал, что реформы с самого своего появления раскололи страну надвое. Он имел в виду, конечно, образованный класс страны. Неслучайно и во время обсуждения в Госдуме, и, особенно, в Госсовете очень часто большинство было в 1-2 голоса, и принимались меры в пользу реформы. А в связи с революционерами был удивительный момент. Реформа была чуть ли единственным эпизодом,

когда крайние правые в Думе, в Госсовете объединялись с левыми и с кадетами, которые для нормальных людей тоже были левыми. Столыпин был им во многом просто ненавистным человеком, потому что это была личность. Они впервые против себя увидели смелого человека с высоким уровнем интеллекта, с мощной волей. Это был не Горемыкин (есть говорящие фамилии: вот что может премьер-министр с фамилией Горемыкин?..). Они увидели личность. И, конечно, то, как он себя вел, держал, как он себя мыслил, как он говорил...

Для большинства историков советского времени Столыпин был просто ненавистным человеком. Я имею в виду, прежде всего, историков примерно 1920-х гг. рождения. Вместе с тем были исключения, как покойный Виктор Тюкавкин — заведующий кафедрой в Ленинском пединституте, очень хороший историк и человек, сибирский крестьянин, с блеском закончивший иркутский истфак, а затем с блеском работавший в очень сильном московском вузе. Он всю жизнь занимался историей русского крестьянства, имел на это, конечно, все права. Кстати, он рассказывал о том, как школьником еще ездил на американских сеялке и жатке производства еще 1912-1913 гг. Ведь Сибирь с началом столыпинских реформ стала мировым рынком для сельхозтехники. Тюкавкин и его единомышленники были, конечно, исключением. Для большинства же Столыпин был ненавистный человек, просто классовый враг. Историк Анфимову, по-моему, было бы лучше его последнюю работу, «Неоконченные споры», не писать.

Сейчас существует уже новая историография. Это историк Олег Вронский, это профессор МГУ Рогалина, профессор МПГУ Проскурякова. Я думаю, что сейчас говорить об истории русской общины, не зная работ Вронского, непродуктивно, неэффективно. Очень хорошая работа написана Ковалевым, она посвящена сельскому хозяйству столичных губерний, Московской и Петербургской, охватывает не только дореволюционное, но и советское время, коллективизацию. Есть и другие имена. Конечно, у этих историков отношение к личности Петра Аркадьевича иное.

Другое дело, что сейчас есть апологетическая линия, конечно, публицистическая. Когда-то Ф.Ф. Вигель говорил о графе М.С. Воронцове, что для своего штаба Воронцов имел непогрешимость папы. И для апологетов Столыпин — это человек без недостатков. Конечно, такого не бывает. Сейчас издано очень много документов. Я не могу не отметить большую работу фонда «Наследие Столыпина», который издал, ввел в научный оборот множество новых документов, в том числе переписку Столыпина — деловую, письма с женой и др. Благодаря этим документам личность играет совершенно новыми гранями.

Григорий Чудновский: Будьте добры, ответьте на несколько вопросов — не обязательно подробно, но хотя бы ключевые моменты... Первый. Столыпину принадлежит высказывание (я привожу его не дословно, но по сути), что кому-то нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия. Из того, что вы говорили, из его личных характеристик и того проекта, который он задумал и вел, совершенно очевидно, что это конфликтный проект, который должен был натравить одних на других, расколоть страну. Интеллигенция раскололась, дворяне, наверное, было против, я думаю, много слоев. Т.е. это очень конфликтный проект. Почему он это не предполагал? Почему «великая Россия»? Это пиар такой, фигура речи?

Второй. Какую психологию вы упомянули, когда говорили, что психология последует дальше за преобразованиями? Вы сказали, что когда политические, экономические, правовые решения начнут реализовываться, там некоторым образом вырастет психология. Вопрос — из какой психологии (общинной?) и во что? Что ожидалось?

И последний. Может быть, я прослушал, но вы ничего не сказали о последнем этапе, а именно — торговле. Как предполагалось реализовать эту массовую продукцию, если бы пошла успешная земельная реформа, началось бы массовое производство? Торговые структуры тоже должны возникать не с нуля. Поясните, пожалуйста, как подразумевалась торговля. Кого с кем? И кто ее должен был осуществлять?

Давыдов: Если позволите, я начну со второго вопроса, что касается психологии. Для меня лично в многолетних занятиях столыпинской реформой важным был ответ на один вопрос для себя самого. Психология нашего народа может меняться — или мы приговорены? И я сам себе (надеюсь, когда выйдет книга, это станет очевидно и другим) ответил: «Да, может». Потому что начала меняться трудовая этика, начало меняться отношение крестьян к своему труду. Можно много говорить на эту тему. Хотя, естественно, мне, как большинству исследователей, материала всегда мало, все равно мало, но почти каждую неделю появляется новое свидетельство, потому что все-таки сохранились сотни отчетов агрономов. Эти изменения в трудовой этике очень важны. Давно существует известная позиция — крестьяне в России, бедные, вкалывали от восхода до заката, климат был очень плохим, и трудового времени было очень мало, поэтому они работали без выходных и т.д. Это мечтательная конструкция. Историки второй группы, которые опираются на реальные источники, говорят, что только за пореформенное время в среднем по стране (это статистика, в которой, скажем, современные подсчеты Миронова вполне совпадают с подсчетами князя Васильчикова, который был руководителем ГУЗИЗ до Кривошеина) число праздников увеличилось

на 30 рабочих дней. Летом очень много праздников. У министра земледелия Александра III и Николая II — А.С. Ермолова — об этом тоже немало написано.

Третий вопрос. Я не очень понимаю, почему торговля — это заключительный этап реформы. Давно был всероссийский рынок. Россия к этому времени, как известно, была одним из мировых лидеров на сельскохозяйственном рынке. И, конечно, за 50 пореформенных лет система торговли хлебом и сельхозпродуктами менялась. Кстати, может быть, не все знают, что вторую статью по доходности в сельхозэкспорте России после хлеба занимали яйца и яичные желтки. Система торговли была налажена, и она совершенствовалась. Здесь были, конечно, свои изъяны, не хватало элеваторов и многого другого, но реформа не была рассчитана на то, что сербский юноша возьмет и убьет Фердинанда, а до этого — еще две Балканских войны.

Ваш главный вопрос — степень конфликтности столыпинских преобразований. Взгляд, который вы высказали, существует. В историографии есть такая точка зрения, вы вправе так думать. Но я думаю, что глобально реформа Столыпина была нацелена на достижение, наконец, в стране классового мира. Я обращаю внимание на книгу Мозжухина, о котором уже упоминал. Мозжухин как настоящий исследователь описывает на примере своих трех волостей (это несколько тысяч человек, вполне реальных, конкретных, которых он лично знал, лично описал, лично опросил, как происходит выдел, как происходит реформа) пишет: «Да, вначале конфликты». Советский историк на этом бы остановился — все в раздрае. А вот Мозжухин потом с красной строки продолжает: «Но постепенно все успокаивается». Те, кто остался в общине, с интересом смотрят на новшества, которые применяют те, кто выделился, начинают примыкать и т.д.

Рабочий вопрос. То, что предлагал Столыпин в сфере рабочего вопроса, — это очень сильное продвижение вперед. В перспективе предполагалось, что будет мировой взрыв, Мировая война, то, что Марк Алданов точно назвал самоубийством Старой Европы. К этому моменту умные министры, такие, как Бисмарк, Ллойд Джордж и другие, поняли, что имея в перспективе Мировую войну, нужно дома иметь крепкий тыл, нельзя иметь страну, раздираемую противоречиями. Отсюда и рабочая политика Бисмарка, политика, условно говоря, покупки оппозиции: поменькают в рейхстаге, по телевизору — и очень хорошо, пусть поменькают, привыкнут, им это понравится, меньше будут звать на баррикады. Советский взгляд на столыпинские реформы — это очередная материализация веры в чудо, которая так присуща нашему народу, разрыв между сверхидеальной моделью реформ и реальной жизнью.

Что касается интеллигенции. Русская интеллигенция, на мой взгляд, несет ответственность по полному счету за то, что произошло в стране в 1917 г., громадную ответственность, не меньшую, чем царизм. Народ вступил в революцию позже всех, когда его разнуздали. Но разнуздали его интеллигенция. С интеллигенцией мира быть не могло. С образованным классом — да. Для интеллигенции было только «Мы и они». Все, что от правительства, — все плохо. Вот выдающийся человек, мозг столыпинской аграрной реформы — Карл Кофод (слава Богу, его имя реабилитировано, издаются труды этого теоретика реформы). Кофод писал, что, конечно, партийные политики всегда ставят партийные интересы выше интересов страны, но нигде это не имеет такого размаха, как в России, цитирую дословно, «где любой пункт правительственной программы отвергался только потому, что это было предложение правительства». Замечу, что я понимаю под интеллигенцией. В то время интеллигенция — это концентрический круг внутри образованного класса. Это те люди, которые занимали ярко активную позицию. Помните, в «Дуэли» Чехова: «Как можно заниматься насекомыми, когда народ страдает?». Так они все были воспитаны.

Поэтому, суммируя, я не считаю реформу конфликтной. Перспектива должна была быть иной. А внутренние конфликты в стране есть всегда.

Долгин: Я попробую уточнить заданный вопрос. Понятно, что целью было разрешение существующих противоречий. Как уже было сказано, нередко результаты голосования решались одним-двумя людьми и т.д., т.е. это так или иначе вызывало определенные дискуссии, это вызывало определенное сопротивление даже наверху. Это решение проблемы по ходу не могло не вызвать обострения каких-то проблем.

Давыдов: Да, обострение «каких-то проблем», конечно, было. А как иначе может быть?

Чудновский: У меня все-таки осталось недопонимание. Есть многовековой общинный уклад. Я не специалист в этой структуре, но я понимаю это так: все одинаковые или близкие, кроме крепкого хозяина, все остальные одинаковы. Столыпин кому-то дал возможность вырваться вперед, кому-то — недотянуть, т.е. началась разноразмерность. Но как не появляется зависть?

Давыдов: Конечно, появляется.

Чудновский: Раз появляется — значит, поджог. Хочется сжечь закрома, где собрано зерно, «потому что у меня его мало». И это мы видим на революции, когда голытьба жгла кулаков с большим удовольствием. Это же одна и та же психология. Разные времена, но люди одни.

Давыдов: Все так. Просто когда мы говорим об аграрной революции или аграрных погромах 1917-1918 гг. (1905 г. пока оставим), вопрос можно сформулировать иначе: «Человек по природе мародер или нет?» Я отвечаю: «Мародер». Не зря в самых цивилизованных армиях установлены во второй половине XX в. наказания за мародерство. Я даже знаю солдата одной армии, который, невзирая на все наказания, взял и принес молитвенный палестинский коврик домой, как трофей. Это совершенно другая ситуация. Мы все видели: наводнение во Франции, беда в Штатах — мародерство есть. И то, что крестьяне, вчерашние хуторяне, грабили помещиков — это естественно. Как бы они их не грабили — я бы очень хотел на них посмотреть, может быть, к человечеству бы иначе относился. Это другое. Банальность, но можно и так сказать, что в 1917 г. все крестьяне, и богатые, и бедные, грабили помещиков. Причем — здесь много женщин, я не буду рассказывать, как грабили. В ходе Гражданской войны беднота и средние (хотя средние во многом считались кулаками, это от местности зависело) прикончили кулаков. По монографиям советского времени, у них осталось менее трети. А потом советская власть прикончила остальных. Восторжествовала справедливость. А такого рода конфликты, о которых вы говорите, были, есть и будут.

Давайте вспомним. Все присутствующие наверняка помнят, что в ходе проведения реформы 1861 г. был расстрел крестьян в селе Бездна. Мы можем вспомнить что-нибудь похожее в ходе столыпинской реформы? Конечно, нет. Естественно, поколачивали, бывало, соседей, поколачивали землемеров, вынуждали забирать заявления о выходе — все это было. У меня совершенно не гламурный взгляд на реформы. Я могу до Нового года, не сходя с места, рассказывать о недостатках реформы. Но как могло быть все сделано в эти считанные годы? 1907 г. для землеустройства практически пропал, потому что в 1907 г. почти все землемеры занимались делами Крестьянского банка. В моих подсчетах, когда я высчитываю среднее, я всегда 1907-1908 гг. считаю за один год, чтобы меня не обвинили в искусственном наращивании средних показателей. В 1910-1911 гг. дело уже пошло, начали набирать опыт. Здесь новый закон и положения 1911 г., на усвоение которых ушел весь 1912 г., а кое-где и 1913 г., потому что резко повысился градус юридического качества разверстания и вообще землеустройства.

Кофод писал (а он знал, о чем пишет), что землеустройство — это на 50 лет. Это он писал уже в эмиграции, совершенно спокойно, ничем не связанный. 50 лет на землеустройство.

Мы все — современники неудачных реформ, на мой взгляд. Реформы Столыпина в ближайшие же годы дали отдачу, и это выражается в целом

ряде статистических показателей. А эти конфликты были неизбежны. Неравенство, к сожалению, всегда будет.

Ольга Орлова: У меня возник вопрос в связи с современной реформой местного самоуправления. Недавно я беседовала с двумя менеджерами Всемирного банка, который сейчас реализует проект реформы местного направления у нас. У них выбраны три «пилотных» края: Пермский (и, кстати, очень характерно, что они тоже отмечают Пермский край как наиболее прогрессивный, это прозвучало и у вас в лекции), Пензенский и Адыгея. Три места с совершенно случайно выбранными поселениями. И в какой-то момент они обратили внимание на то, что активность участия местных жителей и местных властей в реформе самоуправления очень неоднородна. Поскольку речь шла о трех местах, а не о всей России, то у них была возможность провести грамотное социологическое исследование, выявить корреляцию, с чем это связано. Напомню, что это стало возможно в связи с тем, что у нас теперь сельские поселения имеют собственные бюджеты. Раньше сельсовет не имел собственного бюджета и управлялся из района, а теперь имеет. Вопрос: «Готовы ли к этому наши сельские жители или нет?». Они заметили, что жители готовы к этому по-разному. Одни активно готовы, а другие и не хотят участвовать. Сначала были проведены архивные исследования, связанные с тем, какие категории крестьян жили на этих землях. И выяснилось (что, наверное, для вас как для историка совсем не удивительно), что там, где сохранялись традиции наиболее сильного закрепощения, — там, естественно, они так и живут с тех пор неактивно...

Давыдов: Это в Пензе?

Ольга: Совершенно верно. Но про Пензу они, кстати, тоже рассказывали, что это очень сильно зависело, потому что Пензенская область большая, и там тоже были и церковные крестьяне, и другие. Они сказали, что было явно видно, как зависит активность местных жителей, желание участвовать в собственной жизни от того, какие там были местные традиции, формы хозяйствования, по крайней мере, за два века, которые сохранились в архивах. У меня вопрос. Есть ли у вас какие-нибудь данные, были они или остались, были ли какие-то исследования на тему зависимости участия крестьян в столыпинской реформе в зависимости от их категории, связанной с собственностью? На мой взгляд, мы слишком много говорили об общине. Но представить себе огромную Россию, где были хуторские хозяйства — это было огромное количество разных сельских укладов, и странно было бы все свести к общине и сказать, что в этом-то и заключается коренное противоречие. Есть ли у вас такие данные?

Давыдов: Данные такого рода есть. Сейчас работы 1990-х — начала 2000-х гг., конечно, гораздо более свободны. Сейчас регионоведение очень сильно развивается, приходится сталкиваться на конференциях, рецензировать работы. Что можно сказать, возвращаясь к столыпинской реформе. Конечно, бывшие государственные крестьяне, которые имели наделы большие, чем крепостные, просто по условиям освобождения, в некоторых отношениях были гораздо свободнее, чем помещичьи крестьяне, там степень инертности была выше. Есть, конечно, сюжеты общие для всей страны. Но даже в официальных отчетах (например, агрономы пишут ежегодный отчет) бывают всплески эмоций, проявляется личность, есть очень много полезной информации. Стопроцентной зависимости нет. И все-таки там, где было больше госкрестьян, переход к кооперативам и т.д. проявляется в большей степени. Об этом можно много говорить. Вместе с тем важен момент, что огромную роль играла степень вовлеченности крестьян в рынок. Тривиально, сколько железных дорог проходит через губернию. В Пензенской губернии с этим была беда. Даже в советское время, говорят, было всего две асфальтированных дороги. Пермская губерния — она же громадная, как современная Германия, в ней старое промысловое население, люди зачастую более инициативные. Вместе с тем их землепользование иногда было просто страшным. Однопланное селение — это целая волость, 918 кусков и на 30-50 верст разброс между участками — попробуй это обработать.

Вопрос из зала: Кто оплачивал работы по землеустройству — государство или сами крестьяне?

Давыдов: Очень хороший вопрос. Мне неизвестна специальная работа, которая посвящалась бы истории финансирования столыпинской аграрной реформы, хотя потребность в этом, конечно, давно назрела. Расходы, конечно, оплачивало правительство. И за 1907-1913 гг., по подсчетам историка Дякина, на землеустройство было израсходовано 134, 5 млн рублей, на переселение — 162 млн рублей. Плюс земства на агрономическую помощь отдали 66 с лишним млн рублей. Правительственные ссуды крестьянам составили почти 33 млн из средств ГУЗИЗа. Итого в сумме это порядка 400 млн рублей, большая часть Большой флотской программы, т.е. это приличная сумма. Но стоимость приобретенных у Крестьянского банка и при его посредстве земель составила за 1906-1913 гг. (помните, я говорил о «Болгарии», которую купили крестьяне у банка) составила 1 125 млн рублей, из которых сами крестьяне уплатили только 190 млн. Т.е. Крестьянский банк фактически работал себе в убыток, в отличие от предшествующего времени. Там была очень красивая история про то, что разницу в курсе между теми обязательствами, которые он выдавал (процент-то был ниже, чем у других

банков), он заплатил — 150 млн, компенсируя разницу в своих долговых обязательствах, и это тоже надо отдать на финансирование реформы. Вместе с тем совершенно понятно, что тех ссуд, которые давались землеустроительной комиссией, было далеко не достаточно. Но если отказаться от того потребительского и классового подхода, который легко прослеживается в советской историографии, то смею вас уверить, ситуация была оптимистичной, а не пессимистичной. Буквально на прошлой неделе я прорабатывал отчеты воронежских агрономов. Они только в 1912 г. стали писать отчеты, два тома, очень интересные. Там очень разные картины, но ведь все только начиналось. Мы знаем ситуации, когда люди въезжают в квартиры и начинают строить все заново.

Вопрос из зала: И второй вопрос. Вы говорите, что крестьяне выкупали землю. Соответственно, их средние наделы (меня интересует не черноземная зона) увеличивались. После революции им отдали всю помещичью землю. Насколько принципиально увеличилась их земля после революции, по сравнению с той прибавкой, которую дали столыпинские реформы?

Давыдов: Непринципиально. Мы можем говорить о землеустройстве на наделной земле, т.е. когда просто происходит переструктурирование той сельскохозяйственной площади, которую обрабатывали крестьяне. Этим землеустройством на наделной земле, как я сказал, было охвачено 34 с лишним млн десятин. Затем мы говорим о землеустройстве в Сибири, где крестьяне получали землю практически даром, при этом они получили возможность продавать наделы в Европейской России, добывая себе таким образом подъемные на обустройство хозяйства на новом месте. И мы говорим о покупке земли у банка. Львиная доля земель, которые покупал банк, — это юго-восток европейской России (Саратовская, Самарская губернии) и центрально-черноземные губернии. Впрочем, даже в Смоленской было довольно много продано. Вы понимаете, что по-настоящему умные люди после 1905 г. все дела в России закончили. И, конечно, большая часть земель, которыми располагал Крестьянский банк, была продана ему именно в 1906-1908 гг.

Прибавки. Средний надел по стране был порядка 10,5 десятин. Но это вилка в диапазоне от 3,8 десятин в Подольской губернии до 60,5 десятин в Олонецкой, там совсем другая жизнь. Прибавки были разные. Все зависело от того, кто покупал и как покупал. Банк предпочитал продавать в личную собственность, т.е. больше всего покупали отрубов, меньше хуторов. Хутора не везде были возможны сугубо в силу местных природных условий. Для юга, для русской степи очень актуальна проблема водоснабжения. Именно поэтому средний размер деревень в Костромской губернии — 13 дворов, в Псковской — 8-9 дворов. А в Ставропольской

губернии, где шла реформа, — до 1 500. В казачьих областях, естественно, реформа не шла, и все, что я говорил об общине, к казачьим общинам никак не относится. Там войсковые агрономы зачастую появились раньше, чем в земствах. На юге в селах бывало до 1500 дворов ровно потому, что они группировались возле воды. Поэтому прибавки были разными. Все это было очень конкретно.

Вопрос из зала: В процентном соотношении — какое количество земли было добавлено большевиками, по сравнению с тем, что крестьяне получили в результате реформы?

Давыдов: Есть такая байка. Во время одной из революций во Франции в XIX в. будто бы в банк Ротшильда ворвалась возмущенная толпа с требованием вернуть средства, награбленные у французского народа. И будто бы Ротшильд вызвал главного бухгалтера и спросил: «Вот здесь пришел французский народ за своими деньгами. Сколько причитается на одного француза?» Он ответил: «Восемь франков, месье». В этом весь ужас. В десяти наиболее нуждающихся губерниях, где было самое низкое землепользование, было всего 14% помещичьих земель. Т.е. то, что эта прибавка будет совершенно ничтожной, было понятно всем. Ладно упертые эсеры, они в массе два класса закончили, что с них взять, но тут образованные экономисты... Но тогда тон был такой: «Хочешь, чтобы ты был популярен, чтобы ты «мелькал» — говори, что надо забирать землю». Никакого иного решения аграрного вопроса, кроме конфискации помещичьих земель, которые были рассадниками агрикультуры, не было. То имение своих родственников, которое Солженицын описывает в августе 1914 г., — это не фантазия. Я могу не сходя с места назвать больше десятка таких имений: любое имение возле сахарного завода, а многие из них принадлежали русской титулованной знати и не русской тоже, например, польской. Был такой уважаемый экономист Николай Огановский, который написал много статей в энциклопедическом словаре Гранат, сильный специалист, но партийный — такие были. И когда он после революции выпустил свою книгу о сельскохозяйственной географии России, партия ему тут же «вставила», ведь это было начало 20-х гг.: как это он посмел сказать, что прибавка составила, дай бог, 1 десятину на двор?! Т.е. прибавка ничтожная, это было всем понятно. С крестьянства в данном случае взятки гладки, потому что у него была вековая психология, которую никто не хотел менять. А кое-где было и меньше десятины.

Карина Геворгян: Российская империя была вроде протифедеративного государства: Финляндия, Польша имели некоторые возможности и свободы, которых не имели иные губернии России. У меня вопрос, как реформы Столыпина, и в частности аграрный аспект этих реформ, реа-

лизовался именно в инородческих губерниях? Я имею в виду, в основном, Кавказ, Поволжье — территории, населенные татарами, башкирами, калмыками.

Давыдов: В Поволжье шла реформа, как везде, на общих основаниях.

Геворгян: Какое это там вызывало сопротивление, ведь параллельно шли очень интересные культурные процессы?

Давыдов: Тогда по порядку. В Финляндии, конечно, никакой столыпинской реформы не было. Считается, что 50 губерний в европейской России. Это, конечно, неправильно, потому что, по меньшей мере, Терская, Кубанская области и Ставропольская губерния входят в состав Европейской России, т.е. их 53. Плюс 10 польских губерний — Привислинский край. Реформа шла в 47 губерниях, т.е. она не шла в трех прибалтийских губерниях, но шла в Ставропольской губернии. В Донской области шла реформа, но только для иногородних, и там она, конечно, шла очень вяло в силу разнообразных местных условий. В губерниях Поволжья она шла на совершенно общих основаниях. Скажем, Казанская губерния была одним из лидеров в групповом землеустройстве, т.е. по числу ходатайств она занимала в 1913 г. первое место, в 1915 г. — второе. Воронежская и Казанская.

Препятствием было, конечно, недостаточное знание народами Поволжья русского языка. Но в ходе реформы (в России это вообще капитальная проблема) — всегда есть проблема коммуникации между властью и поданными. Кофод пишет, что через год после начала реформы далеко не все крестьяне знали, что она началась ровно оттого, что в уездных комиссиях сидели инертные люди, безразличные, а зачастую просто партийные противники реформы. К сожалению, я не могу это сопоставить с теми культурными процессами, о которых вы говорите.

Геворгян: А в Закавказье?

Давыдов: Кавказ не был затронут реформой. Колонизация туда определенная была — разная, как и колонизация в Среднюю Азию. Это отдельная, очень большая тема. Там было очень по-разному. Конфликты, которые были, естественно, реализовались в Гражданскую войну. Но это третьестепенный фронт реформы.

Вялков: Большое спасибо, что вы нам напомнили о 100-летию реформ Столыпина. Потому что, честно говоря, этого даже не осознавал. И это довольно странно, потому что если вспомнить начало 90-х гг., каждый день в каждой газете, журнале, чуть ли не в каждой передаче телевидения говорилось о реформах Столыпина, и все они были апологетического характера, как и ваше сегодняшнее выступление. Года три тому назад я купил одну из книг Сергея Кара-Мурзы, в которой он достаточно

критически отзываясь о столыпинских реформах и приводит массу убедительных, на первый взгляд (поскольку я не являюсь специалистом в этой области), примеров отрицательного воздействия столыпинских реформ на судьбу России. В частности, он приводит случаи использования административного ресурса, когда выделяемое крестьяне получали при каких-то преференциях в виде более хороших наделов и т.д. Он же описывает и дает иную статистику по производству хлеба. Пытался найти у себя в библиотеке эту книгу, чтобы освежить в памяти, но не смог. Скажите, пожалуйста, можете ли вы подтвердить или опровергнуть эти утверждения Кара-Мурзы? Это первый вопрос.

И второй вопрос. Почему, на ваш взгляд, по сравнению с началом 90-х гг., заметно поубавилось энтузиазма как в отношении самого Столыпина, так и его реформ со стороны власть предержащих и представителей научной общественности? Спасибо.

Давыдов: Если позволите, я начну со второго вопроса. Столыпинская реформа настолько масштабна, что она всегда — очень удобный способ поговорить о судьбах отечества. Берет две цифры человек и говорит: «Эти цифры неотразимо показывают, что в реформе было все плохо, что ее никто не принял, что община — это наше родное, святое и т.д.» Можно с равным успехом с этими двумя цифрами произнести апологетический текст. Реформа очень многого касается. В конце 80-х — начале 90-х гг., конечно, сохранялись наивные надежды, что путем трансформации советского аграрного сельскохозяйственного строя удастся сохранить и даже возродить деревню. Нет. Это было понятно. Сельское хозяйство страны было в почти убитом состоянии уже к приходу Горбачева. Потом в этот полутруп еще и выстрелили. Я знаю, о чем говорю, потому что я не только кабинетный историк. Я более 30 лет каждый год езжу в археологические экспедиции и российскую советскую деревню знаю совершенно не понаслышке... Для власть предержащих начала 90-х гг., конечно, сравнение со Столыпиным было очень лестным, я полагаю. Слишком лестным. Но ситуация была совсем другая.

Теперь что касается книги Кара-Мурзы. Она называется, по-моему, «Столыпин — отец русской революции». Вот так объявить — значит не понимать, о чем ты пишешь. Кстати, в науке это бывает сплошь и рядом. Насколько мне известно, Сергей Кара-Мурза — не историк по образованию, а скорее политолог.

Применение административного ресурса, конечно, было. Представьте оппозицию «российская власть — российский народ». Мы знаем, что и в интеллигентных семьях очень часто раздел имущества не обходится без скандалов на всю жизнь. А теперь представим себе 105 тыс. земельных обществ, как я уже говорил, в которых тоже производится раздел

имущества. Как это дело может обойтись без скандала, если понятно, что власть поощряет?

Вялков: Так, может быть, в конфликтности и есть причина неудачи этой реформы? Еще Ленин, как известно, говорил о двух путях аграрных реформ: американский, фермерский (вырезали всех индейцев и стали свободными фермерами) и юнкерско-германский. Может быть, имеет право на существование точка зрения, что она была излишне конфликтна, излишне радикальна и в силу этого не могла быть реализована достаточно успешно?

Долгин: А в чем неудача реформ, по вашему мнению? Каков критерий неудачи?

Вялков: Как известно, есть точка зрения, что если бы удались столыпинские реформы, то не было бы революции, и лектор это в какой-то степени тоже говорит...

Давыдов: Я?! Совсем нет, что вы. Что касается революции, в той части научного сообщества, к которой я принадлежу, нет ни малейшего сомнения о ее прямой связи с Первой мировой войной.

Есть знаменитая фраза начальника германского генштаба в письме к кайзеру, в которой он говорит, что нам нужно начинать войну как можно быстрее, потому что наш союзник, Австро-Венгрия, рассыпается с каждым днем, в то время как Россия скоро закончит перевооружение своей армии и тогда просто задавит нас числом своих солдат. К войне в принципе готовились. Все, что было положено по мобилизационным планам, было на месте. Просто никто не знал, что война будет такой. Из всей Европы один лорд Китченер, генералиссимус британской армии, сказал, что война будет длиться четыре года. А все думали, что к новому году она закончится. Поэтому мобилизационный запас был израсходован буквально в первые недели войны. В первые два месяца войны снарядов было выпущено в два раза больше, чем за всю Русско-японскую войну. И революция 1917 г. — это прямое следствие неудачной войны. А неудачная война — это прямое следствие много чего. Но столыпинская реформа, поверьте мне, к этому не имеет никакого отношения. Я могу эту развить, если угодно.

Александр Ионов: Спасибо большое, что я не услышал здесь заключение о пьяном русском хозяине, о ленивом характере, потому что я из крестьян и знаю, что таких на селе очень мало и они быстро подымают, если не подготовятся к зиме. Назовите ваши книги и где их можно найти, я думаю, что многие интересуются. И вопрос. Вы уже ответили предыдущему оратору, стороннику Кара-Мурзы, но мне бы хотелось более резко. Дайте, пожалуйста, сравнительную оценку реформаторства

Столыпина и сегодняшних реформаторов, их кругозора, образования и пр. Спасибо.

Давыдов: Начну, как со значимого, со второго вопроса. На конференции месячной давности в Экономическом обществе, которую я упоминал, один специалист по управлению, компетентный человек, сказал, что если оценивать реформаторство 90-х гг. по 16-балльной шкале, то оценка будет 4 балла. А если оценивать реформы Столыпина, то оценка будет 15 баллов.

Долгин: А он не говорил о критериях?

Давыдов: А критерии, на мой взгляд, понятны. Есть такой тип российского реформаторства — он, конечно, отчасти берет начало с Петра I. Петр при этом как главный реформатор все-таки иногда обладал самоиронией и самокритикой: «Русское к шведскому приложа» и т.д. — вот его формулировка. А очень многим иногда кажется достаточным срезать золотую пуговицу и кружева с красивого кафтана и пришить к армяку, и это будет реформа — извините.

А один из типажей советского реформаторства: «Давайте будем использовать венгерский опыт!» В Венгрии населения меньше, чем в Москве! И это население сформировалось в совершенно иных условиях, почему-то имеет совсем другую структуру сознания. Теперь бывшие апостолы Перестройки обожают опыт Чили, опыт Пиночета. Ну, да, страна довольно длинная. Но и узкая при этом. А жителей еще меньше, чем в Венгрии. И опять-таки темперамент высокий, но совершенно другой уровень. Монетаризм. Любой человек, хотя бы чуть-чуть знакомый с экономическими учениями, хорошо знает, что даже в монетаризме есть разные школы. Да, конечно, успехи Тэтчер были реально осязаемы, и это были Успехи. Но они были вызваны тем, что реформы проводились в стране с совсем другим правосознанием, с иной трудовой этикой и бездной других вещей, о которых долго говорить. А у нас получается так: 75 лет мы жили при советской власти (я не говорю о предыдущей эпохе), а вот завтра, с 1 января 1992 г., мы начнем жить в правовом государстве. С чего бы это?

Моя книга о сельском хозяйстве России называется «Очерки аграрной истории России конца XIX — начала XX вв.» Продается она в магазине моего университета «У Кентавра», это в РГГУ, м. Новослободская, и в музее Маяковского, там есть книжный ларек. И я надеюсь, что в следующем году выйдет книга, посвященная истории всероссийского рынка в конце XIX — начале XX вв., а также книга о столыпинской реформе, она так и будет называться «Столыпинская аграрная реформа: землеустройство и агрономическая помощь».

Владимир Ковнир: Я сам экономист, пара вопросов. В принципе, все историки сходятся на том, что крестьяне по выкупным платежам за предыдущие 45 лет, в середине XIX в. довольно много переплатили, от 3 до 4 раз, по сравнению с реальной стоимостью земли. Не кажется ли вам, что в силу этого экономический базис, на который опирался Столыпин, был несколько идеализирован? Как вы оцениваете: может быть, столыпинская реформа несколько запоздала? Другие вопросы были такого рода — а надо ли было ее в принципе начинать?

Давыдов: Ну, если бы знать, что в 1917 г. начнется, можно было бы и не начинать.

Ковнир: Мы помним «последний клапан», людей нашего возраста этому учили. Были ли альтернативы, и почему они все-таки не пошли в ход? Известно, что при Александре III был запрещен выход из общины, вы упоминали Бунге и т.д. И второй вопрос, более короткий. Как вы, учитывая отсылку к вашему полевому археологическому опыту, оцениваете судьбу и жизнь современного крестьянства, его перспективу? Учитывая то, что извечный русский вопрос — как нормально начать жить на земле. Спасибо.

Давыдов: Вопросы интересные. Что касается альтернативы, то она, безусловно, была. Она заключалась в том, что надо было отказаться от претензий на одну из ведущих ролей в мировой политике. В последние годы меня в этом плане занимают Китай и Индия. Их судьба в XVIII-XIX вв. и большей части XX в. была, наверное, не слишком радостной для народов этих стран. И тем не менее мы видим, что сейчас Индия медленнее, Китай быстрее берут свое и начинают играть все большую роль в делах земли. Россия могла Наполеона победить, имея крепостную армию, два раза войдя в Париж с армией, состоящей из крепостных крестьян во главе с офицерами, которые, по меркам Запада, были рабовладельцами. Не все, но многие. С Наполеоном такое государство могло справиться, не говоря о соперниках XVIII в., а уже в Крымскую войну стало понятно, что ни паровоза, ни парохода на крепостной мануфактуре не построить. А недоступная даже самой простой логике Русско-японская война еще больше расставила акценты. Поэтому, если бы не лезть в авантюры, не заступаться за Сербию, не претендовать на то, чтобы быть лидером во всем, можно было бы сохранить ресурсы и гигантский потенциал (это что-то вроде политики США в те годы). П.А.Столыпин в этом плане, полагаю, мечтал хотя бы о 20 годах покоя. Однако для Власти и даже и для таких «левых», как кадеты, это было неприемлемо.

Сельскохозяйственный прогресс в общине, полагаю, глобально был невозможен. Не отдельные улучшения, а прогресс как некая система. Это вечная проблема. Известно, что в 4 тыс. великорусских общин агрономы

сумели ввести травосеяние. И на этом основании даже такие ученые экономисты, как А.И. Чупров, А.С. Постников, говорили, что сельхозпрогресс в общине возможен. Интеллигенция (имеется в виду политически активная часть образованного класса), состоявшая из полудилетантов с немыслимой фанаберией, продолжала считать так же. Поверьте, это фикция. В стране были сотни тысяч общин. Как раз к Продовольственной программе и перешли бы к травосеянию (кстати, были ведь и колхозы якобы успешные). Но дело в том, что даже переход на широкие полосы, на травосеяние ничего не давал в перспективе. Был такой удивительный человек, народный писатель, крестьянин С.Т. Семенов, который спрашивал об этой перспективе: «Дальше что?» На маленьких хозяйствах, т.е. на площади в 2-3 десятины, можно благоденствовать, но для этого нужно иметь фруктовое хозяйство, садово-ягодное, пчеловодство. А если есть община, есть принудительный севооборот — как ты выделишь эти 2-3 десятины из общего общинного надела?

Почему власть ничего не меняла? Да, они ждали поджога имения, потому что со времен Пугачева ничего значимого не происходило. Ну, побунтуют где-то, ну, пришлют роту солдат, шомполами надерут избранные места — и все тихо. Вот и дождались.

Вы правы, что финансовый базис столыпинской реформы был не очень хорошим, но, полагаю, не из-за выкупных платежей. Но кто виноват? Витте оставил казну в очень хорошем состоянии. Кто же виноват, что Власть ввязалась в эту авантюрную от начала до конца Русско-японскую войну? Тем не менее в той конкретной ситуации тянуть с реформой дальше было невозможно. Я пытался сказать, что, конечно, все это надо было начинать раньше. Выдающийся русский экономист А.Н. Челинцев писал, что в русском Нечерноземье, в центральных черноземных губерниях агрономическая помощь опоздала на полвека. Кто же виноват? В данном случае — не крестьяне.

Честно говоря, у меня нет ни малейшего оптимизма относительно перспектив современной деревни. Это, кстати, касается как России, так и Украины. Было время, когда я по упитанности коровы, высываясь из поезда, мог определить, через какую область я еду. Было очень приятно в Новороссии, в Крыму, на Северном Кавказе — хоть где-то люди живут нормально. А сейчас, когда проезжаешь через эти места... коровники, которые, как после Сталинграда, абсолютно пустые, слепые окна. Раньше были такие стада, что автобус полчаса стоял, пока стадо прогонят. Увы, у меня нет никакого оптимизма. Хотя всего я, конечно, не знаю.

Долгин: Небольшой вопрос о технологии проектирования реформ. Каким образом создавался проект? Как он учитывал анализ реальных

процессов? Это поможет лучше понять, в чем удача и неудача современных реформ.

Давыдов: Вопрос важный. Огромную роль в подготовке реформы, как я говорил, сыграло Особое Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности под руководством Витте, которая работала в 1902-1904 гг. Было создано свыше 50 губернских комитетов, которые, согласно разработанной программе, составляли подробные отчеты (они опубликованы и вполне доступны) по своим губерниям. Затем создавались общероссийские сводки по отдельным проблемам. Параллельно схожую — но не идентичную и с иным настроением — работу делала Редакционная комиссия МВД, которую часто путают и противопоставляют Совещанию Витте, потому что ей руководил враг Витте — Плеве. Комиссия, с одной стороны, в общем стояла на позиции сохранения общины, но с другой стороны, там был знаток и очень видный деятель реформы (я уже говорил), автор указа 9 ноября — В.И. Гурко, сын знаменитого фельдмаршала, очень знающий человек. Он был бы большим и хорошим министром, настоящая умница. После роспуска Совещания Витте работы велись в Совещании, которым руководил Горемыкин, работа которого, может быть, недостаточно исследована. Во всяком случае, к началу 1905 г. основные параметры реформы были уже разработаны. Оставалось провести ряд мер, среди которых главную роль играл указ 5 октября, который уравнивал сельское население, кроме инородцев, в правах с остальным меньшинством страны, т.е. создал правовой базис реформ. Подготовка, я считаю, была проведена солидно, не менее солидно, чем в свое время готовились Великие реформы Александра II.

Долгин: А на чем они основывались? На какой концепции?

Давыдов: Достаточно было знать и хорошо понимать, как живут люди в данном регионе, достаточно хорошо понимать особенности землепользования в данном регионе, настроения населения. А настроения в достаточной степени разнились, неслучайно аграрное движение в самых густонаселенных губерниях с самыми маленькими наделами не было очень активным, потому что там крестьяне прекрасно зарабатывали без земледелия: сахарные заводы, возможность сдавать в аренду свои наделы и т.д. — все это работало. Большинство Совещания Витте выступило за отмену общины. Причем там были как представители дворянских органов, так и земские деятели, т.е. очень мало людей, реально знакомых с сельским хозяйством, выступало за сохранение общины.

Долгин: Т.е. общая идея — отмена общины?

Давыдов: Да. Но сам царь до этой идеи не дозрел. Огромная беда России была в том, что такие люди, как Витте, как Столыпин, в сильнейшей

степени зависели от того, что там «они» думают «в сферах», даже когда находились вроде бы наверху. Кофод, когда Столыпин, царство ему небесное, уже много лет лежал в Киеве, написал о нем: «И вот пришел Столыпин. Великан среди лилипутов». Люди такого масштаба очень сильно зависели от того, что подумают царь и его жена, которая к этому моменту уже оказывала на него очень серьезное семейное влияние.

Михаил Бланк: Михаил Абрамович, скажите, а как власть информировала крестьян о реформе? Как доносила до них суть самой реформы?

Давыдов: Самый простой способ, которым пользовались нерадивые чиновники, — просто помещали объявление на зданиях волостных правлений, т.е. туда, куда крестьяне приходили. Были органы, которые управляли крестьянской жизнью, и их ставили в известность. Но активные деятели реформ ездили по деревням, созывали сходы, устанавливали прямой контакт с крестьянами. И та неравномерность развития реформы, о которой я говорил, в очень большой степени связана с тем, что можно называть субъективным фактором в реформе, т.е. с качественным составом землеустроителей. Т.е. там, где были люди по-настоящему активные, дело шло лучше. Там, где людям было все равно, реформа шла медленнее. Об оповещении через прессу, понятно, не говорю.

Дмитрий Каменский: Два вопроса. Первый. Что было бы с вероятной аграрной реформой, если бы не было С.Ю. Витте и П.А. Столыпина? И второй. Насколько аграрная реформа пошла «туда» или «не туда» после того, как Столыпин был убит в Киеве?

Давыдов: Если бы не было Витте и Столыпина, были бы Гурко, Кривошеин, который был человеком сложным, но это был прекрасный администратор, и если он верил во что-то — он умел это делать. Была целая плеяда людей, которые могли бы проводить реформы, но Столыпин, на мой взгляд, был во многих отношениях уникален. Это был действительно человек очень сильной воли и абсолютно незаурядной храбрости. Фраза «не запугаете» — это его фраза. Не запугаете. Он носил фамилию, которая накладывала известные обязательства. К моменту гибели Столыпина, когда он уже во многом был лишен влияния, его отставка Николаем II, который совершенно не терпел рядом с собой сильных, волевых людей (об этом можно рассказывать до следующего Нового года), была предreshена, маховик реформы был во многом уже запущен, и она как бы шла сама собой. В нее уже были вовлечены миллионы людей. К моменту смерти Столыпина его влияние было уже не то, что было в первые годы премьерства.

Долгин: Но что-то могло бы измениться?

Давыдов: Я не думаю, что что-нибудь могло бы измениться принципиально, ибо он не имел уже влияния образца 1907-1908 гг.

Долгин: Ваше резюме.

Давыдов: Я очень благодарен присутствующим и за то, что они пришли, и за очень интересное, на мой взгляд, обсуждение. Мне понравилось. Спасибо.

Об уровне потребления в России в конце XIX — начале XX в.

Сокращенная версия статьи была опубликована в издании: «О причинах русской революции» / отв.ред. Л.Е.Гринин, А.В.Коротаев, С.Ю.Малков. М., 2010. С. 225-278.

Кн. Васильчиков, вероятно, учился, как и все мы, тому, что преподается в гимназии; хорошо ли или плохо он усвоил себе гимназический курс, это нам неизвестно, но достоверно то, что когда он принялся писать свое ученое сочинение, он не считал нужным обременять свой высокий полет элементарными сведениями. Нет ни одной школьной науки, которая не могла бы пожелаться на пренебрежение с его стороны.

В.И. Герье, Б.Н. Чичерин

Прощай, немытая Россия...

М.Ю. Лермонтов

Я весьма признателен редакторам альманаха за предоставленную возможность высказать свое мнение по поводу обсуждаемых проблем.

В начавшейся полемике между Б.Н. Мионовым и С.А. Нефедовым я, разумеется, принимаю сторону Б.Н. Миронова, и этот выбор был не слишком сложен.

С первых страниц чтения статьи Нефедова появляется классическое ощущение deja vu.

Во-первых, сразу вспоминается монография В.И. Герье и Б.Н. Чичерина «Русский дилетантизм¹ и общинное землевладение» (Герье В. Чичерин Б. 1878), в которой анализируется нашумевшая 130 лет назад книга одного из предшественников Нефедова по поверхностному знанию описываемых сюжетов, а также по «ненависти» к крупному землевладению, князя А.Васильчикова, «Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах». И хотя князь Васильчиков написал 1008 страниц, а Нефедов несколько меньше, притом же не упоминая общину

1 Орфография подлинника

ни разу и возлагая вину за «голодание» миллионов крестьян на «грабительскую реформу» и «голодный экспорт», в отношении «дилетантизма» его текст вполне подтверждает злободневность труда знаменитых русских ученых. Из последнего можно выписывать цитаты для характеристики опуса Нефедова периодами, делая лишь понятные поправки «на девиацию».

Во-вторых, я никогда не предполагал, в частности, что увижу «живую» иллюстрацию к работе К.Ф. Головина «Мужик без прогресса или прогресс без мужика?» (Головин, К.Ф. 1895), написанной летом 1895 г., когда в качестве марксистов только-только дебютировали П.Б. Струве и Г.В. Плеханов, тут же подвергшиеся атакам народников, а В.И. Ленин с Ю.О. Мартовым даже не создали еще свой «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

О возможности существования такого гибрида народничества и марксизма, как текст Нефедова, я, по бедности воображения, и думать не мог. А если учесть, что он инфицирован еще и мальтузианством...

Характеризуя полемику народников и марксистов, К.Ф. Головин, в частности, писал: «Но всего забавнее то, что обе стороны с одинаковым рвением защищаются именем Маркса, обличая друг друга в непонимании его учения. Обе стороны, по-видимому, глубоко убеждены, что мнение немецкого публициста в глазах всей читающей России — *ultima ratio*², и что, обеспечив себе его поддержку, можно безнаказанно говорить вздор. Пускаясь в поход, и народники и их враги сперва как будто совершают обряд моления перед домашним идолом Маркса, и затем уже, вымолив себе его благословение, храбро идут на бой» (Головин, 1895 : 9-10)

У Нефедова «друзья народа» «и их враги», социал-демократы, вполне примирившись стараниями автора, накануне сражения за «закономерность» революции 1917 г., воздают теперь почести «домашнему идолу» Мальтуса. За ним, однако, как бы прячутся Маркс и Ленин, причем без разрешения, поскольку они его нещадно критиковали.

Дело в том, что в концепции Нефедова признание идеи закономерности — и есть тот видовой признак, который важнее немодной нынче идеологической чистоты; они все вместе, условно говоря, едут на трамвае до остановки «Историческая закономерность».

В сущности, поскольку русская революция все равно произошла не вполне «по Марксу», хотя и «закономерно», то с определенной точки зрения не столь уж важно, что марксистскую закономерность потеснила мальтузианская.

2 Последний довод (лат.)

Как у всякого народника, у Нефедова есть собственная вымышленная Россия.

С одной стороны, она похожа на все другие нищие России из народнической публицистики и советских учебников, но, с другой, тут аккуратно моют руки и активно протирают полы в избе карболкой (буде они существуют).

В его России крестьяне 50 лет «балансируют на грани выживания». И поскольку в таких условиях они, естественно, не едят ничего, кроме хлеба, и не пьют ничего, кроме воды, то по этой причине, по-человечески вполне понятной, «по крайней мере половина крестьян», считает Нефедов, «постоянно испытывала голод и была готова к бунту». Эта, по сути, прямая цитата из М.А. Бакунина заставляет предполагать, что нефедовская Россия пока обходится без «хождения в народ», затеянного, как известно, в России настоящей в 1870-х гг. с целью проверить данный постулат.

Здесь в 1905-1906 гг. был смертный (???) голод, который «превратил тлеющую (!) революцию 1905 года в крестьянскую войну».

О продовольственной помощи, о «царском пайке» крестьяне Нефедова даже и не подозревают. Власть тут не только не кормит их в неурожайные годы и не слагает с них сотни миллионов рублей продовольственных долгов, но, напротив, здешнее российское правительство все-рез озабочено тем, как побыстрее отправить на погост своих подданных с помощью построенных специально для «голодного экспорта» «вывозных» железных дорог.

В этом ему содействуют антипатриотично настроенные помещики-дворяне, мало того, что взимающие деньги с крестьян за аренду своих земель и вывозящие «при поощрении властей» хлеб за границу (а взамен покупающие предметы роскоши)», но и — о, ужас! — постоянно живущие за границей. Совсем как Ленин с Плехановым и множеством других борцов с народными страданиями.

В этой России еще до установления советской власти можно было отменить рыночные отношения, но по досадному недосмотру царизма они существуют.

В нефедовской России, как и положено у народников, размер наделов прямо определяет материальный достаток крестьян, в силу чего государственные крестьяне считаются «благополучными», а помещичьи «голодающими» (никаких промежуточных положений, середины, у него, как водится, не бывает принципиально!) и т.д. и т.д.

Словом, умом его Россию не только не понять, но даже и не представить.

Нефедову требуется доказать, что причины революции 1917 г. объясняются неомальтузианской теорией демографических циклов.

Для этого ему необходимо убедить читателей в том, что быстрорастущее население пореформенной России «на протяжении полувека» «балансирует на грани голода», а потому — в рамках *этой* логики — любой случайный толчок мог запустить мальтузианскую закономерность и привести к социальному взрыву. При этом он считает, что «увеличение среднего роста (жителей России — М.Д.), трактуемое Б. Н. Мироновым как доказательство увеличения потребления, в действительности было следствием распространения мыла и карболки».

Широкое распространение санитарно-гигиенических навыков, происходящее на фоне перманентного недоедания большой, если не большей, части жителей страны — это из области фантастики, причем той ее части, которая именуется «фэнтэзи». Для того, чтобы увидеть, как коррелируют снижение уровня жизни и гигиена с санитарией, достаточно дойти до железнодорожного вокзала и увидеть тех, кого именуют лицами «без определенного места жительства». Не думаю, что в этом отношении Екатеринбург принципиально отличается от Москвы. Замечу также, что, по моим армейским воспоминаниям и немалому археологическому опыту, запах карболки вовсе не успокаивает чувство голода.

Основную свою аргументацию Нефедов почерпнул у тех, для кого описание бедственного положения российского крестьянства было профессией — у дореволюционной народнической публицистики и литературы и их прямой наследницы — советской историографии соответствующего спектра

До 1917 г. истинные и мнимые бедствия крестьянства, о которых трубили народники, породившие почти всю оппозиционную литературу, как бы оправдывали борьбу с «ненавистным режимом» царизма, а после 1917 г. они стали естественным оправданием ужасов революции, гражданской войны и «обычной» советской жизни.

В преобладающей своей части эта литература была политически ангажирована и чрезвычайно конъюнктурна и уже в силу этого в большой мере попросту недостоверна.

Тому, кто не занимается профессионально пореформенной эпохой, чрезвычайно трудно представить степень политизированности общества того времени.

Для «передовой» русской интеллигенции, которая скромно именовала себя «народолюбивой», притом без кавычек, борьба с «ненавистным режимом» ради грядущей Справедливости была едва ли не главной жизненной задачей (о России они не думали вовсе!). Во имя этого они были

готовы на любое интеллектуальное шулерство, на какие угодно фальсификации, лишь бы это, по их мнению, шло на пользу Делу. Их сегодняшняя, выражаясь мягко, нечестность оправдывалась будущей Гармонией, суть которой, строго говоря, определяется бессмертным шариковским «Взять все, да и поделить!».

Конкретную «родословную» взглядов Нефедова проследить несложно. Это, прежде всего, натурально- хозяйственная концепция народного хозяйства — едва ли не главный источник народнической трактовки российской аграрной проблематики вообще.

Согласно этому взгляду, «все сельское население должно жить от дохода с собственной земли», а площадь этой земли «уже точно предопределяет размеры дохода». Отсюда следовало, что площадь крестьянского землевладения должна расти в том же темпе, что и численность крестьян. И поскольку этого не происходило, то именно на натурально- хозяйственной концепции базировалось убеждение, что главной причиной кризисного состояния российской деревни является малоземелье (Бруцкус, 1917: 6-7).

Другими словами, эта теория исходит из того, что крестьяне — Робинзоны, которые не только не могут уйти со своего «острова», но и не имеют возможности ни арендовать, ни покупать землю, ни заниматься отходничеством и/или промыслами, ни работать в соседних имениях, ни интенсифицировать свое хозяйство. Притом же это клонированные Робинзоны, поскольку не имеют индивидуальных различий и, в частности, обладают одинаковой мерой трудолюбия, ответственности и т.п.

Идея бедствия крестьян из-за малоземелья, в котором виновато правительство, определяла все остальные построения народнической мысли, да и большей части российского общества в целом.

Вместе с тем натурально-хозяйственная концепция — часть общих воззрений русской интеллигенции на аграрный вопрос, эволюцию которых Н.П. Макаров характеризует следующим образом: «Он (аграрный вопрос — М.Д.) превратился в вопрос политический; все партии оппозиции, строго говоря, в той или иной мере не мыслили вопроса о «земле» без вопроса о «воле»; но очень скоро произошло обратное — для «воли» потребовалась «земля».

Поэтому все историческое обоснование аграрного вопроса, в особенности в лице идеи о малоземелье, попало в неразрывную связь с лучшими политическими переживаниями русского общества».

В 1877 г. появились известные «Опыты» Ю. Янсона, и «этим исследованием окончательно фиксируется положение о «недостаточности наделов»; идейно от него идут все нити изучения «нужд деревни».

Не признавать малоземелья представлялось равносильным признанию справедливости существовавших и политического строя и социальных отношений³.

В своем месте мы еще увидим, как «оплакивали» и почти хоронили крестьянское хозяйство в основной русской экономической литературе; и этот плач тоже был одним из идейных средств борьбы со старым режимом.

Говорить о прогрессе было довольно трудно; разрешалось это таким экономистам, как напр. В. В., Н. Каблуков и т.п., которых не могли заподозрить в защите правительства и существовавших социальных отношений; но и то, Н.А. Каблуков писал, что нужно удивляться, как при таких условиях крестьянское хозяйство еще живет...

Быть может самым характерным в этом отношении является противопоставление дополнительного наделения интенсификации и отрицание последней как способа вывести крестьянское хозяйство из кризиса.

Принципиальное противопоставление и непонимание условий и экономического значения интенсификации сельского хозяйства, соединяемое с боязнью, что так хотят «замолчать» земельный вопрос или так могут его «замолчать», типично для настроений русского общества, как в широких его партийных и непартийных кругах, так и в экономической литературе.

Известный редактор сборника по «Аграрному вопросу», одного из серьезнейших течений по своим приемам подхода к вопросу, И. Петрункевич, в предисловии к этому сборнику почти официально формулирует эту позицию. «Если бы урожайность была доведена до нормы западноевропейских стран», то тогда надо бы интенсификацию соединить с общей реорганизацией хозяйства; но это путь «медленный» и «обусловленный», а здесь приходится разрешать определенный социальный вопрос, формулируемый как малоземелье.

...Условия политической и социальной жизни выдвинули крестьянский вопрос как один из вопросов социально-политической борьбы; это придало крестьянскому вопросу особую важность и интерес, **но это и взяло его во власть соответствующей его постановки, сводящейся к установлению обнищания, разложения деревни в области познания реальности жизни и к требованию земли в области программных построений**» (Макаров, 1920: 8-10).

Что и говорить, комфортно причитать по трафаретам!

3 Здесь и далее курсив в цитатах принадлежит авторам цитат, а выделение жирным шрифтом — мне — М.Д.

Очень удобно «познавать реальности жизни», т.е. проводить статистические обследования, когда заранее знаешь, что надо «устанавливать»!

Разумеется, эти первичные исследования крестьянского хозяйства становились основанием для построений более высокого уровня обобщения, которые делались уже идеологами левого лагеря, для масштабных выводов социально-политического характера. Земская статистика для противников Власти стала подсобным орудием пропаганды, притом же одним из самых убедительных — с цифрами, не будучи профессионалом, не поспоришь! А профессионалов сразу записывали в реакционеры, в «охранители» со всеми вытекающими последствиями (в том числе — потерей репутации и аудитории).

Об этой неискренности, о дву(три?)смысленности народнических позиций Макаров пишет в другой работе: «Деревня не умирает, деревня не отупела совсем—говорили они в идейной борьбе с марксистами, не переставая твердить обратное в идейной борьбе с правительством. Деревня не разлагается, капитализм ее не затрагивает—и этому обоснованием являлись многие, многие томы земских статистических исследований крестьянского хозяйства» (Макаров, 1918: 17).

Советская историография, как известно, полностью усвоила, расширила, дополнила и усилила негативистские подходы к дореволюционной истории России, которые были сутью оппозиционной литературы. При этом «как бы ни критиковали народнических авторов некоторые советские историки, какое бы пренебрежение ни сквозило в их оценках взглядов народников, тем не менее «историки-марксисты» прекрасно усвоили основное из их трудов — народническую концепцию аграрного развития пореформенной России. Главным ее постулатом, как известно, было бедственное положение подавляющего большинства крестьянства — *всегда, везде, при любых обстоятельствах*» (Давыдов, 2003: 5).

«До 60-х годов прошлого столетия в России... преобладало крепостническое хозяйство дворян-помещиков. При крепостном строе не могла по-настоящему развиваться промышленность. Подневольный крепостной труд давал низкую производительность труда в сельском хозяйстве. Весь ход экономического развития толкал к уничтожению крепостного права. Царское правительство, ослабленное военным поражением во время Крымской войны и запуганное крестьянскими «бунтами» против помещиков, оказалось вынужденным отменить в 1861 году крепостное право.

Но и после отмены крепостного права помещики продолжали угнетать крестьян. Помещики ограбили крестьян, отняв, отрезав у них при

«освобождении» значительную часть земли, которой крестьяне пользовались раньше. Эту часть земли крестьяне стали называть «отрезками». Крестьян заставили платить помещикам выкуп за свое «освобождение» — около двух миллиардов рублей.

После отмены крепостного права крестьяне вынуждены были на самых тяжелых условиях арендовать помещичью землю...

Таким образом, оставалось почти то же положение, что и при крепостном праве...

Помещики выжимали последние соки из отсталого крестьянского хозяйства различными грабительскими способами (аренда, штрафы). Основная масса крестьянства из-за гнета помещиков не могла улучшать свое хозяйство. Отсюда крайняя отсталость сельского хозяйства в дореволюционной России, приводившая к частым неурожаям и голодовкам.

Остатки крепостнического хозяйства, громадные подати и выкупные платежи помещикам, которые нередко превышали доходность крестьянского хозяйства, вызывали разорение, обнищание крестьянских масс, заставляли крестьян уходить из деревень в поисках заработка. Они шли на фабрики и заводы. Фабриканты получали дешевую рабочую силу».

Это — вовсе не из текста С.А. Нефедова о мальтузианском кризисе в России, как может на первый взгляд показаться, а из «Истории Всесоюзной Коммунистической партии Советского Союза» издания 1950 г. (с.5-6), другими словами, из «Краткого курса».

Таковы истоки взглядов Нефедова.

Впрочем, может быть, он об этом не осведомлен, подобно герою Мольера, не знавшему, что он говорит прозой?

Поскольку Нефедову необходимо заполнить пропасть между желаемым и тем, что было в действительности, для его построений особую важность обретает проблема достоверности его главного источника — урожайной статистики ЦСК МВД.

В разделе своего текста «Дискуссия вокруг статистики» Нефедов, в частности, пишет: «Из российских историков за введение поправок к данным ЦСК в последнее время выступают М.А. Давыдов... и Б.Н. Миرونнов... Оба историка не привлекают каких-либо новых данных и ссылаются на старые работы А.Ф. Фортунатова и Д.И. Иванцова».

Хотя Нефедов и упоминает мою книгу, я сомневаюсь в том, что он знаком с ней, ибо значительная ее часть посвящена доказательству мифологического характера проблемы «голодного экспорта», играющего в мальтузианских построениях Нефедова ключевую роль.

Во-первых, на А.Ф. Фортунатова я не ссыался и никаких поправок к урожайной статистике не предлагал. Это просто не входило в мои задачи.

Во-вторых, мнение Нефедова о том, что я не «привлекаю каких-либо новых данных», попросту не соответствует действительности.

Проблему достоверности урожайной (и не только) статистики я рассматривал, в частности, в связи с исследованием темы «Внутренний и внешний хлебные рынки в конце XIX — начале XX вв. и проблема «голодного экспорта», в результате которого я присоединился к тем специалистам, которые считают урожайную статистику ЦСК МВД, деликатно выражаясь, не всегда достоверным источником.

Мое заключение было логическим выводом из сравнительного анализа материалов транспортной статистики («Сводной статистики перевозок по русским железным дорогам», статистики речных перевозок МВД и урожайной статистики ЦСК МВД), подкрепленного данными нарративных источников.

Меня интересовало, какая доля урожая главных хлебов в производящих губерниях перевозилась по железнодорожным и водным путям в конце XIX — начале XX вв. Понятно, что при этом использовались данные, «очищенные» от «двойного счета»; это необходимое условие при анализе водно-железнодорожного сообщения (Давыдов 2003, с.38-47).

Сопоставление выявило следующую тенденцию. Доля перевозок от урожая нестабильна и колеблется в широком диапазоне, что, в общем, естественно.

Однако весьма непросто найти рациональное объяснение тем 12-ти случаям, приводимым в моих таблицах, когда суммарное отправление зерна *превышает*, иногда более чем вдвое (!) урожай данного года, при том, что статистика речной транспортировки, как считали ее составители, недоучитывала четверть перевозок! Полагаю, что и остальные выявленные мной факты, когда доля перевозок превышает половину урожая, нередко достигая 70, 80, 90% и более — заслуживают серьезного внимания (Давыдов 2003, с.61-73). В этих губерниях подобный факт был бы не слишком удивителен во времена «военного коммунизма», в «год Великого Перелома» и последующие годы **настоящего** голодного экспорта (а не того, который с таким пафосом клеймит Нефедов), но в начале XX века это немыслимо.

Большинство выявленных явно спорных случаев относится к неурожайным годам — 1901, 1908 и 1911, в чем нельзя не увидеть определенную систему. Я высказал предположение, что причина этого проста и тривиальна — **в неурожайные годы происходило занижение уро-**

жайности респондентами ЦСК МВД, или, что то же самое, преувеличение масштабов бедствия.

Этот вывод, сделанный на основании сопоставления урожайной и транспортной статистики, вполне подтверждается и многочисленными нарративными источниками, которые позволяют утверждать, что и в обычные («средние») или урожайные годы эта тенденция безусловно имела место.

Компетентные современники в разные годы, в разных губерниях фиксируют типологически схожие ситуации: «Статистика вообще очень неверное зеркало экономического быта, а там, где она вынуждена полагаться на показания волостных писарей, ей нельзя доверять и подавно» (Головин, 1895: 70); «В душе крестьянина кроется какое-то недоумение, не позволяющее ему уяснить самому себе: в пользу ли улучшения хозяйства или ухудшения ему следует давать ответы», и определяющую роль в ответах играет «стремление его (крестьянина. — *М.Д.*) всегда и во всем (из-за боязни увеличения податей или других соображений) уменьшить цифры, касающиеся его экономического благосостояния» (Юрьевский, 1914: 162-168); «Большинство крестьян-хозяев, по этим соображениям, уменьшают размеры собранного урожая в сообщаемых ими сведениях и сгущают краски, указывая на недород» (Ермолов, 1909 т.1: 378-379); «В таблицах резко бросается в глаза чрезвычайно большая разница в высоте урожаев на соседних с показательными учреждениями крестьянских полях — по определениям агрономического персонала со статистическими сведениями губернского земства о средних урожаях в 1912 году — на основании сообщений волостных правлений... Приведенный факт, по нашему мнению, лишний раз подтверждает общеизвестное явление — неуклонную тенденцию волостных правлений уменьшать в своих сведениях высоту полученного сбора хлебов» (Агрономическая организация 1913: 71-72); «На это было в Государственном Совете мною (т. е. А.С. Ермоловым. — *М.Д.*) сказано, что при существующей системе собирания сведений о продовольственных потребностях и порядке ассигнования средств на их удовлетворение, МВД не имеет других способов, как основываться на донесениях и запросах с мест, несомненно, весьма часто преувеличенных, и сколько-нибудь достоверными данными располагать не может» (Ермолов, 1909, т.1: 540-541); «Почти отовсюду указывается на необходимость улучшения порядка собирания и разработки статистических сведений об урожае... При этом указывается на недостоверность статистических сведений всякого рода, собираемых при посредстве сельских писарей» (Ермолов, 1909, т.2 Приложения: 6).

Источники фиксируют устойчивую, иногда агрессивную неприязнь крестьян к любым попыткам выяснить **истинное** положение дел в их

хозяйстве, шире — детально понять их жизнь вообще, особенно если эти попытки исходили от «начальства» (а земские и иные статистики, безусловно, воспринимались ими в этом качестве).

Вот что пишут, например, агрономы землеустроительных комиссий Области Войска Донского о своих попытках обследовать крестьянские хозяйства: «Цель обследования была более глубокой: нам хотелось выяснить, как относятся крестьяне вообще к анкетам и различным обследованиям; опыт убедил нас в том, что с этим нужно быть поосторожнее. В противном случае можно столкнуться с явлениями, от которых у обследователя опускаются руки и отпадает всякая охота к дальнейшим шагам в этом направлении. Темнота, невежество и предрассудки многих крестьян заставляют последних относиться с недоверием к настойчивым расспросам для выяснения тех или иных областей сельского хозяйства»; «Не скрою, что обследование сопряжено с громадными трудностями, благодаря косности невежества отдельных групп крестьян, но отсутствие статистических данных является громадным тормозом для продуктивного и целесообразного развития агрономической помощи населению»; «Массовые обследования до настоящего времени не производились и вряд ли в ближайшее время будут произведены. Причин, которые служат тормозом к такого рода начинанию, много. Главная же из них та, чтобы не породить в среде крестьян нелепых слухов и тем самым не заставить их облечься вновь в броню недоверия и боязни вообще к агрономическому персоналу, и, в частности, к проводимым мероприятиям. Утверждать, что везде будет именно так, а не иначе, — я не берусь, но все же в большинстве случаев, несмотря ни на какие разъяснения и объяснения, с подобными явлениями, пожалуй, встретиться придется» (Отчет 1913: 67,70,75).

Притом же иногда крестьяне могли и приукрасить статус-кво, исходя из сугубо личных соображений.

В этом смысле не весьма убедительно выглядит комментарий Нефедовым абсолютно верной мысли Б.Н. Миронова о том, что «крестьяне в равной степени не доверяли как земствам, так и ЦСК и вряд ли могли сообщить и тем и другим правильные сведения».

Нефедов как бы предостерегающе недоумевает: «То есть под сомнение теперь ставятся не только данные ЦСК, но и корреспондентские данные земств и Министерства земледелия. Напомню, что эти данные предоставлялись *добровольными* корреспондентами, которых никто не заставлял лгать».

О-о, если бы в жизни все было так просто, как представляется С.А. Нефедову!

Как будто люди, в том числе и «добровольные корреспонденты», лгут только тогда, когда их заставляют!

Полагаю, здесь следует прислушаться к мнению А. Кауфмана: «Читатель знает, что с 1893 г., особенно с 1900 года, земской статистике подчинены оценки земель для целей земского обложения. Это обстоятельство, конечно, повысило практическое значение статистики *для земства* — но повысило отнюдь не в таком направлении, какое было бы способно снискать статистике доверие и симпатии *населения*.

Напротив: раз собираемые статистикой данные непосредственно предназначаются для использования в целях обложения: раз, следовательно, от результатов статистики непосредственно зависит, или, во всяком случае, может зависеть, размер налоговой тягости; раз, значит, эти результаты могут быть непосредственно выгодны для одних и непосредственно убыточны для других,—отношение населения к статистике, которое прежде было, может быть, только безразличным, становится опасливым и недружелюбным, **и это опасливо-недружелюбное отношение населения является одним из серьезнейших затруднений для правильного функционирования статистики.**

Чтобы земская статистика... приобрела, в самом деле, доверие и сочувствие массы населения—то доверие и сочувствие, которое так облегчило бы ее работу и **повысило бы достоверность ее результатов**, необходимо, чтобы земская статистика приняла непосредственное участие в земской работе...» (Кауфман, 1915: 4-5).

Рассматривая проблему связи агрономии и статистики, Кауфман описывает недостатки «корреспондентского приема», «основного приема, которым оперирует текущая сельскохозяйственная статистика, как земская, так и государственная». Недостатки сбора сведений через добровольных корреспондентов «чрезвычайно существенные» — «это, прежде всего, именно *случайность состава корреспондентов*, — случайность, притом как *количественная*, так и *качественная*.....**Можно ослабить, но никакими стараниями нельзя совершенно устранить и стремления той или другой части лиц, числящихся в состав корреспондентов, давать сознательно неверные сведения:** реже в сторону подсказываемого главным образом тщеславием и другими подобными мотивами преувеличения, чаще—в сторону преуменьшения, внушаемого, главным образом, податными опасениями» (Кауфман, 1915: 17-18).

Как представляется, круг проблем, связанных с проблемой репрезентативности не только урожайной статистики, но и бюджетных обследований, очерчен здесь достаточно четко.

Кстати, именно **лихорадочные размышления компетентных специалистов в 1915–1916 гг.** о том, сколько же хлеба потребляла и страна в целом, и отдельные губернии, в частности, равно как и длительная, кропотливая работа А.В. Чаянова и его сотрудников над бюджетами, результатом которой стало исследование «Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения» (М., 1916) лучше всего показывают, насколько осторожно следует воспринимать материалы как бюджетных обследований, как и урожайной статистики, составляющие основу той источниковой базы, на которой преимущественно основываются суждения о величине потребления пищевых продуктов в дореволюционной России. Они, по меньшей мере, **далеко не всегда** являются достоверным источником, а весьма часто они попросту несостоятельны.

Вышесказанное не означает, разумеется, что 100% показаний российской сельскохозяйственной статистики неверны. Однако по меньшей мере наивно на этих данных строить *безоговорочную* модель душевого потребления и полагать, что она соответствует действительности.

Мы вынуждены, тем не менее, использовать указанные материалы, поскольку нам необходимы ориентиры, обладающие хотя бы *относительной устойчивостью* во времени.

Я убежден, что можно пользоваться и урожайной статистикой ЦСК МВД, зная вектор искажения, понимая, что в действительности положение дел с урожайностью в реальности было *лучше*, чем она его рисует, но не воспринимая ее данные как поэтический текст, т.е. как нечто абсолютное и абсолютно достоверное.

Конкретные экскурсы Нефедова в историю и источниковедение не выдерживают ни малейшей критики. Вот несколько примеров, наглядно это иллюстрирующих.

«Области, которые не могут обеспечить себя продовольствием за счет местных ресурсов, по определению (чьему??? — М.Д.) считаются перенаселенными, в этих областях Сжатия население ищет себе работу в ремесле или промышленности, чтобы получить продовольствие путем обмена».

То есть, по Нефедову, Великий Новгород был «перенаселен» уже в домонгольские времена, поскольку во многом довольствовался привозным, в частности, «низовым» хлебом. Равно как и Архангельская и Олонецкая губернии в более позднее время!

«Данные губернаторских отчетов — это те данные, которые реально имеются в архивах, и которые принимает большинство историков. Одна-

ко Б. Н. Миронов занимает иную позицию», — укоризненно сетует Нефедов.

Что и говорить, факт нахождения отчетов в архиве — сильный аргумент в пользу их абсолютной достоверности! Это, во-первых. А, во-вторых, он, что, полагает, будто вопросы репрезентативности источников решаются всенародным голосованием?

«Несостоятельной», — продолжает Нефедов, — «является и ссылка Б.Н. Миронова на то, что крестьяне и помещики стремились преуменьшить урожайность: ведь губернаторские отчеты писали не крестьяне, а чиновники и губернаторы, которые, как мы видим на примере И. И. Вильсона, старались всемерно завысить «отчетность».

Нефедов определенно вновь путает Россию с какой-то другой страной. На уровне его претензий можно бы и знать, что в реальной Российской империи губернаторов и их чиновников, в отличие от секретарей обкомов и райкомов в СССР, за размеры урожайности не наказывали и не поощряли, ибо тогда справедливо считалось, что сие выходило за пределы их компетенции. Критерии профпригодности бюрократии до и после 1917 г. несколько различались.

Равным образом, это Политбюро ЦК ВКП(б) (позже — КПСС) определяло размеры экспорта и импорта **всего** – от танков и самолетов до чулочно-носочных изделий и бритвенных лезвий, а вовсе не имперское правительство, как почему-то думает Нефедов.

Далее. По меньшей мере недоумение вызывает следующий пассаж Нефедова: «Таким образом, имеющаяся статистика скорее завывает, чем занижает уровень потребления — но гадать об этом бессмысленно: в реальности мы имеем то, что имеем — данные губернаторских отчетов».

«Мы имеем» несколько больше, чем полагает, сообразно уровню своей образованности, Нефедов, изучающий, кстати, не XV и не XVI века российской истории, когда пробелы в источниках имеют катастрофический характер. Есть источники и помимо губернаторских отчетов, о которых он, видимо, и понятия не имеет! Надо «всего лишь» идти в архивы и библиотеки, работать (и, возможно, не один год!), искать документы, а не обтесывать историю страны под свою предвзятую схему.

Пытаясь доказать непродуктивность расходования доходов от экспорта хлеба, Нефедов не вполне корректен. Так, он берет «для примера» данные за 1907 г. и, в частности, пишет, что на импорт сельхозтехники было истрачено 18 млн.руб. Однако в 1908 г. этот показатель составил уже 27,7 млн.руб., в 1909 г. — 40,2, в 1910 г. — 42,5, в 1911 г. — 57,9 млн.руб., в 1912 г. — 63,5 и в 1913 г. — 51,1 млн.руб. (Давыдов, 2003: 346), о

чем Нефедов не считает нужным сообщить. Почему он не взял «для примера» 1911, 1912 или 1913 гг.?

Собирая воедино все, что, по его мнению, так или иначе говорит о тяжелом положении народа, Нефедов пишет: «Голод привел к невиданной до тех пор волне крестьянских волнений. В 1848 году было зарегистрировано 160 крестьянских волнений — число, примерно в четыре раза превышающее средний уровень».

«Невиданная до тех пор волна крестьянских волнений»!

Бог мой, сколько пафоса по поводу «аж» 160 волнений в стране, в сельской местности которой насчитывалось тогда более 330 тысяч поселений! (Миронов, 1998, т.1: 291)

Могу подсказать, какую долю составляют населенные пункты, по которым прокатилось это цунами классовой борьбы, от общего числа сельских поселений в России середины XIX в. — 0,05% — целых пять сотых процента! Ну просто Пугачевщина!

Далее. Он пишет: «Две половины населения, «благополучная» и «голодающая», примерно соответствовали двум категориям крестьян, бывшим государственным и бывшим крепостным крестьянам.

Исходной причиной имущественного неравенства в деревне была половинчатая реформа 1861 года, освободившая помещичьих крестьян с крайне недостаточными наделами и сохранившая феодальное землевладение помещиков.

В 1877 году средний двор бывших помещичьих крестьян имел надел в 8,9 десятин, а средний двор государственных крестьян — 15,1 десятины. В результате роста населения к 1905 году наделы уменьшились и составляли соответственно 6,7 и 12,5 десятины (Анфимов 1980: табл. 18). Эти данные говорят о том, что в деревне существовало резкое разделение имуществ, при котором одна половина крестьян была чуть ли не вдвое богаче другой. Таким образом, по крайней мере половина крестьян постоянно испытывала голод и была готова к бунту.

Имущественное разделение крестьян имело географический аспект: в эпоху своего расцвета крепостничество укрепились, прежде всего, в центральных областях государства, в то время как на окраинах преобладали государственные крестьяне».

Вот что пишет об этом министр земледелия двух последних российских императоров, А.С. Ермолова: «Что собственно следует разуметь под малоземельем и какой размер землепользования мог бы считаться для крестьян достаточным?

Мне пришлось на своем веку изъездить всю Россию (кроме самых северных губерний) и значительную часть Сибири. Оказалось, что нет такой местности в России — кроме разве северных губерний — где не приходилось бы выслушивать жалобы на малоземелье, на земельное утеснение.

Жалобы эти раздаются, например, на Северном Кавказе, в казачьих станицах, где наделы достигают еще и ныне 20 и более десятин на душу. Слышны они и в Сибири... Приходилось мне, например, в Олонецкой и в Пермской губерниях встречаться с наделами в 30-40 и более дес. на душу, из которых фактически утилизируется лишь незначительная часть.

Что же, и это считать малоземельем, и таким крестьянам отводить дополнительные наделы?...

Очевидно, что в дело в огромном большинстве случаев, не в абсолютном малоземелье, а в недостатке земли для сохранения стародавних форм экстенсивного хозяйства, не соответствующих более ни изменившимся условиям жизни, ни современной численности населения.

Но изменять формы хозяйства можно, хотя это требует и труда, и времени, и знаний, — а создавать вновь землю нельзя, — для отживших, но упорно удерживаемых приемов земледелия ее всегда будет не хватать...

Обращаясь к губерниям центральной России, мы и в них прежде всего столкнемся в фактом чрезвычайного разнообразия величины крестьянской надельной земли — от 0,25 дес на ревизскую душу крестьян, сидящих на дарственном наделе, продолжая низшим средним и высшим наделами крестьян бывших помещичьих, которые в среднем редко превышали 3-3,5 дес. на ревизскую душу, и кончая 8-10 и даже 15 десятинами на душу крестьян государственных.

Заметим мимоходом, что особой разницы в благосостоянии крестьян, размеры землепользования коих столь различны, за исключением только действительно бедственного положения тех из них, которые сидят на даровом нищенском наделе — во многих случаях констатировать нельзя, а напротив, иногда крестьяне на меньших наделах живут зажиточнее, нежели в селениях многоземельных» (Ермолов, 1906: 4-5).

При этом «суммы, выручаемые крестьянами от обработки своих надельных земель далеко не пропорциональны площади этих наделов, и во многих случаях при меньшей площади надела они получают с него не только относительно, но и абсолютно больше, нежели в других губерниях крестьяне с наделов более крупных», что «чем площадь надела

больше, тем производительность его и чистый получаемый от десятины доход меньше» (Ермолов, 1906: 39-41).

Более чем наглядной иллюстрацией методы Нефедова является следующий факт.

В таблице 2 он приводит суммарные подсчеты потребления по 53 губерниям Европейской России. В таблице 4, весьма важной для его «построений», мы видим, однако, лишь 30 губерний.

Резонный вопрос — а что случилось с другой половиной страны, с 23 губерниями и областями Европейской России — Казанской, Пензенской, Симбирской, Саратовской, Самарской, Астраханской, Бессарабской, Херсонской, Екатеринославской, Таврической, Ставропольской, Подольской, Волынской, Олонецкой, Виленской, Ковенской, Гродненской, Эстляндской, Курляндской и Лифляндской губерниями, а также Областью Войска Донского, Кубанской и Терской областями?

Нефедов пишет, что «представляется важным исследовать динамику потребления в региональном разрезе, чтобы установить, каковы были различия в уровне потребления, какие области России были богатыми, и какие — бедными. Для решения этого вопроса необходимо привлечь данные транспортной статистики. Такие данные имеются в распоряжении историков, но они обладают некоторыми дефектами: имеются пробелы в отношении водных перевозок в Поволжье, и, что более существенно, недостаточно данных о перевозках так называемых «второстепенных» хлебов — в том числе, гречихи, проса и кукурузы. Поэтому нам пришлось исключить из рассмотрения губернии Степного Юга и ограничиться рассмотрением района, где преобладало возделывание «главных хлебов»: ржи, пшеницы, ячменя и овса».

Людам, далеким от аграрной истории России, в частности, участникам дискуссии, которые читают тексты С.А. Нефедова, возможно, трудно оценить уровень некомпетентности сказанного.

Смею уверить читателей, что приведенных Нефедовым аргументов *совершенно недостаточно* для исключения из анализа всей Новороссии и Предкавказья, Среднего и Нижнего Поволжья, а также Олонецкой, двух из трех Юго-Западных губерний, Литвы и Прибалтики, о причинах невнимания к которым Нефедов не счел нужным упомянуть, хотя, повторяю, в таблице 2 он приводит подсчеты по 53 губерниям Европейской России.

Бессмысленно говорить о том, что он, видимо, искренне не понимает, что источников, в том числе и статистических, без «некоторых дефектов» не бывает в принципе и что задача исследователя, в числе прочего,

состоит в их (дефектов) преодолении, насколько это возможно, а в данном случае это вполне возможно!

Я не задаю вопроса о том, какие именно «пробелы в отношении водных перевозок в Поволжье» имеет он в виду, и почему эти пробелы отсутствуют «в отношении» перевозок в бассейнах других рек, в том числе и довольно большой части той же Волги, сведения о которых Нефедов приводит.

Я не спрашиваю о том, кому, кроме Нефедова, и каких именно «данных о перевозках так называемых «второстепенных» хлебов — в том числе, гречихи, проса и кукурузы» недостаточно для анализа потребления в самых благодатных краях страны.

Я хочу сказать, что **таких данных более, чем достаточно**, к тому же они отнюдь не находятся в спецхране. Они содержатся в выпусках «Сводной статистики перевозок по русским железным дорогам», посвященных перевозкам хлебных грузов. «Сводная статистика» позволяет восстановить перевозки не только всех вообще хлебов, но и каждого в отдельности, в том числе и упомянутых, в масштабах всей Империи за 1890-1913 гг. Источник надо «только» обработать.

Правда, процедура это весьма трудоемкая.

Конечно, куда проще и удобнее говорить о голоде, хотя бы и мнимом, исключив из анализа свыше 40% губерний Европейской части страны, притом же из числа наиболее процветающих, производивших основную массу товарного, в том числе и экспортного, хлеба, по смехотворной причине якобы нехватки или неполноты статистических данных. Кажется, не времена Всеволода Большое Гнездо обсуждаются.

Конечно, кульминацией рассуждений Нефедова является раздел о «голодном экспорте» хлеба.

В 2003 г. при характеристике народнического спектра историографии я говорил, «что сама постановка вопроса о «голодном экспорте» имеет вполне провокационный характер — подразумевается некий, пусть и не всемирный, но заговор против нормального питания русского крестьянства. Если довести идеи народнической публицистики (и С.А. Нефедова — М.Д.) до логического конца (или абсурда, что в данном случае совершенно одно и то же), то придется признать, что одной из приоритетных задач правительства Российской Империи было максимальное ухудшение положения собственного народа. И для этого в числе других средств оно использовало экспорт хлеба.

Нельзя не заметить, что **такой подход выдвигает экспорт хлеба не просто как главную, но чуть ли не как единственную причину недо-**

едания российских крестьян. То есть, если бы хлеб не вывозили, то крестьяне питались бы нормально» (Давыдов, 2003: 211-212).

Моя ирония оказалась совершенно неуместна. Я-то наивно полагал, что подобные нелепости остались в прошлом, но Нефедов **буквально** убеждает в обратном.

Он пишет: «Потребление оставалось на уровне минимальной нормы, но душевой чистый сбор в период с середины XIX века по начала XX века существенно вырос. *Если бы все произведенное зерно оставалось в стране, потребление в начале XX века достигло бы примерно 25 пудов на душу — уровня социальной стабильности.* Однако стремительный рост экспорта после постройки «вывозных» железных дорог привел к тому, что в 1870-90 гг. при росте душевого производства потребление убывало.

Возникает естественный вопрос: почему это происходило? Почему был возможен вывоз, доводящий крестьян до голода? Очевидно, существовал слой землевладельцев, имевших для продажи большие количества хлеба, и **этот хлеб при поощрении властей уходил за границу, в то время как миллионы бедняков голодали.**» (выделено мной — М.Д.)

По законам драматургии тут должна быть немая сцена.

Однако это — как бы научный текст.

В 1895 г. К.Ф. Головин писал: «Нетрудно в произведениях гг. народников отыскать места, где они оплакивают постройку железных дорог, как пагубный дар буржуазной цивилизации, сманившей мужицкий хлеб из родных гумен на всемирный рынок. У Глеба Успенского — главного представителя народничества в беллетристике,—есть любопытная тирада... где сожаление о погибающей старине распространяется и на лучинушку, выгнанную из мужицкой избы пагубной конкуренцией керосина», и при этом «им представляется как-то, что производство, рассчитанное для вывоза на рынок, непременно должно сопровождаться ограблением народной массы в пользу более ловкого и более зажиточного меньшинства» (Головин, 1895: 12);

Несколько ниже он добавляет: «В основе их (народнических построений) лежат две главные идеи: быт земледельческого населения следует устроить так, чтобы оно могло обходиться без постороннего заработка, и народное сельское хозяйство должно быть рассчитано не для вывоза, а для потребления дома. Нужды нет, что при этих условиях Россия не только никогда не достигнет крупного промышленного развития, но что и земледелие останется у русского народа на довольно низком уровне; и к тому же, по мере расширения обрабатываемой площади, продукты ее будут постепенно дешеветь. Цель производства не барыш, за которым гонится только капиталистический эгоизм, а лишь обеспечение народа

от нужды. Пусть урожаи будут низки, пусть русское производство сохранит свое теперешнее однообразие, и у русского мужика не окажется свободных денег, — лишь бы он был сыт и твердо сохранился у него старинный общинный уклад, — об остальном заботиться незачем. И если нам приходится выбирать между экономическим прогрессом и свободой народа от растлевающего влияния капитализма и наемного труда, мы лучше откажемся от мишурных успехов, купленных дорогой ценою народного порабощения» (Головин, 1895: 26).

Осудив "голодный экспорт", Нефедов начинает разоблачение тех, по чьей вине страдало отечественное крестьянство: «Кто были эти землевладельцы? Ответ, лежащий на поверхности, — это помещики. Действительно, помещики были кровно заинтересованы в том, чтобы продавать свой хлеб на мировом рынке, где цены были много выше, чем в России».

Позволю себе задать вопрос (один из множества).

Головин писал все же о людях, учившихся в XIX в.

Я не знаю, где Нефедов получал образование в XX веке, но предполагаю, что все же политэкономия капитализма там преподавали. А впечатление такое, что Нефедов и понятия не имеет о соотношении спроса и предложения. Неужто ему на 2-м курсе не объяснили, помимо прочего, что при переходе от натурального хозяйства к меновому, сопровождающемуся строительством железных дорог, в том числе и «вывозных» (тоже претензия! Видимо, чтобы получить одобрение Нефедова, Власти надо было строить железные дороги только между Урюпино и Валулками) — «стремительно растет» не экспорт, а *доступ* хлеба — безразлично чьего (хоть марсианского!) — на рынок, а уж рынок «решает», куда и какой хлеб будет в итоге отправлен, что продавец заинтересован в достижении лучшей цены и что ему при прочих равных безразлично, кто ее платит?

Боюсь, не объяснили.

Иначе он не задавал бы подобного вопроса: «Но, может быть, Россия получала от хлебного экспорта какие-то другие преимущества?» и не давал бы такого категоричного ответа: «Таким образом, помещики продавали свой хлеб за границу, покупали на эти деньги заграничные потребительские товары и даже жили частью за границей. На нужды индустриализации шла лишь очень небольшая часть доходов, полученных от хлебного экспорта».

К.Ф. Головин в одном месте так комментирует писания народника В.П. Воронцова: «Г. В.В., между прочим, не без комизма восклицает: «что выиграла Россия от того, что за последнее двенадцатилетие вывоз ее керосина увеличился в 350 раз и достиг цифры 50 мил. пудов?»

Ответ содержится в самом вопросе: она выиграла всю продажную стоимость этих миллионов пудов, всю оплодотворяющую силу приобретенных капиталов. Г. В. В. наивно воображает, по-видимому, что суммы, полученные крупными производителями, так и остаются в их кармане, не принося стране никакой пользы. Могло бы это произойти лишь в том случае, если бы все эти производители были Плюшкиными, добывающими деньги, чтобы запирать их у себя в сундуки, Неужели г. В. В. ни от кого не слышал, что крупные капиталы, хотя бы приобретенные немногими лицами, становятся могучим стимулом производства и обмена; что многочисленные мертвые богатства ждут не дождутся у нас оживляющего прикосновения капитала и предприимчивости?» (Головин, 1895: 59).

Как можно видеть, рыночные отношения (и экспорт в том числе) Нефедов трактует с позиций классово-«патриотических». В силу того, что и народники, и дореволюционные марксисты, беспокоясь о судьбах классов, о судьбе России не думали вовсе, на помощь ему приходит советский марксизм с обвиняющими интонациями образца 1946-1953 гг.

Правда, затем он утешает читателей тем, что не только в России были такие антипатриотичные и бессердечные помещики, совсем некстати вспоминая страны «второго издания крепостничества» (в веках этак XVI-XVII) и приводит не имеющую ни малейшего отношения к пореформенной России мысль Ф. Броделя, долженствующую, как он почему-то воображает, подтвердить его мнение о том, что «русский хлебный экспорт (!) был остатком феодализма (!!!), он был основан на феодальном по происхождению (!!) крупном землевладении и на той власти, которую еще сохраняло русское дворянство (!)».

Вообще манера цитирования Нефедовым зарубежных авторов и ссылок на них весьма напоминает характеристику Головиным стиля изложения раннего П.Б. Струве: «Как свежесвыпущенный из корпуса молодой офицер при каждом удобном случае звякает шпорами, так и наш юный исследователь то и дело угощает читателя мудреными терминами, очевидно, желая пощеголять своею начитанностью» (Головин, 1895: 86).

Далее Нефедов строго замечает: «Напомним, что согласно современным воззрениям, уничтожение крупного землевладения является необходимым элементом «революции модернизации» — это теоретическое положение было сформулировано одним из создателей теории модернизации С. Блэком на основе обобщения опыта социальных революций и реформ в развивающихся странах» (и зачем-то пытается привязать сюда «проект Витте-Кутлера», который к рассматриваемым сюжетам относится чуть ближе, чем Соборное Уложение 1649 г.).

Нефедов, полагаю, уже не так юн, как Струве в 1895 г., но, вспоминая Головина, «здесь он, очевидно, уже чересчур бойко звякнул шпорами» (Головин, 1895: 87).

Бедный Александр II!

Вот кто главный виновник страданий российского крестьянства!

Теперь-то уж всем должно быть ясно, что Ему надо было 19 февраля 1861 г. не Манифест об освобождении крестьян подписывать, а «Декрет о земле», и сразу ликвидировать частную собственность на землю, чтобы «революция модернизации» прошла успешно и страна избавилась от мучений мальтузианского кризиса! А там, чем черт не шутит, может быть и Совнарком возглавить?!

Ну как все это можно обсуждать всерьез?

Нефедов слышал о «борьбе за землю», но снова как-то уж очень буквально все понял.

Конечно, он не первый из борцов с крестьянским малоземельем (людей, как правило, хотя и заинтересованных, но не всегда сведущих), с кем созерцание карты России сыграло злую шутку. Поклонникам «черного передела» российские просторы обещают куда больше, чем могут дать в действительности, о чем и до революции неустанно твердило немало компетентных отечественных специалистов.

Советовать Нефедову «учить матчасть» я не стану, а ограничусь следующим эпизодом, характеризующим последствия реализации ликвидации крупного землевладения в России.

При разоблачении бедствий пореформенной эпохи Нефедов нередко черпает вдохновение у народнического экономиста Н.П. Огановского.

В 1922 г. вышла его работа «Очерки по экономической географии России (в связи с мировым хозяйством, по новейшим статистическим материалам)», которая предваряется следующим весьма любопытным Предисловием (а, точнее, предуведомлением): «Издательство Н.К.З. «Новая деревня» выпускает книгу проф. Огановского по экономической географии России, курс лекций, прочитанных автором в 1-м Московском Государством Университете, как исходное пособие для изучения производительных сил Республики.

К сожалению, автор не мог удержаться на объективной позиции и допустил ряд совершенно неправильных выводов. Так, на стр.81-83, в отделе «Распределение земли после революции» он утверждает, что «формальный переход (всей земли к крестьянам после 1917 г. — М.Д.) принес лишь незначительную прирезку», между тем, как сам же автор, пользуясь данными Б.Н.Книповича, несколькими строками выше приво-

дит цифры, указывающие на многомиллионное увеличение площади крестьянского землепользования.

Он считает, что переход всей земли от помещиков к трудовому крестьянству, есть не «главный эффект» и говорит лишь об уничтожении экономической зависимости крестьян от помещиков. Но на стр.82 он рисует картину падения нашего рубля и разрушение революцией городской промышленности и указывает на разрушительное влияние продрозверстки, не давая ясного и точного объяснения, почему эта продрозверстка была введена».

В 1922 г. та самая власть, которая вскоре обеспечит, по Нефедову, уровень «социальной стабильности» в 25 пудов хлеба на душу, еще ограничивалась такими вот Предисловиями, которые ставили старых «борцов» за землю из «народолюбивой» русской интеллигенции на то место, на котором хотела их видеть. После обеспечения ею (властью) означенного уровня разговор с теми, кто, приветствуя революцию, посягает тем не менее на «единственно верное» понимание ее значения, будет другой.

А вот, кстати, и сам текст Огановского: «Но как бы то ни было — везде после революции крестьяне оказались владеющими 96-98% всей удобной площади (кроме леса): однако фактически в виде ли купчей или арендованной, половина частновладельческой земли уже ранее оказалась в руках крестьян. Это формальный переход принес им лишь незначительную прирезку. Даже по официальным данным в 29 губерниях Европейской России эта прирезка увеличила в среднем земельный надел одного едока с 1,87 дес. до 2,26 дес., т.е. всего на 0,39 дес. Но так как в прирезанную землю входила арендованная, то в действительности средняя прибавка не превышала, вероятно, 0,2 дес. на едока. И, конечно, не в этой микроскопической прибавке заключался главный положительный эффект революции для крестьян» (Огановский, 1922: 81).

Я хочу спросить Нефедова, как согласуется приведенная информация — совсем не секретная, кстати, — с его демагогическими филиппиками в адрес помещичьего землевладения, якобы обрекавшего крестьян на 50-летнее «баланси́рование на грани голода»?

Пытаясь подтвердить свои рассуждения о классовом характере хлебной торговли, о связи экспорта исключительно с помещиками (до этого и народники не всегда додумывались!), он пишет: «При 712 млн. пудах среднего ежегодного вывоза в 1909-1913 гг. помещики непосредственно поставляли на рынок 275 млн. пудов. Эта, казалось бы, небольшая цифра объясняется тем, что крупные землевладельцы вели собственное хозяйство лишь на меньшей части своих земель; другую часть они сдавали в аренду, получая за это около 340 млн. руб. арендной платы. Чтобы опла-

тить аренду, арендаторы должны были продать (если использовать среднюю экспортную цену) не менее 360 млн. пудов хлеба. В целом с помещичьей земли на рынок поступало примерно 635 млн. пудов — эта цифра вполне сопоставима с размерами вывоза.

Конечно, часть поступавшего на рынок зерна поступала с крестьянских земель, крестьяне были вынуждены продавать некоторое количество зерна, чтобы оплатить налоги и купить необходимые промтовары; но это количество (около 700 млн. пудов) примерно соответствовало потреблению городского населения».

Итак, Нефедов, непонятно почему, убежден, что помещичий хлеб до последнего пуда шел строго на экспорт, а крестьянский — на потребление компатриотов-горожан. Доказать этого он, понятно, не может. Из приводимых им цифр следует, что помещики сами злонамеренно экспортировали лишь 38,7% хлеба. Остальные 61,3% вывозятся вследствие другой подрывной акции помещичьего дворянства — сдачи крестьянам земель в аренду: «Чтобы оплатить аренду, арендаторы должны были продать ... не менее 360 млн. пудов хлеба». Вынужденный характер аренды в глазах Нефедова, видимо, несколько реабилитирует крестьянство за участие в антинародной акции по получению Россией главного источника валюты, т.е. в экспорте хлеба.

Я намеренно не касался пока главной жемчужины, воистину — перла — этого сюрреалистического повествования.

Вот она: «Можно условно представить, что зерно с помещичьих полей шло на экспорт, а зерно с крестьянских — на внутренний рынок, и тогда получится, что основная часть помещичьих земель как бы и не принадлежала России, население страны не получало продовольствия от этих земель, они не входили в состав экологической ниши русского этноса».

Это уже чересчур даже для такого любителя «ответов, лежащих на поверхности», как Нефедов.

Я не говорю о том, что представить эту, академично выражаясь, нелепую конструкцию, тем более «условно», конечно, можно, но что, честное слово, лучше этого не делать.

Я оставляю в стороне стиль мышления автора — «можно условно представить» «и тогда получится... что... как бы...»

Я хочу задать автору простой вопрос — а кому принадлежали помещичьи земли? Англии, Германии, Австро- Венгрии, Франции? Может быть, США? Или оптом Тройственному Союзу или Антанте?

Кто платил налоги за эти земли? В чью пользу шли средства, полученные от обложения этих земель?

Кто работал на этих землях и зарабатывал там деньги для своих семей? Гастарбайтеры, не входившие в «русский этнос»? Тогда это — открытие.

И что такое, кстати, в контексте обсуждаемых проблем истории Российской Империи пореформенного времени «экологическая ниша русского этноса»?

На каком основании Нефедов решил, что «население страны не получало продовольствия от этих земель»? Ведь двумя строками выше он пишет об аренде крестьянами помещичьих земель? Выходит, они «арендовали для аренды», во-первых, и для того, чтобы Нефедов об этом упомянул, во-вторых?

До такого не додумывались, кажется, и в 1920-е годы.

Что мы обсуждаем?

Чтобы уменьшить зависимость читателей от нефедовских конструкций, а заодно и показать их настоящую цену, приведу несколько характеристик аграрного развития России конца XIX — начала XX вв. (Давыдов, 2003: 81-181)

Среднегодовую структуру потребления главных хлебов в 1909-1913 гг. позволяет восстановить издание «Производство, потребление и перевозки хлебов в России в 1909-1913 гг.» (Пг., 1916), используемое и С.А. Нефедовым. Этот комбинированный источник, дающий достаточно близкую — с учетом состояния источниковой базы — к реальной картине, который вполне можно использовать как ориентир, как бы подводит итоги эволюции российского хлебного рынка в пореформенную эпоху.

Рожь. Эта культура, «главный крестьянский хлеб», доминировала среди главных хлебов — 36,3% потребления по стране в целом; 40,0 % в Европейской России. В 50 из 63 губерний этой части страны на рожь приходилось от 1/3 до 2/3 потребления главных хлебов, притом в 28 губерниях — более 50%. Нехватка ржи фиксируется в 51 губернии из 87, показатели которых мы рассматриваем; общая величина ее равна 105352 тыс. пуд. Более трети (35%) этого количества приходится на Петербургскую и Московскую губернии, 39,2 % — на Владимирскую, Петровскую, Новгородскую, Тверскую, Смоленскую, Костромскую, Калужскую и Ярославскую, которые ввозили от 3 до 8 млн. пуд. ржи. Таким образом, почти 3/4 нехватки ржи в Империи было сосредоточено в 10 из 87 губерний.

Пшеница. Доля ее в потреблении главных хлебов составляла 28,3% в целом по стране и 24,1 % в Европейской ее части. В 34 из 87 губерний на нее приходилось от 1/3 до 2/3 потребления, причем 22 из этих 34 губерний располагались в Азиатской части России. Две столичные губернии и

Ферганская область поглощали 22,1% общего недостатка пшеницы, равного 216208 тыс. пуд., а 22 губернии с нехваткой от 3 до 10 млн. пуд. — 56,2 %. Более слабая, в сравнении с рожью, концентрация (по числу губерний) нехватки пшеницы отражает, полагаю, относительную ограниченность ареала производства товарной пшеницы, а также растущее ее потребление в губерниях ржано-овсяного пояса.

Избыток пшеницы в количестве 492193 тыс. пуд. распределялся между 32 губерниями, но, конечно, не в равной степени. Почти 2/5 его концентрировалось в Донской и Кубанской областях и Самарской губернии, 27,6% — в Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерниях, а 22,4% в пяти губерниях с избытком от 10 до 25 млн. пуд. То есть, 89,5% "лишней" пшеницы приходилось на 11 губерний.

Ячмень. Среди главных хлебов как потребительская культура он занимал скромное место — 11,8% в общем потреблении по России в целом; 12,0% в ее Европейской части.

Лишь в 19 из 87 губерний на его долю приходилось более 20% потребления и только в шести из них — более 1/3. Подавляющее большинство губерний практически самообеспечивалось ячменем, ибо хотя недостаток его отмечается в 47 губерниях, но размеры его сугубо символические — 9078 тыс. пуд., что вполне можно объяснить несовершенством статистики. На столичные губернии приходится 28,6 % этого количества.

Зато избыток ячменя был весьма внушительным — 236858 тыс. пуд. в 40 губерниях, но для большинства из них он, как и недостаток, был чисто номинальным. При этом пять Новороссийских губерний и Кубанская область концентрировали 85,5% "лишнего" ячменя, свидетельствуя об экспортном характере этой культуры.

Овес. На его долю приходилось в целом по стране 23,6% потребления главных хлебов, а в Европейской России — 24,0%. Суммарная нехватка овса в 57 губерниях определяется в 78096 тыс. пуд., но более половины его — 52,1% этого количества — поглощали две столичные губернии, а 8,1% — Варшавская и Петроковская, которым не хватало чуть более 3 млн. пуд. Наконец, 22,1% концентрировались в 11 губерниях с нехваткой от 1 до 3 млн. пуд.

Избыток овса в количестве 139928 тыс. пуд. отмечается в 30 губерниях. На Тамбовскую, Тульскую, Рязанскую, Орловскую, Казанскую губернии приходилось 54,9% этого количества, а 37,2 — на 9 губерний с избытком от 3 до 10 млн. пуд. Всего на эти 14 губерний приходилось 92,1% избытков овса.

Итак, концентрация в небольшом числе губерний как недостатков, так и излишков главных хлебов в 1909-1913 гг. была весьма высокой. Участие отдельных губерний в хлебной торговле было далеко неравноценным. Равным образом и концентрация отправления главных хлебов также была высока. Достаточно сказать, что половину всей ржи в стране отправляли восемь губерний из 87, пшеницы — пять, ячменя — две, овса — 7 губерний. Это показывает, насколько далеко зашел процесс специализации конкретных губерний и регионов на товарном производстве отдельных хлебов.

Таковы некоторые важные характеристики хлебного рынка накануне войны с точки зрения производства главных хлебов, а также их избытков и недостатков. В этой картине, казалось бы, нет ничего необычного — разделение губерний на производящие и потребляющие весьма четко укладывается в устоявшиеся представления о черноземных и нечерноземных губерниях — первые вывозят хлеб, вторые его потребляют. Однако это не вполне точно. Ведь наличие избытков и недостатков — явление историческое, другими словами преходящее. Когда-то и в нечерноземных губерниях были избытки хлеба, а Центрально-Промышленный район, наряду с Центрально-Черноземным, лидировал по величине урожаев. Как известно, объемы ввоза и вывоза хлебов являются важными характеристиками той стадии аграрной эволюции, которую переживает данный регион в изучаемый период. А эта стадия в значительной степени связана с численностью населения и степенью индустриализации региона.

Избытки хлеба покрывали потребности внутреннего и внешнего рынков.

В таблицах 1 и 2 представлены сведения о структуре хлебного экспорта в абсолютном и относительном выражении.

Таблица 1. Среднегодовой экспорт хлеба из России за 1889-1913 гг. (тыс. пуд.)

Годы	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	Мука		Главн. хлеба	Второст. хлеба	Все хлеба
					пшен.	ржан.			
В сред. за 1889-1893	54534	157357	65543	49043	3407	2496	332381	42776	375157
В сред. за 1894-1898	78384	210468	107765	59505	4005	4188	464315	69500	533815
В сред. за 1899-1903	83415	160712	91128	62335	4268	9080	410956	81911	492867

1904	60051	280884	151838	54062	6363	11993	565191	83620	648811
1905	59674	293834	138263	127327	5919	7123	632140	65361	697501
1906	65366	219995	148810	69544	6142	7523	517380	73378	590758
1907	45164	131674	132665	26137	4043	6344	356027	114355	470382
1908	24911	89803	161389	29374	3243	6178	314898	90006	404904
В сред. за 1904- 1908	51035	205238	146593	61289	5142	7832	477127	85344	562471
1909	35499	314469	219202	74663	5764	7010	656607	105329	761936
1910	40538	374590	244702	83947	6820	6498	757095	93077	850172
1911	53874	240545	262638	85130	7352	9491	659030	165056	824086
1912	30596	161020	168708	51799	6368	5996	424487	127183	551670
1913	39470	203256	239718	36604	9963	6980	535991	114889	650880
В сред. за	39995	258776	227014	66429	7253	7195	606644	121086	727730

1909-1913									

Источники: Материалы к пересмотру торгового договора с Германией. Вып. V. Россия. Привоз, вывоз и направление вывоза главнейших сельскохозяйственных продуктов за 1884-1910 гг. Пг., 1915; Сельское хозяйство России в XX веке. М., 1922. Лященко П.И. Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии всвязи с таможенным обложением. Пг., 1915.

Таблица 2. Среднегодовой экспорт хлебов за 1889-1913 гг. (в процентах к общему вывозу)

Годы	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	Мука		Главн. хлеба	Второст. хлеба	Все хлеба
					пшен.	ржан.			
В сред. за 1889-1893	14,54	41,94	17,47	13,07	0,91	0,67	88,60	11,40	100
В сред. за 1894-1898	14,68	39,43	20,19	11,15	0,75	0,78	86,98	13,02	100
В сред. за 1899-1903	16,92	32,61	18,49	12,65	0,87	1,84	83,38	16,62	100
1904	9,26	43,29	23,40	8,33	0,98	1,85	87,11	12,89	100
1905	8,56	42,13	19,82	18,25	0,85	1,02	90,63	9,37	100
1906	11,06	37,24	25,19	11,77	1,04	1,27	87,58	12,42	100
1907	9,60	27,99	28,20	5,56	0,86	1,35	75,69	24,31	100
1908	6,15	22,18	39,86	7,25	0,80	1,53	77,77	22,23	100
В сред. за 1904-1908	9,07	36,49	26,06	10,90	0,91	1,39	84,83	15,17	100
1909	4,66	41,27	28,77	9,80	0,76	0,92	86,18	13,82	100
1910	4,77	44,06	28,78	9,87	0,80	0,76	89,05	10,95	100
1911	6,54	29,19	31,87	10,33	0,89	1,15	79,97	20,03	100
1912	5,55	29,19	30,58	9,39	1,15	1,09	76,95	23,05	100
1913	6,06	31,23	36,83	5,62	1,53	1,07	82,35	17,65	100
в сред. за 1909-1913	5,50	35,57	31,21	9,13	0,95	0,99	83,35	16,65	100

Как можно видеть из приведенных таблиц, вплоть до 1909-1913 гг. пшеница со значительным отрывом лидировала среди экспортных культур. Вывоз ее по абсолютной величине возрастал, однако доля в хлебном экспорте постепенно падала с 41,9% в 1889-1893 гг. до 35,6% в 1909-1913 гг. и 29,2-31,2% в 1911-1913 гг.; даже в урожайные 1912-1913 гг. вывоз ее уменьшился и по абсолютной величине, что весьма показательно.

Экспорт ячменя стабильно возрастал по обоим показателям и в 1911-1913 гг. обогнал пшеницу — факт небывалый. В 1889-1893 гг. на ячмень приходилось 17,5%, а в 1909-1913 гг. — 31,2% вывоза всех хлебов (в 1913 г. — 36,8%). В сумме пшеница и ячмень давали от 60 до 72% всего экспорта, и не будет ошибкой сказать, что вывоз хлеба из России в конце XIX — начале XX вв. — это главным образом вывоз пшеницы и ячменя, специально производившихся на экспорт в Новороссии и Предкавказье.

Нетрудно заметить, что экспорт ржи стабильно снижался, достигая в предвоенное пятилетие величины урожая, скажем, Пензенской губернии в те же годы, но уже никак не Курской или Уфимской. Почти в три раза упала доля ржи в экспорте — с 14,5 до 5,5%. Вывоз овса по пятилетиям показывает рост, хотя и незначительный, но очевидно его существенное снижение в 1912-1913 гг. Экспорт муки был невелик, что отражало, в частности, недостаточное развитие мукомольной промышленности в России. Увеличивался как в абсолютном, так и в относительном выражении экспорт второстепенных хлебов, большую часть которого составляли кукуруза, отруби и жмыхи — в отдельные годы он превышал 20%. Очевидна неустойчивость экспорта как отдельных главных, так и всех хлебов вообще — перепады в соседние годы иногда достигают 300 и более процентов.

Это закономерно ставит вопрос о соотношении размеров экспорта хлеба и урожая.

В таблице 3 можно видеть данные о соотношении между урожаями и вывозом главных хлебов в конце XIX — начале XX вв.

Таблица 3. Динамика урожаев (63 губ.) и экспорта главных хлебов в 1893-1913 гг. (тыс. пуд.)⁴

Годы	Рожь			Пшеница		
	Урожай	Экспорт	Доля экспорта от сбора	Урожай	Экспорт	Доля экспорта от сбора
1893	1114720	37053	3,3	709718	160455	22,6
1894	1341087	85671	6,4	697675	209762	30,1
1895	1203995	95541	7,9	626017	242752	38,8
1896	1181142	83717	7,1	606512	224633	37
1897	962730	78837	8,2	475589	218327	45,9
1898	1097484	71418	6,5	678029	183564	27,1
1893-1898	1150193	75373	6,6	632257	206582	32,7
1899	1356886	67097	4,9	653989	112224	17,2

4 При пересчете мука ржаной в зерно принимается выход муки в 90%, муки пшеничной — в 75% зерна.

1900	1393641	104063	7,5	657550	122979	18,7
1901	1137353	92692	8,1	667132	143853	21,6
1902	1378534	109395	7,9	931437	190701	20,5
1903	1354909	94273	7	916678	262372	28,6
1899-1903	1324265	93504	7,1	765357	166426	21,7
1904	1506805	73377	4,9	1033855	289368	28
1905	1090758	67588	6,2	944168	301726	32
1906	982671	73725	7,5	749260	228184	30,5
1907	1193880	52213	4,4	727345	147065	20,2
1908	1168799	31775	2,7	812723	94127	11,6
1904-1908	1188583	59736	5	853470	206609	24,2
1909	1351606	43288	3,2	1182093	322154	27,3
1910	1299405	47758	3,7	1162046	383683	33,0
1911	1151182	64420	5,6	742738	250348	33,7
1912	1567736	37258	2,4	1036356	169511	16,4
1913	1507246	47226	3,1	1391966	216540	15,6
1909-	1375435	47990	3,5	1103040	268447	24,3

1913						
Годы	Ячмень			Овёс		
	Урожай	Экспорт	Доля экс- порта от сбора	Урожай	Экспорт	Доля экс- порта от сбора
1893	421166	111228	26,4	673044	56801	8,4
1894	351272	153139	43,6	673910	94395	14,0
1895	327682	108319	33,1	648948	66739	10,3
1896	324955	81605	25,1	645948	67512	10,5
1897	306308	89441	29,2	527772	43617	8,3
1898	397797	106320	26,7	556332	25264	4,5
1893- 1898	354863	108342	30,5	620992	59055	9,5
1899	289865	74549	25,7	805157	28463	3,5
1900	309358	53676	17,4	720215	80047	11,1
1901	313397	77631	24,8	527812	80317	15,2
1902	442096	104165	23,6	786122	63333	8,1
1903	465857	145619	31,3	645135	59517	9,2
1899-	364115	91128	25	696888	62335	8,9

1903						
1904	451541	151838	33,6	943773	54062	5,7
1905	450371	138263	30,7	754674	127327	16,9
1906	408430	148810	36,4	561168	69544	12,4
1907	459972	132665	28,8	728461	26137	3,6
1908	491606	161389	32,8	739477	29374	4,0
1904-1908	452384	146593	32,4	745511	61289	8,2
1909	622676	219202	35,2	946088	74623	7,9
1910	602788	244702	40,6	856205	83947	9,8
1911	537236	262638	48,9	702598	85130	12,1
1912	606045	168708	27,8	864424	51799	6,0
1913	627336	239718	38,2	979677	36604	3,7
1909-1913	599216	226994	37,9	869798	66421	7,6

Источники: Материалы к пересмотру торгового договора с Германией. Вып. V. Россия. Привоз, вывоз и направление вывоза главнейших сельскохозяйственных продуктов за 1884-1910 гг. Пг., 1915; Прегер Р.И. Производство главнейших хлебов в России за двадцатипятилетие 1888-1912 гг. Пг., 1915; Сельское хозяйство России в XX веке. М., 1922. Лященко П.И. Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением. Пг., 1915

В нескольких словах данный аспект зернового хозяйства России в этот период можно охарактеризовать так: урожаи главных хлебов в стране продолжали расти, однако доля экспорта в урожае всех главных хлебов, кроме ячменя, уменьшалась (причем, иногда и в абсолютном выражении).

Весьма показательны в этом смысле цифры средних ежегодных приростов показателей производства и экспорта хлеба, вычисленными при построении линейных трендов приведенных выше динамических рядов. Так, средний ежегодный прирост урожая ржи составлял 9364 тыс. пуд., а вывоз падал ежегодно в среднем на 1926 тыс. пуд., овса собирали ежегодно в среднем на 12879 тыс.пуд. больше, а экспортировали на 93 тыс. пуд. меньше. Среднегодовой прирост урожаев пшеницы равнялся 27053 тыс. пуд., а ее экспорт ежегодно увеличивался в среднем на 3121 тыс. пуд., то есть, в стране ежегодно в среднем оставалось на 23932 тыс. пуд. пшеницы больше, чем в предыдущем году. Эта цифра превышает среднегодовой урожай всех Центрально-Черноземных, Центрально-Промышленных, Белорусских, Приозерных, а также Черниговской и Эстляндской губерний, вместе взятых, в 1909-1913 гг. Соответствующие показатели для ячменя составляли 15070 и 7197 тыс.пуд. Другими словами, за границу продавалось лишь 10,6% прироста сборов пшеницы и около половины (47,8%) прироста сборов ячменя.

Показательно, что доля вывозимой ржи, составлявшая в 1891-1895 гг. 5,7% урожая, упала до 3,3% в 1911-1913 гг., доля пшеницы снизилась с 34,6 до 19,8% (причем с 1910 г. экспорт пшеницы уменьшается и по абсолютной величине), доля овса — с 10,7% до 7,5%, а доля ячменя возросла с 34,6 до 37,9% (как уже отмечалось, это объясняется форсированием производства в Новороссии и Предкавказье ячменя как культуры почти исключительно экспортной). **Все эти факты неоспоримо говорят о возрастании объема внутреннего рынка для главных хлебов и соответственно о постепенном снижении роли внешнего рынка.** Данные транспортной статистики позволяют конкретизировать это явление и в общих чертах проследить, как протекали указанные перемены.

Анализ соотношения внутреннего и вывозного железнодорожного отправления **всех** хлебных грузов черноземными губерниями, которые в конце XIX — начале XX вв. оставались основными поставщиками товарного хлеба на внутренний и внешний рынки, привел к следующим выводам.

В ряде не только северно-, но и южно- черноземных губерний очевидно замедление темпов роста железнодорожного отправления всех хлебных грузов, отражающее рост плотности населения, усиление в силу этого местного потребления производимых хлебов и завершение экстенсивного этапа расширения зернового хозяйства.

В Курской, Орловской, Тульской, Рязанской, Подольской и Киевской губерниях с 1894-1895 гг. до 1908-1911 гг. общее снижение экспортного отправления составило 19,0 млн.пуд. В остальных черноземных губерниях оно выросло на 173, 2 млн.пуд⁵. Из этого количества 76,7 млн.пуд., или 44,3% приходится на Херсонскую губернию, Донскую и Кубанскую области; еще 29,5% прироста (51,2 млн.пуд.) сконцентрировано в Екатеринославской, Саратовской, Самарской и Ставропольской губерниях.

То есть, экспорт хлеба из России увеличивался в конце XIX — начале XX вв. прежде всего за счет лишь семи губерний степной полосы⁶, которые дали в сумме 127,8 млн.пуд., или 81,9% прироста вывозных перевозок всех хлебных грузов.

Данное обстоятельство делает куда понятнее логику Нефедова, исключившего «неудобную» для себя половину страны из анализа.

О том, **чем** были южнорусские степи для сельского хозяйства России рассматриваемого периода, можно судить по следующим фактам.

5 Данные за 1909-1913 гг. еще выразительнее.

6 К ним, возможно, следует добавить и Таврическую губернию, но этот вопрос требует специального изучения.

Средний урожай пшеницы по 63-м губерниям Европейской России в 1901-1903 гг. составил 838416 тыс.пуд., из которых на долю только Новороссии (Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская губернии и Область Войска Донского), а также Ставропольской губернии и Кубанской области пришлось 417723 тыс.пуд., т.е. 49,8%, а в 1908-1911 гг. суммарный среднегодовой урожай пшеницы в 63-х губерниях был равен 974900 тыс.пуд., из которых 500573 тыс.пуд., т.е. 51,3%, были выращены в перечисленных губерниях. При этом в 1901-1903 гг. они дали 146920 тыс.пуд., или 56,0% общего среднегодового отправления пшеницы черноземными губерниями, а в 1908-1911 гг. — 203643 тыс.пуд., или 57,4%. Доля этих губерний в вывозном отправлении черноземных губерний составила соответственно 80,4% (113840 тыс.пуд.) и 745% (153171 тыс.пуд.).(Давыдов, 2003: 123-129)

Рожь никогда не была популярна в южнорусских степях (она вытеснила пшеницу лишь на время гражданской войны), и в рассматриваемый период ее выращивали там в основном на экспорт.

На Бессарабскую, Херсонскую, Таврическую, Екатеринославскую губернии, а также Донскую и Кубанскую области в 1901-1903 гг. пришлось в общей сложности 104321 тыс. пуд. из 1290265 тыс.пуд. среднегодового суммарного урожая ржи в 63-х губерниях, т.е. 8,1%, а в 1908-1911 гг. -- 68297 тыс.пуд. из 1242723 тыс.пуд., или 5,5 %, т.е. относительно небольшая часть сбора. Тем не менее в 1901-1903 гг. данный регион дал 34,6% (50337 тыс.пуд.) общего отправления ржи из черноземных губерний, а в 1908-1911 гг. — 22,9% (25473 тыс. пуд.). А вот доля экспортного отправления ржи со станций региона превысила половину и равнялась соответственно 54,7% (41864 тыс.пуд.) и 52,9% (18968 тыс.пуд.) (Давыдов, 2003: 158-159).

Пять губерний и три области Новороссии и Предкавказья в 1901-1903 гг. производили ежегодно 53,2% урожая ячменя в 63-х губерниях (216494 тыс.пуд. из 407117 тыс. пуд.), в 1908-1911 гг. — 58.2% (328163 тыс.пуд. из 563577 тыс.пуд.), 84,3% (62699 тыс.пуд. из 74407 тыс.пуд.) и 91,0% (137223 тыс.пуд. из 150739 тыс.пуд.) общего отправления ячменя из главных губерний-производительниц и 89,8 (53911 тыс.пуд. из 60032 тыс.пуд.) и 94,6% (127970 тыс.пуд. из 135226 тыс.пуд.). Ячмень, как известно, был сугубо экспортной культурой (Давыдов, 2003: 176-181).

Теперь читателям легче оценить степень научной корректности Нефедова — он исключает данные по этому, в частности, вполне преуспевающему региону из анализа потребления, поскольку они явно противоречат его построениям, но затем рассматривает вывоз отсюда хлеба как угрозу нормальному питанию жителей России. Как будто до 1917 г. кто-

то мог заставить крестьян Новороссии выращивать пшеницу и ячмень на экспорт (а дехкан Средней Азии — хлопок)!

Совсем иная картина возникает при анализе внутреннего железнодорожного отправления **всех** хлебных грузов.

Его прирост в 1908-1911 гг. в сравнении с 1894-1895 гг. в Курской губернии составил 12035 тыс. пуд. (тогда как абсолютные размеры среднегодового вывозного отправления снизились на 1702 тыс. пуд.); схожая картина наблюдается в Орловской (соответственно 6704 и минус 3170 тыс. пуд.), Тульской (6565 и минус 2402 тыс. пуд.), Рязанской (4863 и минус 765 тыс. пуд.), Киевской (10281 и минус 1505 тыс. пуд.), Подольской (4411 и минус 9444 тыс. пуд.) губерниях. Заметим, что даже в тех губерниях, общее отправление которых имело тенденцию к уменьшению (Бессарабской, Юго-Западных, Черниговской), это происходило не за счет внутреннего отправления, а за счет сокращения перевозок в таможенные пункты.

Очень важно, что и там, где экспортное отправление в целом не уменьшается, приросты внутреннего отправления значительно, иногда в несколько раз, выше приростов вывозного отправления. Подобная картина наблюдается в таких губерниях, как Харьковская (17393 против 2384 тыс. пуд.), Полтавская (20413 против 4658 тыс. пуд.), Оренбургская (18493 и 5182 тыс. пуд.), Самарская (24924 и 14534 тыс. пуд.), Воронежская (18898 и 6865 тыс. пуд.), Саратовская (24703 и 9800 тыс. пуд.), Тамбовская (18706 и 901 тыс. пуд.), Терская (14334 и 3660 тыс. пуд.). Существенный рост значения внутреннего рынка и падение роли рынка внешнего совершенно очевидны.

Лидерами внутреннего отправления были Самарская, Полтавская, Воронежская, Оренбургская, Тамбовская, Харьковская, Саратовская, Екатеринославская, Терская и Курская губернии, которые в сумме сосредоточили 65.1% прироста внутренних перевозок.

Итак, анализ транспортной статистики показывает, что основную часть вывозной пшеницы давали Новороссия и Предкавказье, как бы замкнутые на порты Черного и Азовского морей. В еще большей степени это относится к ячменю, почти 90% избытков которого в 1909-1913 гг. находилось в пяти Новороссийских губерниях и Кубанской области. Этот регион, разумеется, поставлял зерно на внутренний рынок, но близость портов естественно стимулировала работу на экспорт. Главными поставщиками пшеницы на внутренний рынок были Самарская и Саратовская губернии, а также Донская область. Для Нижневолжских, Малороссийских, Юго-западных губерний приоритетным было внутреннее отправление, которое почти всегда превосходило вывозное. Последнее

возрастает лишь в случае хорошего урожая, когда за границу «сбрасывались» излишки пшеницы, не находившие размещения на внутреннем рынке, как это было, например, в 1909-1910 гг.

То есть, очевиден существенный рост значения внутреннего хлебного рынка и снижение роли рынка внешнего. Если вспомнить о заметном недоучете водных перевозок, а также о том, что используемая статистика никак не фиксирует гужевые перевозки хлеба, то станет очевидно, что реальный размер внутренней транспортировки хлеба, а значит, и внутреннего рынка был намного выше.

В целом же обгоняющее развитие внутреннего рынка в сравнении с внешним было одним из непосредственных результатов индустриализации, урбанизации и роста капитализма в стране.

Подсчеты Нефедовым душевого потребления представляются совершенно неудовлетворительными, что естественно вытекает из такой манеры обращения с источниками.

В отечественной историографии с дореволюционных времен пищевую ценность картофеля традиционно оценивали в соотношении 3:1. Данные современной поваренной книги снижают его до 2,1-2,5:1 (не касаясь вопроса о том, что калорийность картофеля заметно повышается при тепловой обработке — печении, не говоря о жарении). Даже это уточнение дает *существенную* разницу, в том числе и при анализе душевого потребления. Между тем Нефедов исходит из соотношения 5:1. На каком основании? Как отражены в его подсчетах немаленькие цифры душевого потребления картофеля, которые используемый и им источник (упомянутые «Производство, перевозки...») фиксирует даже в тех губерниях, которые Нефедов оставил для доказательства перманентного голодания страны? Например, в 1909-1913 гг. в Витебской губернии этот показатель составил 14,4 пуд., в Минской — 31,44 пуд., в Могилевской — 24,99 пуд., во Владимирской — 15,47 пуд., (в Воронежской — 11,6, в Калужской — 14,01 пуд., Курской — 14,69 пуд, в Орловской — 19,69 пуд, Пензенской — 20,97 пуд, Псковской — 12,5, Рязанской — 17,29 пуд. и т.д.

Куда исчезли эти центнеры картофеля даже с учетом некорректной нормы 5: 1? Неужто все в спирт перекурили? Или он в реальности пересчитывает в соотношении 10 к 1?

Наконец, пора заметить, что, помимо прочего, в концепции С.А.Нефедова мне непонятны следующие моменты.

Как можно рассуждать о голоде в пореформенной России, ни словом не упоминая о продовольственной помощи, о пресловутом «царевом пайке»?

Народническая интерпретация проблемы потребления российской деревни в отечественной историографии, в русле которой идет Нефедов, попросту игнорирует наличие в стране **продовольственной системы**, гарантирующей нормальное питание населения в голодные годы. Игнорирует, понятно, для удобства — в идее «голодного экспорта» заботе правительства о предотвращении голодовок и минимизации их последствий места, разумеется, нет.

Любой, кто **не знаком профессионально** с рассматриваемой проблематикой, но со школы знает о «голодном экспорте», совершенно естественно полагает, что «антинародное» царское правительство выкачивало из деревни хлеб, обрекая на голодовки миллионы крестьян, и никаким образом не заботилось о борьбе со **стихийными** бедствиями в виде постоянных неурожаев. Между тем все обстояло совершенно не так.

Впрочем, в некотором смысле чрезвычайно характерно, что о народных страданиях в пореформенной России так или иначе слышали все (или почти все), в то время как существование в стране продовольственной организации, которая оказывала помощь голодающим, как тот факт, что правительство тратило значительную часть государственного бюджета на эти цели, известно сравнительно немногим.

Предлагаю оценить следующие факты, почерпнутые из официальной правительственной статистики и приводимые А.С. Ермоловым в фундаментальной монографии «Наши неурожаи и продовольственный вопрос», обретающие особую пикантность в связи с рассуждениями Нефедова о «территориальной дифференциации» губерний Европейской России.

Чаше всего за период 1867-1908 гг. неурожаи имели место в губерниях: Таврической — 21 раз, в Самарской — 19 раз, в Пензенской — 18 раз, в Оренбургской и Новгородской — по 17 раз в каждой и т.д. Реже всего — 1-2 раза — неурожаи фиксировались в 10 губерниях, в числе которых три Юго-Западных, две Прибалтийских (Лифляндская и Эстляндская), две Литовских (Виленская и Ковенская), Могилевская, Полтавская и Ярославская. При этом ни разу за 1867-1908 гг. «не получали ссуд из общеимперского продовольственного капитала губернии Гродненская, Курляндская, Минская и Московская, а также губернии Царства Польского, которые вообще полных неурожаев не знают» (Ермолов, 1909, т.2: 3-6).

В пореформенное время, пишет А.С., «область всего чаще повторяющихся неурожаев перемещалась,—в начале по преимуществу страдали от неурожаев и требовали себе помощи губернии северные и северо-западные, а затем центр неурожайной области стал передвигаться на

восток и юго-восток, захватив, начиная с девятидесятых годов, и центральные черноземные губернии. В южной части черноземного района и в губерниях юго-западных неурожаи бывали только спорадически, но довольно часто повторялись в губерниях Новороссийских.

По числу неурожайных лет нельзя, однако, судить о том, как страдали от неурожая отдельные губернии⁷, и в этом отношении представляют значительный интерес нижеследующие данные о размере сумм, ассигнованных им из общеимперского капитала для борьбы с нуждой, как и данные о задолженности их этому капиталу в настоящее время, **после целого ряда оказанных населению милостей, в виде сложения с него, в силу Царских манифестов и Высочайших указов, большей части лежавших на нем продовольственных долгов**» (Ермолов, 1909, т.2: 6).

В таблице 4 содержатся данные о правительственных ассигнованиях на продовольственную помощь в наиболее нуждавшиеся в ней 18 губерний, которые получили в 1891-1908 гг. более 5 млн.руб., а также сведения о задолженности этих губерний общеимперскому продовольственному капиталу и общей сумме их продовольственных долгов.

Все эти губернии образуют единый массив, охватывающий ЦЧР, Среднее и Нижнее Поволжье, а также Приуралье (за его пределами остаются лишь Псковская и Херсонская губернии). Население этого региона «всего чаще и всего больше пользовалось казенными воспомощениями, многие годы состоя, так сказать, на казенном иждивении» (Ермолов, 1909, т.2: 20-22), получив 93,5% зафиксированной Ермоловым продовольственной помощи⁸. Несмотря на то, что ему (населению) были прощены и списаны со счетов громадные суммы, на него приходилось почти 9/10 долга общеимперскому капиталу и свыше 4/5 общей продовольственной задолженности населения Европейской России. Учитывает ли Нефедов в своем анализе эту информацию и каким образом?

Комментируя список лидеров — от Самарской до Нижегородской — Ермолов замечает, что «эти 10 губерний, которые некогда считались

7 Так, лидер по числу неурожайных лет, Таврическая губерния, за 21 год получила всего 4008 тыс.руб., а следующей за ней Самарской губернии за 19 лет было ассигновано 64473 тыс.руб.

8 «Общий итог этих сумм дает цифру в 488.145.000 р., но к этой цифре надо добавить еще 15000.000 р., отпущенных в 1901 и 1902 г.г. на покупку хлеба для различных пострадавших от неурожая губерний, и которые я по отдельным губерниям разнести не могу; кроме того, такая же примерно сумма израсходована в 1891— 1892 годах на Анненковские общественные работы, тоже по губерниям не распределенная; в этот счет не входит и сумма, отпущенная в 1898 и 1899 годах на снабжение населения лошадьми. С добавлением этих расходов общий итог далеко превысит полмиллиарда рублей» (Ермолов, 1909, т.2: С.9.)

житницу России и доставляли громадное количество хлеба для заграничного отпуска, — за 18 последних лет потребовали себе правительственных вспомоществований, чтобы только прокормиться, на сумму 361218.тыс. рублей. Это все губернии черноземные, в которых земледелие искони составляет главное и даже можно сказать единственное занятие населения. Другую их отличительную черту составляет то, что в них господствует среди крестьян общинная форма землевладения». В губерниях, занимающих позиции с 11-й по 18-ю, почвы достаточно разнообразны, однако «общинное землевладение и в них является преобладающим» (Ермолов, 1909, т.2:7-8). Только в Херсонской и Курской губернии наряду с общинным существует подворное землевладение.

Таблица 4. Губернии, получавшие наибольшие ассигнования на продовольственную помощь в 1891-1908 гг.

Губернии	Ассигнования из общемперского продовольст. капита- ла и средств Го- сударств. Казна- чейства		Долги общеим- перск. продо- вольст. капита- лу на 1 января 1909 г.		Вся совокуп- ность долгов на- селения губер- ний на 1 января 1909 г.		Задолженность в продов. капи- талы на 1 янва- ря 1912 г.	
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%
Самарская	64473	13,2	29810	14,1	35939	11,6	25030	12
Саратовская	60709	12,4	23131	11	28732	9,3	22181	10,7
Казанская	52365	10,7	21775	10,3	25672	8,3	20195	9,7
Симбирская	32134	6,6	12714	6	16742	5,4	12533	6
Уфимская	28282	5,8	11205	5,3	13487	4,4	9687	4,7
Тамбовская	27561	5,6	11500	5,5	15544	5	9228	4,4
Воронежская	26518	5,4	12981	6,2	19299	6,2	12093	5,8
Тульская	24755	5,1	12343	5,9	14838	4,8	12340	5,9
Пензенская	24495	5	10957	5,2	13870	4,5	10131	4,9
Нижегородская	19926	4,1	8950	4,2	11773	3,8	9775	4,7
Вятская	18979	3,9	8223	3,9	12695	4,1	5457	2,6
Орловская	16920	3,5	8754	4,2	11424	3,7	9580	4,6
Рязанская	16544	3,4	5544	2,6	8744	2,8	6180	3
Оренбургская	12758	2,6	2388	1,1	2813	0,9	2514	1,2
Пермская	9097	1,9	1073	0,5	3539	1,1	1286	0,6
Псковская	8542	1,7	3449	1,6	5366	1,7	3537	1,7
Херсонская	7084	1,5	3283	1,6	5243	1,7	3917	1,9
Курская	5201	1,1	587	0,3	3547	1,1	755	0,4
Всего в 18 гу- берниях	456343	93,5	188667	89,5	249267	80,5	176419	84,8
Сумма по Им- перии	488145	100	210750	100	309500	100	208116	100

Источники: Ермолов А.С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос... Т.2. С. 7-27; Отчет по продовольственной кампании 1910-1911 г. Управления сельской продовольственной частью МВД. СПб, 1912. С.102-103

На этом фоне весьма показателен акцент, который А.С.Ермолов делает на том, что в Европейской России есть губернии, которые «за все годы рассматриваемого периода никаких воспособлений от правительства и из сумм общеимперского продовольственного капитала не получали. Это именно губернии: Гродненская, Ковенская, Могилевская, Московская, Подольская, Полтавская, Лифляндская, Курляндская, Эстляндская и губернии Царства Польского; на последние, впрочем, и не распространяются никакие правила нашего продовольственного устава» ((Ермолов, 1909, т.2: 9). Как можно видеть, в этом перечне доминируют губернии с **подворным землевладением**. Кстати, и связь продовольственной ситуации с долготой губернского центра налицо.

Ермолов делает вывод: общая сумма долгов и разнообразных пособий «тем больше, чем богаче и плодороднее почва, которую население возделывает, и обратно. Точно также, на первом плане тут стоят губернии с общинной формой землевладения» (Ермолов, 1909, т.2:32-33).

Со всем сказанным о специфике продовольственной ситуации в западных губерниях Империи вполне согласуется многократно отмеченный в дореволюционной литературе факт — эти губернии были самыми исправными налогоплательщиками, занимая последние позиции по размерам задолженности, по недоимкам (Ермолов, 1891: 79-178; Гурко, 1902: 1-19). Напомню, что именно в этих губерниях еще с конца 1870-х гг. начался стихийный процесс разверстания сотен деревень на хутора и отруба, ускользнувший от внимания Власти и открытый К. Кофодом в 1901 г. (Кофод, 1905).

Наконец, как можно анализировать потребление, умалчивая о сотнях миллионов рублей, которые пропивались населением, крестьянами даже в голодные годы?

Исполненные праведного негодования рассуждения о голодании российской деревни всегда выглядели несколько комично на фоне данных о потреблении населением страны водки в рассматриваемый период.

Надо заметить, кстати, что тем людям, которые сто с лишним лет уверяют человечество в бедственном положении отечественного крестьянства, вообще свойствен несколько целомудренный, как бы стыдливый подход к этой стороне его жизни. Ведь им всегда важно было создать впечатление о том, что крестьяне потребляли только углеводы, питаются только хлебом (которого еще и не хватало!) и запивая его водой.

Между тем источники говорят обратное.

Видный дореволюционный экономист П.П. Дюшен приводит следующие факты, который прекрасно иллюстрирует глубину осмысления российскими «народолюбцами» проблем российской деревни и показывает уровень их полемики с Властью.

В период работы Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности многие местные Комитеты со вкусом рассуждали на одну из любимых тем русской интеллигенции — о том, что крестьянская земля не окупает платежей их домохозяйства. В доказательство приводились составленные Комитетами бюджеты волостей и уездов.

Вот как изображается в трудах Винницкого Комитета экономическое положение уезда. «В Винницком уезде на наличную душу приходится земли 0,67 дес., на двор 3,8 дес; 8% домохозяев имеют лишь одну усадьбу. 2,3% — безземельные и 14% с полными наделами. В среднем крестьяне получают 12 рублей в год на душу валового дохода с земли, а на двор 70 рублей, с десятины 18 рублей. Платежей всякого рода приходится со всего крестьянского населения уезда 311.345 р. — в среднем на десятину 2 р. 55 к., а на двор 9 р. 70 к. Недоимок в Винницком уезде числится только 1,25% всей суммы сборов. Такое благоприятное положение уезда объясняется исключительно местными заработками, исчисляемыми на Р. С. 2.100.000, на двор 130 руб., на десятину 35 руб. К сожалению, выпитая населением водка ложится на каждый двор в сумме 25 р., т. е. в 2,5 раза превышает налоги (с выкупными)» (П.Д., 1904: 139-140).

Дюшен сообщает основные параметры «подробного» бюджета Велейской волости Опочецкого уезда: «Доход крестьянского населения волости от земледелия показан в сумме Р.С. (рублей серебром — М.Д.) 373 406,25 (за исключением семян); расходы: на все повинности Р.С. 35987.70, на продовольствие людей, скота и все прочие „жизненные (потребности — М.Д.) — Р.С. 40174 и на покупку вина (sic!- помета Дюшена — М.Д.) Р.С. 402281; в дефицит волости определяется в Р.С. 63773, а потому, по мнению исследователя, доходность крестьянских наделов не окупает их всех платежей».

«Но неужели исследователь Велейской волости», — вопрошает Дюшен, — «серьезно убежден, что крестьянская земля должна окупать всю сполна выпитую Велейской волостью водку? Неужели слова Положения 19 февраля 1861 г. «для обеспечения быта крестьян и для обеспечения их обязанностей перед Правительством» (интеллигенция постоянно ссылается па эту фразу общих и местных Положений 19 февраля 1861 г.) означают, что крестьяне были наделены землей помещиков с той целью, чтобы доходы этой земли шли на водку, чтобы крестьяне немилосердно спивались на эти доходы?» (П.Д., 1904: 131).

Эпизод, как можно видеть, абсурдный и курьезный одновременно. Но именно тот факт, что абсурдность подобной логики **настолько не очевидна** составителю бюджета (который был не одинок среди участников совещания), что он встраивает эти нелепые рассуждения в такой серьезный контекст, как работа Особого совещания, призванного решать судьбы страны, лучше всего показывает, чего стоят разговоры русской интеллигенции о тяжелой народной доле, продолжающиеся, увы, и в наши дни.

Обратимся реальным фактам

А.С. Ермолов, описывая продовольственную ситуацию в неурожайном, а для некоторых губерний и голодном 1906 г., специально останавливается на факте «печальном и как бы противоречащем тому, что говорится о поголовной народной нищете, об остром и всеобщем голодании в пострадавших от неурожая губерниях. Это именно, не сократившееся, а местами даже возросшее потребление вина, поглотившее, невзирая на постигшее население бедствие, громадные суммы народных денег» (Ермолов, 1909, т.1: 417)

Он, в частности, приводит данные о поступлении питейного дохода за 12 месяцев 1906–1907 г. в сравнении с двумя такими же предшествующими периодами по наиболее пострадавшим от голода 12-ти губерниям: Казанской, Нижегородской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тульской и Уфимской.

За период с 1 мая 1906 г. по 30 апреля 1907 г. от казенной продажи питей поступило дохода 130505 тыс.руб., за тот же период 1905–1906 г. – 129943 тыс.руб., за тот же период 1904–1905 г. – 115454 тыс.руб. соответственно. Следовательно, за голодный год население истратило на водку в этих бедствовавших губерниях на 562 тыс.руб. больше, чем в предыдущий год, и на 15051 тыс.руб. больше, чем за такой же период 1904–1905 г. ((Ермолов, 1909, т.1: 418)

Ермолов резюмирует: «В кампанию 1906–1907 гг. было израсходовано на ссудную помощь населению в тех 12-ти губерниях, о которых здесь идет речь, 128329 т.р. Пропито же в них за 12 мес., с 1 мая 1906 г. по 30 апреля 1907 г. вина на сумму 130505 т.р., т. е. на 2176 т.р. более той суммы, которую население в этих губерниях получило за предохранение его от голода и на обсеменение его полей» (Ермолов, 1909, т.1: 421)

Масштаб этих цифр будет понятнее, если вспомнить, что построенный в США знаменитый крейсер «Варяг» обошелся России в 4 млн. 233 тыс.руб. (или 2 млн.138 тыс. долларов) (Мельников,1983: 22), что броненосец типа «Полтава» стоил 10,7 млн.руб., а типа «Бородино» — 14 мл-

н.руб. В «Истории СССР с древнейших времен» говорится, что стоимость кораблей и вооружений, потерянных в ходе русско-японской войны, оценивалась почти в четверть млрд. рублей (История СССР. 1968: 523). К.Ф. Шацилло оценивал стоимость потерянных кораблей в 230 млн.руб., а с учетом флотского оборудования Порт-Артура — в 255 млн.руб. (Шацилло, 1968: 44). То есть, порядок затрат понятен.

Другими словами, сказанное следует понимать так, что жители лишь 12-ти (!) из 90 губерний и областей России всего за два года (при том, что для большинства этих губерний оба года были неурожайными) выпили водки на сумму, превышающую стоимость почти всех кораблей Балтийского и Тихоокеанского флотов Империи вместе взятых, а также вооружений, уничтоженных и захваченных японцами в Порт-Артуре и др.

В Отчете Продовольственной части МВД расчеты сделаны иначе, чем у А.С. Ермолова и за другие сроки, — за календарные годы, и с 1 июля одного года по 1-е июля другого. Цифры поэтому «получаются несколько иные, но общий результат их почти такой же.

Средний душевой расход на вино по данным этого отчета определился в 1906 и 1907 гг. в 4 р.80 к. на душу в год по всей Империи, между тем в предыдущие два года он был значительно ниже — 4 р.8 к. в 1904 и 4 р. 24 к. в 1905 календарных годах.

Такое же почти возрастание душевого расхода на вино оказывается и за двенадцатимесячные периоды, считаемые с июля по июль. А именно за 12 месяцев 1904-5 гг. расход этот определился в 4 р.16 к. на душу, за тот же период 1905-6 гг. — 4 р.53 к. и за 1906-7 гг. — 4 р.78 к.

По отношению же к тем 32 пострадавшим губерниям и областям, на который распространялась в 1906-7 гг. продовольственная операция, душевой расход на вино выразился в следующих цифрах: за 12 месяцев 1904-5 г. — 4 р.57 к., 1905-6 гг. — 4 р.86 к. и 1906-7 гг. — 4 р. 98 к., в то время, как в остальных губерниях России расход этот составлял за соответственные периоды — 3 р.87 к., 4 р.29 к. и 4 р.64 к.

Таким образом, в бедственный период 1906-7 гг. душевой расход на вино превысил такой же расход по всей Империи на 20 к., а расход губерний благополучных на 34 к. Однако из этих же цифр видно, что замечаемое ежегодное возрастание потребления вина в неурожайных губерниях было несколько меньше, нежели в благополучных и во всей России...

Цитируемый Отчет отмечает в 1907 г. по сравнению с предыдущими годами возрастание душевого расхода также и на большую часть других, кроме вина, предметов потребления, обложенных акцизом, — пива, (в 1904 г. — 41 к., в 1905 г. — 47 к., в 1906 — 58 к. в 1907 г. — 60 к.), сахара (за

те же годы 1 р. 69 к., 1р.84 к., 1 р.87 к.; и 1 р.97 к.), спичек (21 к., 20 к., 23 к., 26 к.), нефти (35 к., 52 к., 46 к., 52 к.); расход на табак-махорку, достигавший в 1904 и 1906 гг. 24 к., в 1907 г. сократился на 1 к. до 23 к., что объясняется, однако, не уменьшением потребления табака, а значительным распространением среди низших классов населения, вместо махорки, дешевых сортов папирос, потребление которых ежегодно возрастает.

Весь же душевой расход населения на эти 5 предметов составил за те же 4 года 2 р. 90 к., 3 р.25 к., 3 р.38 к. и 3 р.58 к. К сожалению, тут приходится ограничиться огульными цифрами по всей Империи, и притом по календарным годам, так как помесячных данных о потреблении этих предметов по отдельным губерниям не публикуется. Однако, важно и то, что потребление их, не взирая на неурожай, постигший значительную часть Империи, в общем не только не сократилось, а напротив того значительно возросло» (Ермолов, 1909, т.1: 421-423)

Может быть, С.А. Нефедов в свете приведенной информации переосмыслит фон превращения «тлеющей революции 1905 года в крестьянскую войну»? Или это сделают читатели?

В контексте рассматриваемой проблематики представляется уместным привести следующий фрагмент из учебника Истории России, изданного МГПУ: «Представление об уровне жизни населения не может быть полным без указания цен на продукты, услуги и основные предметы потребления.

Среднегодовые цены в 1913 г. в Москве (кстати, в провинции, особенно в сельской местности и на Юге, продукты стоили дешевле, в Петербурге — чуть дороже), по данным статистических справочников, были следующими (в коп. за 1 кг):

Хлеб черный	5	Водка (1 л)	30 коп.
Хлеб белый	12	Ситец (1м)	18 коп.
Мука ржаная	6	Сукно (1 м)	2,8 руб
Мука пшеничная	7	Ботинки женские	4 руб
Картофель	2	Полуботинки мужские	3 руб
Говядина выс. сорта	50	Сапоги	7 руб.
Молоко (1 л)	8	Полушубок	15 руб
Колбаса вареная	35	Билет в Большой театр	32 коп.
Колбаса копченая	75	Билет в кино	18-20 коп
Чай (фунт)	150	Визит к врачу	20 коп
Масло растит. (1 л)	32	Плата за обучение ребенка в школе	2 руб. в мес.
Масло сливочное	70-90	Сервиз фаянсовый на 12 человек	10 руб.
Крупа гречневая	9		
Вино (1 л)	40		

Вообще жизнь реальных российских крестьян в рассматриваемый период была несколько разнообразнее и насыщеннее, чем полагает традиционная историография.

Вот мнение на этот счет А.В.Байкова, жителя деревни Конной Сычевского уезда Смоленской губернии, одного из тех крестьян, для которых Столыпинская аграрная реформа стала началом не просто новой, но **настоящей** жизни. Юрьевский пишет: «Байкову теперь 70 лет, но это бодрый человек, продолжающий трудиться на благо своего родного края. Байков уже давно нажил крупное земельное и денежное состояние, но продолжает жить попросту, по старинке...

«Лучше ли стало жить на хуторах и отрубях? — говорит А.В. Байков. — Да, лучше и много лучше, но одна беда — это праздники и связанное с ним пьянство. Праздники календарные, церковные у нас сравнительно мало почитаются, а вся беда в так называемых «престольных», местных праздниках, число которых за последнее время не только не уменьшается, но все увеличивается. На моей памяти в окрестных селениях был установлен целый ряд таких праздников. Так, например: лет 25-30 тому назад в нашей местности была чума рогатого скота. В деревне Конопатине она окончилась к 20 июля, и вот деревней установлен был по сему случаю праздник; в деревне Ашиткове чума окончилась к 8 июля — установили 3-дневный праздник; в деревне Дюкове тоже лет 30 назад был 29 июля пожар — установили праздник; в деревне Гайдуках был такой случай: на Кирика и Улиту, 15 июля, поднялся ветер и разметал копны сена — установили праздник; в деревне Лычники на преподобного Сергия 5 июля был град — установили праздник. Праздники эти — не престольные, ничего общего с храмом не имеющие. Я указал только ближайшие деревни, жизнь которых я хорошо знаю. Но подобные праздники во всей нашей местности существуют, можно сказать, в каждой деревне, а в некоторых — даже не один такой праздник. При этом нередко празднуют «Девятой пятнице», «Десятой пятнице», «Ильинской пятнице» и разным «Симонам-Гулимонам», которых и в святцах не найдешь.

Горе в том, что духовенство наше не только не борется с этим злом, а даже наоборот... В деревне Конопатине раньше праздновали «чуме» один день, причем все празднество выражалось в общественном молебствии среди деревни; но вот поступил в приход новый священник и говорит конопатинцам: «Если бы к вам приехал какой-либо важный барин, почетный гость, — неужели вы приняли бы его на улице, а не попросили бы каждый в дом свой»... И было решено: служить молебны в каждом дворе и праздник установить трехдневный. **И это в самое страдное время, когда у нас поденная плата доходит до 1 р.-1 р. 40 коп. в день!**

Во что обходятся эти праздники. В текущем году мне пришлось быть в этом самом Конопатине на пятый день праздника, и, заметив, что крестьяне еще не очухались от праздничного угара, я вздумал вместе с ними подсчитать, во что обошелся им праздник, и что же оказалось? На 36 дворов выпито водки и пива на 307 рублей, не считая чая и разных лакомства, да прогул четырех рабочих дней целой сотни рабочих с подростками при поденной цене 1-1.40 коп. должен быть определен сотнями рублей, и кроме того, в каждом дворе «гуляло» не менее 3-4 и до 10 «гостей» из других деревень. Так что один такой праздник обходится не менее 1000 рублей.

Подсчет это применим и к прочим селениям Сычевского уезда, и можно смело сказать, что в среднем каждый праздник обходится одному двору не менее 25 рублей...

А иностранцы еще говорят, что наш мужик беден! Да нехай любая наикультурнейшая страна в свете попробует при летнем периоде в 5-6 месяцев, а не в 9-10, как в Западной Европе, пускай, говорю, попробует отпраздновать 200 дней в году, да притом по преимуществу летом, — да у них и потрохов не останется...» (Юрьевский, 1914: 88-91).

Думаю, всем участникам дискуссии будет небезынтересно решить следующие, весьма уместные в контексте обсуждаемых проблем, задачи из «Сборника задач противоалкогольного содержания» (М.1914), составленные на основании вполне официальных источников: «2. Каждый житель России (на круг) пропивает ежегодно на водке 5 р. 4 к., на пиве 1 р. и на вине 68 к. Сколько всего денег он пропивает?...

50. Ежегодно каждый житель России на круг получает доходу 60 р. 48 коп., а пропивает из него 6 р. 72 к. Какую часть своего дохода пропивает ежегодно Россия?...

60. В прошлом (1913) году население России выпило (приблизительно) 2.000.100.000 бутылок водки. 13.334 бутылки, уставленные в ряд одна за другою, занимают расстояние в 1 версту. Сколько верст займут все выпитые бутылки, если их уставить таким же образом? Во сколько раз это расстояние будет больше земного экватора, длина которого равняется 37.500 верст?..

90. Каждый русский выпивает в год (на круг) по 12 бутылок водки. Если бы он вместо этого яда съедал то количество хлеба, из которого выкуриваются эти 12 бутылок, то 1) сколько ему приходилось бы ежегодно лишнего хлеба и 2) сколько бы он сберегал денег от такой замены? 1 бутылка водки выкуривается из 4 фунтов 10 лотов 2 золотников

хлеба, фунт которого стоит 3 коп. (1 бут.водки стоит 42 коп.)» (Беляев, М.М., Беляев С.М. 1914.)

Предвижу, что серьезность источниковой базы, на основании которой составлены эти задачи, может быть заслонена у читателей смеховым их компонентом. Тогда они вслед за мной могут проверить уровень корректности составителей.

Вообще реальная жизнь граждан России не умещалась в рамки натурально-хозяйственной концепции.

Чтобы еще больше прояснить для участников дискуссии уровень платежеспособности населения страны, динамику уровня жизни в России в предвоенные годы, во-первых, и, во-вторых, закончить обсуждение степени адекватности теории «голодного экспорта» реальным фактам жизни страны, приведу две таблицы.

Таблица 6. Поступление доходов по ведомству Главного Управления неокладных сборов и казенной продажи питей за 1890-1913 гг. (тыс. руб.)

Годы	Сахар- ный до- ход	Табач- ный до- ход	Нефтяной доход	Спичеч- ный доход	Питейный доход	Доход с папирос. гильз и бумаги	Всего
1890	21629	26860	10568	4720,7	268239		332016,8
1891	20857	27548	10175	4690,2	247389		310658,8
1892	27703	28325	12929	5163	268934		343054,5
1893	30340	30500	16369	6585,6	260729		344524,2
1890- 1893	25132	28308	12510	5290	261323		332563,6
1894	41230	32607	18928	7466,6	297281		397513,1
1895	47687	34545	19680	7453,2	308896		418261,2
1896	42657	35009	20818	7274	321803		427560,4
1897	55477	35288	22842	7076,3	332483		453166,2
1898	58596	37458	23470	6920	391929		518373,1
1894- 1898	49129	34982	21147	7238	330478		442974,8
1899	67510	38875	26155	6822	420947		560308,4
1900	63160	41198	25155	7368,6	434493		571375,1
1901	71757	45697	28600	7932	476007		629992,5
1902	81281	45363	29597	8162	523483		687886,4
1903	75542	49029	31962	8071	576461		741064,1
1899- 1903	71850	44032	28294	7671	486278		638125,3
1904	78817	48719	34688	7672	573278		743174,3
1905	78734	46586	29948	10818	639135		805221,6

1906	108826	59903	29863	14991	736898		950480
1907	101467	54050	36833	15871	748258		956479,5
1908	93613	56209	41656	16709	748058		956244,6
1903-1908	92291	53093	34598	13212	689125		882320
1909	107398	45362	41841	17233	759045	3533,7	974413
1910	127323	50477	46910	18465	811048	4576,9	1058799
1911	122714	66342	42488	18639	830796	4555,8	1085536
1912	127765	72594	50038	19354	873591	4416,7	1147758
1913	149161	78739	47903	20131	952810	4874,6	1253619
1909-1913	126872	62703	45836	18764	845458	4392	1104025
Рост	6,9	2,9	4,5	4,3	3,6	1,4	3,4

Источники: Ежегодник Министерства финансов на 189... год. СПб; Отчет Главного Управления неокладных сборов и казенной продажи питей за 1913 г. Пг., 1914. С.14.

Данные таблицы 6 никак не позволяют говорить о снижении жизненного уровня в конце XIX — начале XX вв. Как можно видеть, за 1890-1913 гг. сахарные акцизные сборы выросли в 6,9 раза (т.е. сахар, оставаясь не самым дешевым продуктом, перестал, тем не менее, быть предметом роскоши), табачные сборы — в 2,9 раза, в 4 с лишним раза увеличились сборы нефтяные и спичечные. В 3,6 раза вырос и питейный доход, достигший (кстати, без таможенных доходов со спиртного и стоимости импортных спиртных напитков) в 1913 г. астрономической суммы в 952,8 млн.руб., которая лишь на 16,2 млн.руб. уступала суммарному бюджету министерств военного, морского и народного просвещения в последнем предвоенном году (Ежегодник Министерства финансов на 1915 г., Пг.1915. С.36-38)

В контексте настоящей дискуссии небезынтересно, полагаю, сопоставить также размеры питейного дохода и экспорта хлеба из России в рассматриваемый период (таблица 7).

Таблица 7. Сопоставление питейного дохода и стоимости экспорта хлебов⁹ в 1893-1913 гг.

Годы	Экспорт хлебов	Вывоз семян и жмыхов	Сумма вывоза с семенами	Сумма питейный доход	Вывоз хлеба к питейному доходу	Вывоз хлеба с семенами к питейному доходу
1893	295776	38960	334736	260729	113,4	128,4
1894	381387	42649	424036	297281	128,3	142,6
1895	335897	56456	392353	308896	108,7	127,0
1896	322455	61298	383753	321803	100,2	119,3
1897	353876	58122	411998	332483	106,4	123,9

9 Хлеба: пшеница, рожь, овес, ячмень, гречиха, просо, кукуруза, горох, бобы, чечевица, фасоль, мука, крупа, прочие непоименованные хлеба, отруби.

1898	370911	42063	412974	391929	94,6	105,4
1893-1898	343384	49925	393308	318853	107,7	123,4
1899	260377	43509	303886	420947	61,9	72,2
1900	306404	53504	359908	434493	70,5	82,8
1901	345030	33417	378447	476007	72,5	79,5
1902	433002	36075	470077	523483	82,7	89,8
1903	480217	38093	518310	576461	83,3	89,9
1899-1903	365006	40920	406126	581533	62,8	69,8
1904	496679	34973	531652	573278	86,6	92,7
1905	568456	35515	603971	639135	88,9	94,5
1906	472222	46368	518590	736898	64,1	70,4
1907	430789	47966	478755	748258	57,6	64,0
1908	379849	59231	439080	748058	50,8	58,7
1904-1908	469599	44811	514410	689125	68,1	74,6
1909	749593	58691	808284	759045	61,2	106,5
1910	747705	67515	815220	811048	92,2	100,5
1911	739065	74308	813373	830796	89,0	97,9
1912	551509	81879	633388	873591	63,1	72,5
1913	593986	69690	663676	952810	62,3	69,7
1909-1913	676472	70417	746788	845458	73,2	88,3

Источники: Ежегодник Министерства финансов на 18... год; Отчет Главного Управления неокладных сборов... за 1913 г. Пг., 1914. С.14; Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе за 189... год. СПб.

Информация таблицы 7 более чем красноречива и, как мне кажется, заслуживает некоторых размышлений. Питейный доход здесь сравнивается, во-первых, с экспортом хлебов, а, во-вторых, с суммарным экспортом хлебов, а также семян и жмыхов; хотя последние, строго говоря, не относятся к *хлебам*, я хочу избежать возможных упреков в занижении показателей вывоза. Нетрудно видеть, что до 1899 г. питейный доход составлял порядка 80-95% стоимости хлебного экспорта, а после 1899 г. лишь в годы больших урожаев — 1909 и 1910 — цена вывоза слегка превысила цену выпитого алкоголя.

Если эта ситуация называется «голодным экспортом», тогда С.И. Ожегов, видимо, составил свой «Словарь» не совсем корректно.

Я не намерен вторгаться в сферу психологии, обсуждать самый сложный феномен удовлетворения человеческих потребностей, я не собираюсь, условно говоря, никого ни извинять, ни обвинять и тем более ставить «диагноз».

Я просто хочу указать на столь явное противоречие между привычными народническо-марксистскими рассуждениями о «голодном экспорте» и других столь же достоверных приметах дореволюционной России (с такой готовностью повторяемыми Нефедовым и его единомышленниками), и реалиями ее жизни, которые не готовы укладываться в рамки теорий, трактуемых предвзято, в том числе и структурно-демографической теории.

Из сказанного **никоим** образом не следует, что в конце XIX — начале XX вв. Империя была, условно говоря, территорией «всеобщего благоденствия» — таких не бывает в принципе. Однако я вполне разделяю мысль Б.Н. Миронова, высказанную в рамках настоящей дискуссии. Он считает нужным подчеркнуть, «во избежание недоразумений и неверных толкований», что сделанный им «вывод о систематическом повышении уровня жизни населения в XIX – начале XX в.» не означает, что «широкие массы российского населения, прежде всего крестьянство, в пореформенное время благоденствовали или даже жили зажиточно. Они жили по-прежнему небогато, как, впрочем, и большинство населения других европейских стран, уступая лишь наиболее развитым из них. Но *уровень их жизни, несмотря на циклические колебания, имел позитивную тенденцию — медленно, но верно увеличиваться*».

И последнее. Не могу не высказать своего мнения по следующему, полагаю, принципиально важному вопросу.

Нефедову никогда не приходило в голову, что одни и те же слова с течением времени могут обретать иной смысл, менять семантику? Что, в частности, представления людей конца XIX — начала XX вв. о голоде и сопряженных с ними бедствиях народа весьма отличаются от наших современных, воспитанных на **историческом опыте советской эпохи**?

Этот опыт, напомним, включает голодовки времен Гражданской войны, голод 1921 г., унесший свыше 5 миллионов жизней, голод 1932-1933, во время которого погибло от 7 до 10 миллионов человек, голод 1946-1947 гг., стоивший жизни примерно миллиону наших сограждан. О многих и долгих годах *полуголодного* существования и говорить не приходится.

Полагаю, необходимо иметь представление о мере вещей, в истории особенно.

Правительство дореволюционной России отпускало сотни миллионов рублей на продовольственную помощь, в то время как они могли быть потрачены на многое другое, что было куда полезнее социального иждивенчества — на оборону, например, на открытие столь нужных

стране военных училищ, на всеобщее начальное образование, на новые железные дороги, да мало ли на что!

А подходы Советской власти, добившейся уровня «социальной стабильности» в 25 пудов на душу (какой ценой, надо напоминать?) к рассматриваемой проблематике наглядно характеризует то, что в 1932-1933 гг., когда распухшие от голода люди стали привычной частью привокзальных пейзажей, через порты и таможни на экспорт шел поток продовольствия. И после Великой Отечественной войны «Советское правительство продемонстрировало Западу, что СССР способен сам оказывать помощь тем, кто в ней нуждается. В ответ на просьбы со стороны Болгарии, Румынии, Польши, в Чехословакии в эти и другие страны в 1946-1947 гг. из Советского Союза было отправлено 2,5 млн. т зерна. **Иначе говоря, руководство страны сознательно пошло на голод, сохранив, а осенью 1947 г. на 80-90% пополнив, запасы зерна.** Таким же методом производились накопления других продуктов питания и промтоваров к предстоящим 16 декабря 1947 г. отмене карточной системы и денежной реформе» (Зима, 1995: 150-152).

Вот это и есть самый настоящий голодный экспорт — без кавычек и без подмены понятий!

Неужто С.А.Нефедову это не известно?

И после этого он может писать то, что пишет?

P.S. Обсуждение показало, что, как ни странно, построения Нефедова во многом поддерживаются его участниками. Н.С. Розов упомянул даже о том, что «большая макроисторическая правда... явно на его (Нефедова) стороне».

Убежден, что это не так. Тезис Нефедова о России как о государстве, в котором население бедствует, постоянно недоедая и часто голодая, государстве, «приговоренном» к революции, не выдерживает критики.

Сто лет назад Россия, как представляется, была весьма динамично развивающейся страной с гигантским потенциалом, который только начал по-настоящему реализовываться, в очень большой степени благодаря реформам С.Ю. Витте и П.А. Столыпина.

Обсуждаемые процессы сами по себе столь масштабны, что тот или иной вектор их развития непременно должен находить — и находит! — подтверждение в самых разных источниках. О векторе социально-экономического развития России в рассматриваемый период позволяют, в частности, судить следующие данные о железнодорожной транспортировке ряда важных народнохозяйственных и потребительских товаров, содержащиеся в «Сводной статистике перевозок по русским железным дорогам».

Для каждого товара были вычислены средние ежегодные приросты перевозки ряда товаров, полученные при построении линейных трендов динамических рядов, полученных на основании источника.

Так, с 1890 г. до 1913 г. железнодорожные перевозки мануфактуры выросли с 24,2 до 53,3 м.п., т.е. в 2,2 раза; тренд равен 1125 т.п.

За 1893-1913 гг. транспортировка железа, чугуна и стали не в деле увеличилась с 56 до 291 м.п., или в 5,2 раза, тренд составил 9760 т.п.;

- железных, чугунных и стальных изделий — с 38 до 145 м.п., или в 3,8 раза, тренд равен 3914 т.п.;
- цемента — с 10,9 до 103, 1 м.п., т.е. в 9,4 раза, тренд составил 3307 т.п.;
- сахарных грузов (песка, рафинада, меласса и патоки) увеличилась с 46 до 137 м.п., или в 3,0 раза, тренд равняется 4513 т.п.;
- земледельческих машин и орудий, кроме деревянных, с 4,6 до 34,5 м.п., т.е. в 7,5 раз, тренд равен 1394 т.п.;
- мяса, битой птицы и дичи — с 6,6 до 20,6 м.п., или в 3,1 раза, тренд составил 682 т.п.;
- рыбных грузов — с 27,1 до 67,4 м.п., т.е. в 2,5 раза, тренд равняется 1938 т.п.;
- свежих овощей — с 36 до 244 м.п., или в 6,8 раз, тренд составил 10160 т.п.;
- пива — с 5,6 до 35,3 м.п., т.е. в 6,3 раз, тренд равен 1355 т.п.;
- яиц и желтков яичных — с 4 до 17,2 м.п., или в 4,3 раза, тренд составил 578 т.п.;
- вин виноградных — с 6,3 до 11,7 м.п., т.е. в 1,9 раза, тренд равен 282 т.п.;
- табака — с 6 до 17,5 м.п., или в 2,9 раза, тренд составил 491 т.п.;
- спичек — с 2,1 до 6,8 м.п., т.е. в 3,2 раза, тренд равен 244 т.п.;
- льна и пакли — с 14,3 до 24,6 м.п., или в 1,7 раза, тренд составил 564 т.п.

За 1894-1913 гг. перевозки чая по железным дорогам выросли с 3,6 до 10,9 м.п., или в 3,0 раза, тренд равен 361 т.п.;

- водки и крепких напитков с 5,4 до 10,6 млн. пуд., т.е. в 2,0 раза, тренд составил 172 т.п.;
- фруктов, плодов и ягод свежих — с 5,7 до 25,4 м.п., или в 4,5 раза, тренд равен 1137 т.п.;

- фруктов сушеных — с 5,7 до 29,8 м.п., т.е. в 5,2 раза, тренд составил 962 т.п.;
- мыла, кроме туалетного, с 2,1 до 6,8 м.п., или в 3,2 раза, а тренд равен 117 т.п. (Давыдов, 2008: 80-82).

Эти данные — лишь некоторые и притом самые общие характеристики динамично развивающейся громадной страны, какой была Россия в конце XIX — начале XX вв., но и они позволяют уверенно говорить о том, в каком направлении она двигалась, во многом благодаря реформам С.Ю. Витте и П.А. Столыпина. Они, полагаем, убедительно демонстрируют потенциальную емкость рынка и материальных возможностей населения страны, свидетельствуя о том, что многие его потребности еще только начинали раскрываться и удовлетворяться.

В ходе дискуссии практически не затрагивалась Столыпинская аграрная реформа. А она многое объясняет в обсуждаемых сюжетах.

Я отношусь к числу тех историков, которые считают, что трагических событий начала XX в. можно было избежать. Потенциал Великих реформ в большой степени был исчерпан, притом будучи использован далеко не полностью. Лишь в эпоху Александра III началась масштабная индустриализация. При этом на фоне пресловутого роста экспорта хлеба из России к концу XIX в. в сельском хозяйстве ряда регионов страны нарастали кризисные явления. Их концентрированным выражением стали участвовавшие неурожайные годы и голод 1891 г. Это был своего рода суммарный индекс, который говорил о неэффективности той модели развития народного хозяйства, которая установилась после 1861 г., и о том, что его пореформенная эволюция заводит и отчасти уже завела сельское хозяйство в тупик.

Вместе с тем в более широком масштабе это был кризис системы, которая была основана на господстве правительственного патернализма, на консервации тяглового строя, что выражалось в числе прочего в искусственном сохранении и поддержании общинных отношений в деревне, на том, что Власть игнорировала (на деле — боялась!) давно назревшую необходимость просвещения миллионов крестьян, просвещения в том числе и агрономического.

Кризис этот, однако, в огромной степени был, как справедливо считает Б.Н. Митронов, вызван именно **«недостатком у двух последних императоров и общественности терпимости, мудрости и дальновидности»**, т.е. тех самых качеств, которые, по мнению некоторых участников дискуссии «врод ли что-либо объясняют» в причинах русских революций. Однако, цитируя В.Б. Шкловского, это факт их (участников) биографии.

Само неприятие данной мысли Миронова (и, конечно, не только его одного), впрочем, весьма симптоматично. Не потому ли, что речь идет о феноменах, которые в пудах и калориях не измерить?

Между тем, профессионалу совершенно понятно, что Миронов подразумевает, в числе прочего, глобальное непонимание высшими носителями Власти, а также частью умеющих читать подданных этой Власти особенностей меняющегося мира, в котором они жили.

Следствием этого была, во-первых, намеренная ревизия не только духа, но и буквы Великих реформ, искусственная поддержка из идеологических соображений уравнилельно- переделной общины со всеми вытекающими последствиями. Во-вторых, авантюрная внешняя политика Николая II, прежде всего — «несчастливая война» (С.Ю. Витте) с Японией, вызванная стремлением царя самоутвердиться, спровоцировавшая революцию 1905 г.; вопрос о франко-русском союзе и Антанте оставляю в стороне ввиду специфики дискуссии. В-третьих, агрессивная русификация, не вызывавшаяся объективным положением дел в Империи, которая выбросила за борт все то полезное, что делали императоры России от Петра I до Александра II в плане консолидации многомиллионного населения многонациональной страны. В результате Власть превратила национальный вопрос в один из острейших, притом, что Европа, в том числе и соседи-конкуренты (Австро-Венгрия, Германия) демонстрировали куда более взвешенные подходы к этим проблемам. Напомню, кстати, что и Александр III, и его сын были воспитаны правыми славянофилами. В-четвертых, идущая из крепостнической эпохи боязнь просвещения. Россия была единственной из великих держав, не имевших всеобщего начального образования. Прошу поверить, что есть и «в-пятых», и «в-десятих»; при этом Миронов, возможно, предложит несколько иную иерархию.

Едва ли не главный порок модернизации 1860-х — создание для десятков миллионов крестьян своего рода особой действительности, особого мира, не в смысле общины, а в смысле реальности («планеты», «материка» и т.п.) Подавляющее большинство населения страны жило отдельной жизнью и до 1861 г. — в смысле бытовом, юридическом, экономическом, культурном и, естественно, психологически было иным, нежели образованное меньшинство. Но и после освобождения масса крестьян не слишком сблизилась с ним. Более того, указанная «отдельность» получила новый импульс, поскольку правительство искусственно консервировало общинный уклад и архаичное сознание крестьянства — при полной поддержке «передовой» русской интеллигенции¹⁰.

10 Под интеллигенцией я, как это и считалось сто лет назад, подразумеваю политически активную и/или политизированную часть образованного класса России.

В результате совместных, хотя и не скоординированных, усилий людей, умеющих читать, крестьянская уравнилельно-передельная община стала фокусом большинства проблем пореформенной жизни страны, одновременно превратившись в главное препятствие на пути ее поступательного развития.

Для социалистов община, будучи «эмбрионом» нового социального строя имела «великое социальное значение» и т.п. А российскому народу, об этом не подозревавшему, они отводили роль объекта в громадном социалистическом эксперименте.

Для охранителей община была оплотом существующего строя и одновременно удобным органом *административной* власти, и с этим, в частности, во многом связано усиление патерналистских тенденций с 1880-х гг. Естественно, такой типичный «полицейский пастух», как министр внутренних дел гр.Д.Толстой, в целом не был близок к народническому социализму. Но социализм — явление поливариантное. В литературе пока недостаточно освещен вопрос о том, что социализм был некоторым образом привлекателен и для тогдашней бюрократии, поскольку открывал для нее принципиально новые возможности усиления своей роли в стране. Писал же С.Ю.Витте о том, что «община сделалась излюбленным объектом Министерства внутренних дел по полицейским соображениям, прикрываемым литературою славянофилов и социалистов» (Витте, 2002, т.2: 42).

Добавлю, что за общину ратовали и те, кто считался умеренными либералами и выступал за «правовой порядок» — но только для себя, не для крестьян!

Литература в основном ограничивается лишь констатацией указанного «странного сближения».

Между тем сближение было совсем не странным.

С тем, что в учебниках именуется контрреформами в аграрной сфере, были вполне солидарны левые силы. Так или иначе, но Власть провела почти все меры по поддержанию общинного строя, т.е. расшатавшихся крепостных порядков, о которых много лет твердила народническая — и не только! — интеллигенция: отмену 165 ст. Положения, удлинение срока выкупа, ограничение семейных разделов, ограничение свободы передвижения крестьян и др. Эти меры принудительного, крепостного, в сущности, порядка тормозили естественный процесс перехода русской деревни к новой жизни.

Между взглядами народников и, скажем, Плеве, считавшего, что «имеется полное основание надеяться, что Россия будет избавлена от гнета капитала и буржуазии и борьбы сословий» (Вронский, 1999: 44),

сущностное различие, полагаю, было не слишком большим. Все они хотели блага России, (впрочем, это не вполне точно — охранители хотя бы думали о стране, как они это понимали, а социалисты о ней не думали вовсе). Они по-разному видели не столько это благо (все рецепты основывались на **принуждении** крестьян, на том, чтобы, цитируя С.Ю. Витте, держать их в «стаде»), сколько меру **своего** участия в создании этого блага.

Если отвлечься от риторики и левых, и правых, и «либералов», то в основе их действий, как представляется, лежало тривиальное стремление так или иначе **управлять** 100 миллионами крестьян. Только первые требовали, чтобы в роли управляющего выступала «передовая» «народолюбивая интеллигенция», вторые — правительство, а третьи — земство¹¹. И здесь без общины им всем было не обойтись.

Одним из итогов такой политики было то, что Россия вступила в XX век, имея народ, во многом живущий представлениями века XVII-го (и это, забегая вперед, естественно, **многообразно** и со всей силой сказалось и во время революций, и в годы Первой Мировой и гражданской войн). Данная ситуация едва ли была терпима для страны, претендовавшей на первые роли в мировой политике.

Власти нужно было испугаться всерьез, для чего понадобились несчастная японская война¹² и спровоцированная ею революция, поставившие Россию на грань катастрофы, чтобы, наконец, уйти от нелепых представлений о своей стране и своем народе и начать осознавать, **что** она делала после 1861 г., какую на самом деле политику она проводила, чтобы, наконец, прислушаться к голосу здравого смысла.

И тогда пришло время П.А. Столыпина.

Масштабы кризиса 1905-1906 гг. требовали адекватного ответа, которым могла быть только программа комплексных системных реформ, предполагавшая значительное, иногда радикальное изменение вектора развития страны. Она была изложена П.А. Столыпиным в его знаменитой речи при открытии II Государственной Думы 6 марта 1907 г.

Это была широчайшая программа системных либеральных реформ, которые касались практически всех сторон жизни страны. По объему и значимости они едва ли не превосходили Великие реформы и совершен-

11 К явно надуманной проблеме «перепроизводства элиты» (Турчин) это не имеет ни малейшего отношения. В России было как раз явное недопроизводство элиты!

12 Эта абсолютно ненужная России война — весьма важное свидетельство того, как «недостаток мудрости и дальновидности» последнего императора **прямо** влияет на 140 миллионов его подданных. Но как может страна, условно говоря, повзрослеть, если ей управляют инфантильные догматики, а главный из них — сам император? Это — случайность или закономерность?

но точно являлись их логическим и историческим завершением. Они должны были в конечном счете разорвать вековую патерналистскую традицию российской истории и российской жизни.

Программа преобразований включала законопроекты, обеспечивающие терпимость и свободу совести, в то же время постепенно устраняющие все правоограничения, связанные с вероисповеданием (в том числе и для евреев).

Следующие законопроекты были связаны с неприкосновенностью личности, с новой судебной реформой, с реформой в области самоуправления (в числе прочего, и с созданием волостного бессловного земства), с соответствующим расширением компетенции земств вообще, с сокращением сферы административного надзора и т.д. В Польше и Финляндии должно было быть введено самоуправление. Административная реформа предусматривала объединение всей гражданской администрации и, прежде всего, создание административных судов, которое считались одним из наиболее важных предстоящих мероприятий.

В сфере трудового законодательства планировалось введение различных видов страхования рабочих и узаконивание экономических забастовок. Наконец, Столыпин предлагал целый ряд мероприятий для развития народного просвещения. Планировались меры по дальнейшему подъему экономики, большую часть которых мы бы назвали приватизацией, и др. Здесь же он говорил о программе аграрных преобразований, уже начавшихся к тому времени.

В целом, даже столь бегло перечисленные, эти меры составляют одну из наиболее четких и эффективных программ системных реформ за века русской истории, реформ продуманных, реформ реальных, т.е. тех, которые могли бы быть реализованы при жизни одного поколения. Пресловутые «20 лет покоя» из интервью газете «Волга» — фигура речи, превращенная в символ, но этот срок представляется вполне реальным.

Столыпин определял связь между всеми этими законопроектами следующим образом: «В основу их положена одна общая руководящая мысль, которую правительство будет проводить во всей последующей деятельности. Мысль эта — создать те материальные нормы, в которых должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени. **Преобразованное по воле монарха Отечество наше должно превратиться в государство правовое**» (Столыпин, 1991: 51).

Таковы были задачи, решение которых должно было превратить страну в «Великую Россию» — и не в расхожем пропагандистском смысле (С.Ю.Витте любил поиздеваться над тем, что «мы все кричим», как

«нас много и сколько у нас земли»), а **по сути, по существу, естественной силой вещей**, как сказали бы во времена Н.М. Карамзина.

Программа эта была, конечно, западнической.

Центральным ее компонентом должна быть статья аграрная реформа.

Если бы она проводилась до 1905 г., как о том мечтали С.Ю. Витте, А.С. Ермолов, П.А. Столыпин, В.И. Гурко, П.П. Дюшен и их единомышленники, тогда она была бы прежде всего хозяйственной. Реформа должна была покончить с «прелестями» общинного и особенно уравнительного землепользования. Она должна была поднять благосостояние крестьян за счет изменения экономического строя их хозяйства, сделав их собственниками своей земли и предоставив им возможность трудиться на ней свободно, избавив их от гнета общины, от принудительного севооборота и переделов земли.

Ведь крестьяне-собственники были нужны стране не потому, что помещики и правительство нуждаются в союзниках-хуторянах для борьбы с беднотой, а потому, что, как показал опыт мировой истории, крестьяне-собственники лучше работают и богаче живут, от чего никакому государству как минимум никогда не было хуже.

Однако 1905-1906 гг. внесли в жизнь страны очень серьезные коррективы. В конкретных условиях России осени 1906 г., разумеется, актуальнейшим вопросом было успокоение деревни. И поэтому цель Столыпинской аграрной реформы была двуединой — экономической и политической.

По масштабам и громадности последствий Столыпинская аграрная реформа далеко выходила за рамки сугубо сельскохозяйственной сферы, так или иначе затрагивая важнейшие стороны жизни как минимум 75% населения страны, воздействуя тем самым не только на экономическую составляющую модернизации, но также на психологическую, культурную, социально-юридическую и др.

Другими словами, реформа основывалась на том, что впервые в русской истории 100 с лишним миллионов крестьян, признанных за «персон» (С.Ю. Витте), т.е. уравниваемых в правах с остальным населением, в том числе и в отношении права собственности на землю, должны были, наконец, **сами** решать, **как** им жить, не считаясь с тем, что думают на этот счет незнакомые им люди в Петербурге, Москве и других населенных пунктах. Это означало, в числе прочего, что крестьяне, в зависимости от своего желания, могли стать собственниками своих наделов.

И уже поэтому ясно, что реформы Столыпина были **неприемлемы** для очень широкого круга тех современников, конечной целью которых было управление народом, какой бы демагогией это не камуфлирова-

лось, для всех защитников общины (их круг мы теперь представляем) и даже для таких ее противников (на словах), как марксисты, ибо успех преобразований лишил их деятельность, а иногда и жизнь, смысла.

Успех реформы был оглушительным, безусловным и притом быстрым. Такое происходит, когда преобразования соответствуют надеждам, желаниям значительной (а в данном случае — большей) части населения страны, его давним, созревшим стремлениям и др. Помимо понятной растерянности он породил столь же понятную злобу бессилия. Отсюда стремление (иногда совершенно рефлекторного уровня!) затушевать достижения П.А. Столыпина бесконечными разговорами о насилии, о «выбитых на хутора» крестьянах, о подкупе их Властью и т.п. Отсюда тот шквал оголтелой критики (это самое мягкое из корректных определений) с вполне предсказуемой степенью объективности, который обрушился на реформу и самого П.А. Столыпина. Отсюда и ленинская демагогия о провале реформы, ставшая догматом в советской историографии.

Теоретик реформы, знаменитый К.-А. Кофод, по этому поводу заметил: «То, что партийные политики ставят партийные соображения выше всеобщего блага, не представляется, конечно, явлением специфически русским, наоборот. Но вряд ли где-нибудь еще такая партийная политика ведется с такими крайностями, как она велась в России, где оппозиция принципиально была против каждого пункта правительственной программы, каким бы полезным этот пункт не был» (Кофод, 1997, 192-193).

Масштабы столыпинского землеустройства можно представить по следующим двум показателям. Во-первых, за 1907-1915 гг. изменить условия землепользования пожелало почти 6,2 млн домохозяев. Это более половины всех крестьянских дворов России или, по мнению историка В.Г. Тюкавкина, 67% общинных хозяйств страны (Тюкавкин, 2001: 197-205; Давыдов 2003: 240-300; Давыдов, 2007а; Давыдов, 2007б). Во-вторых, согласно официальным данным, на 1 января 1916 г. были закончены подготовкой 87 855 землеустроительных дел по 105 104 земельным единицам для 3,8 млн домохозяев на площади в 34,3 млн десятин. (Отчетные сведения 1916) Таким образом, общая площадь, охваченная землеустройством, составила без малого 375 тыс. км² и, таким образом, практически равна территории современных нам Великобритании и Греции, или же Италии и Ирландии вместе взятых. И это без учета 10 млн. десятин, перешедших к крестьянам посредством Крестьянского банка, и без землеустройства Сибири, которое превысило 22 млн. десятин. То есть, темпы землеустройства были колоссальными, невиданными.

«Механизм» реформы оказался весьма эффективным. Принципиально важно отметить, что к 1911 г. он был уже настолько отлажен, а реформа набрала такое движение, такой размах, что с *внешней* стороны гибель П.А. Столыпина не отразилась на ходе преобразований. Иногда поклонники традиционных подходов уверены даже, что убийство П.А. якобы доказывает «крах» реформы, — этот абсурдный взгляд приобрел бы даже некоторую комичность, если бы речь не шла о сюжетах, совсем несмешных.

Период 1907-1915 гг. делится нормативными юридическими документами на два этапа — 1907-1911 гг. и 1912-1915 гг. В первом из них было подано 2,6 млн ходатайств, во втором — 3,5 млн ходатайств, т.е. на 34,5% больше (Отчетные сведения 1916)

Это само по себе показывает цену одного из вечных причитаний советской историографии о том, что реформа с 1911 г. шла на убыль. Термин «провал реформы» даже и обсуждать как-то стыдно. Анализ губернской динамики дает обширный интересный материал для выводов, которые, конечно, далеко не совпадают с тем, что хотелось бы видеть традиционной историография. В частности, выясняется несостоятельность излюбленного тезиса последней о том, что великорусские крестьяне, особенно в Нечерноземье, были очень привязаны к общине.

Вместе с тем и рост крестьянского землепользования, и проведение землеустройства, и упорядочение аграрного строя создавали только основу для подъема российского сельского хозяйства. А он был невозможен без ряда других предпосылок, в том числе материального и духовного капитала.

Правительственных ссуд явно не хватало, и только на основе кооперации можно было обеспечить крестьянское население кредитами. Власть это понимала. Но, как всегда, боясь ослабить свое влияние, опасаясь всякой организации, демократии, она занимало двойственную позицию по отношению к кооперации. Т.е., с одной стороны, правительство считало необходимым не только поддерживать ее, но и активно развивать, а с другой стороны, стремилось ее удерживать под своей опекой, ставя препятствия к ее внутренней консолидации.

Рост кооперации (и не только ее) в России после 1905 г. для Европы был беспрецедентным, хотя это, конечно, был «рост с нуля». К 1 января 1914 г. число учреждений мелкого кредита превысило 13 тыс., а численность членов в них — 10 млн. Подавляющая часть этих учреждений были сельскими.

На 1 января 1912 г. суммы местных вкладов и займов (не считая правительственных средств) в ссудосберегательных и в кредитных товари-

ществах составили 242 млн.руб., на 1 января 1913 г. — 308 млн. (рост свыше 20%), на 1 января 1914 г. — уже 423 млн.руб., т.е. рост свыше 30%. О масштабе этих показателей можно судить по уже приведенным в настоящей статье данным. (Бруцкус, 1922: 95-99)

Духовный капитал — это агрономическая помощь. С точки зрения истории России, любой из сюжетов, которых я здесь бегло касаюсь, — это целый «континент», об этом нужно писать и писать, потому что мы знаем об этом, на самом деле, еще очень мало (почему — понятно, надо было описывать истинные бедствия российской деревни и придумывать мнимые!).

Это относится и к такой капитальной важности проблеме, как агрономическая помощь. Можно сколько угодно упрекать русское крестьянство и крестьянство других стран за косность, консерватизм и пр. Упрек этот неисторичен, потому что для крестьян соблюдение традиций — это гарантия выживания. В лучшем ли режиме, в худшем режиме — так жили предки, и так они могут сохранить себя дальше.

Но рано или поздно правительство должно осознать, что пора «переводить» сельское хозяйство на новый уровень развития. Не сомневаюсь, что участникам дискуссии известно, что в Средние века и в Новое время голодовки — это обычный спутник сельского хозяйства стран Западной Европы (даже в середине XIX в. в Ирландии в результате болезни картофеля от голода умер 1 млн. человек. В других европейских странах этого уже не было). Но, начиная с определенного момента, сельское хозяйство Запада резко интенсифицируется. И бывают, естественно, годы с большими или меньшими урожаями, но голодовок не бывает. Голодовка — это функция от низкого уровня агрикультуры в стране.

Однако переходом к интенсификации сельского хозяйства должны заниматься государство и общество, если они до этого дозрели. Во Франции, Бельгии, Германии, даже тогдашней Италии, не говоря о США, сельскохозяйственное просвещение населения брало на себя государство. Это целая отдельная тема.

А в России ничего похожего не было. Власть, как говорилось, боялась любого образования. Агрономия выпадала и из сферы внимания подавляющего большинства земств. При этом, конечно, были выдающиеся в этом смысле земства, прежде всего, земства новороссийских и малороссийских губерний (Херсонское, Екатеринославское, Харьковское, Полтавское, несколько других. А вот земства центрально-черноземных губерний, нечерноземных губерний за небольшими исключениями уделяли сельскому хозяйству мало внимания. И только с началом столыпинской аграрной реформы, когда ГУЗИЗ пообещал земствам кредиты

на развитие агрономической помощи, история агрономического просвещения России вошла в новую стадию.

Чтобы минимизировать изложение, приведу несколько цифр, впрочем, еще не окончательных. С 1907 по 1912 гг. число правительственных агрономов, агрономов при землеустроительных комиссиях, выросло со 141 до 1400, земских — с примерно 600 до 3300.

Деятельность последних падала на более подготовленную почву, потому что в стране к началу Мировой войны было примерно 3,5 тыс. сельскохозяйственных обществ, причем, как правило, обществ малого района, которые охватывали одну или несколько деревень, могли охватывать волость и т.д.

Развивалось и внешкольное сельскохозяйственное образование. В 1905 г. на сельскохозяйственных курсах было 2 тыс. слушателей, а в 1912 г. — 58 тыс. Множество источников говорит о том, что в массе курсисты (так это тогда называлось), возвращаясь домой, становились учителями для односельчан. На эту тему можно очень много говорить, бездна свидетельств этого рода. В 1905 г. на сельскохозяйственных чтениях, которые проводили агрономы, присутствовало 32 тыс. слушателей. 1905 г., может быть, не самый удачный год в плане начала отсчета статистики (крестьяне другим были заняты), но, тем не менее, в 1912 г. (мы не знаем пока цифр за 1913 г.) — это 1 (один!) млн. слушателей. ((Бруцкус, 1922, 98-99; Давыдов, 2003, 448-563)

Столыпинская аграрная реформа стала началом агротехнологической революции в России. Достаточно посмотреть на динамику перевозок сельскохозяйственных машин в России. В 1901 г. железнодорожные перевозки сельхозмашин составили 8,8 млн пудов, в 1902 г. — 10,7 млн, в 1909 г. — 21,5 млн, а в 1913 г. — 34,5 млн пудов. За немногие годы Столыпинской реформы в этом смысле произошли очень серьезные сдвиги, которые были только Началом (Давыдов, 2003, 301-448). И хотя само по себе применение сельхозтехники не во всех случаях является индексом подъема агрикультуры, но в данном случае как раз речь идет именно о начале качественно иной стадии в жизни русской деревни (и я могу это легко показать и доказать). Схожа динамика (даже в количественном отношении) перевозок сельскохозяйственных удобрений, хотя здесь ситуация несколько иная. Все-таки удобрения в российской деревне к началу Мировой войны не стали еще повсеместным явлением.

Приведенные цифры рисуют вполне определенные перспективы реформы и, соответственно, страны, хотя это и типичный «рост с нуля».

Но цифрами, говорил академик Б.В. Раушенбах, можно измерить то, что поддается измерению.

А как измерить масштаб перемен, который начал происходить в душе многих тысяч крестьян по отношению к окружающему миру, в том числе к основе своего существования — сельскому хозяйству? А эти перемены вполне определенно начались.

Приведу лишь одно мнение (из множества подобных) на этот счет. Оно принадлежит русскому крестьянскому писателю-самородку С.Т. Семенову, который внимательно следил за новыми явлениями в жизни деревни. В частности, он так описывал перемены, происшедшие в хозяйстве живших по соседству, в том же Волоколамском уезде Московской губернии, крестьян: «После того, как я первый раз был на С—ких хуторах, прошло три года. Мне снова понадобилось поехать в С. Дело было в июне. Весна была ранняя. Снег согнало еще в марте. Но в апреле и мае наступили холода и засуха. Плохо шла рожь. Яровые только что всходили, и всходы были пестрые, с большими плешинами, и шли они туго. Трава была заметна в низине да кустах. Общинный скот в попутных деревнях перешел уже на пар, где совсем нечего было взять. Лошади рвались в хлеб и клевер, коровы, возвратившись домой, ели подстилку и мало давали молока. Мужики тужили и боялись недорода. Уже начали распродавать скот, цены на который, по сравнению с внешними ценами, упали довольно значительно.

И только я миновал знакомый лесок и выехал на обрытую канавами дорогу среди отрубов, как передо мною раскрылась совсем новая картина. Как будто здесь был другой климат. Рожь на отрубных участках стояла стеной и напоминала старые годы. Особенно поражал первый участок, где край десятины, засеянный рожью, сбегал в низину. А в низинах-то рожь в этот год и пропала. Здесь же она была такою, как у нас говорят, «хоть борону подставляй». Веселее, чем везде, глядели клевера, дружной всходили овсы и льны. Покосные участки в низинах были разделаны и засеяны овсом с викой, в которые, вероятно, были пущены многолетние травы. Был уже кое-где вывезен и запахан навоз. В особо отведенных углах ходили привязанными лошади, паслись коровы. Их пастбище было куда лучше деревенских пастбищ, и сам скот имел сытый и спокойный вид. И построек на отрубях уже было больше. Росли сараи и риги. Около последних лежали ометы соломы. Вдали, направо, красовалось обширное жилое помещение, около которого паслось 6 штук крупного скота. Особенно хороши участки были ближе к селу. Почти весь хлеб был так хорош, что обещал незаурядный урожай.

Невольно меня потянуло на хутора, навестить моих старых знакомых... Побывши с час в селе, где я, между прочим, узнал, что открытое тогда кредитное и молочное товарищество действует отлично, — для с—цев прошедшей зимой устраивались курсы по молочному делу, где слу-

шатели не только слушали лекции, но и участвовали в практических работах по новым способам ухода за скотом и молоком,—и что заречная слобода С., оставшаяся при первом выделе при общинном пользовании и перешедшая на широкие полосы, нарушает прежнее владение и переходит на отруб...

Есть у нас хутора и кроме с—ких. Особенно много их под уездным городом. Бывал я и на этих хуторах. И в большинстве случаев, у всех новых хозяев на первых же порах замечал одно обстоятельство, это быструю освоенность с более культурными приемами хозяйствования. Почти всем хуторянам достаются запольные, заброшенные, тощие земли. И все-таки на этих землях урожайность идет лучше, чем на деревенских полях. Вся площадь дружно разрабатывается. Корчуются пни, осушаются и распахиваются болота, проводятся канавы, везде вводится осенняя вспашка, более правильный сев и более правильная вывозка и запашка навоза. У многих стремление развести садик, завести пчелок. Есть хозяева, которые отвели под сады довольно большую площадь своей земли и засаживали их по указанно и под руководством агронома.

И где я ни бывал, нигде не наблюдалось ни грусти, ни тоски, не слышалось ни жалоб, ни сожаления о переходе, хотя иногда положение было очень трудное. Всех наполняла удивительная бодрость.

Почему у новых хозяев такая бодрость,—мне намекнул один хуторянин.—Мы,— говорит он,—как новожены, с земелькой-то законным браком повенчались. В деревне-то она была гулящая девка, а теперь она твоя законная жена на век вечный. Худа ли она, хороша, а никто уж, кроме тебя, к ней не полезет...

Во всей жизни деревни и у нас можно найти отрицательные стороны. Шло и разрасталось пьянство, получившее в последнее время перед запрещением полную свободу для своего развития. Все более и более исчезает старинное понятие о нравственности. Молодежь может вести себя не так скромно, как в былые времена. Но на фоне этой темной декорации ярко выделяются явления несомненного сознательного отношения ко многому, что я и отмечаю в своих наблюдениях. Все описанные мною проявления крестьянского хозяйственного творчества не выискивались мной, а все это само шло на меня. И я наивозможно беспристрастно сообщаю их читателям. Такое течение в крестьянской трудовой жизни мне лично очень уверенно свидетельствует, что мы живем перед началом гораздо лучшего будущего. И, кто знает, может быть, это будущее откроет перед нами такие перспективы, при одном представлении которых забудется и не совсем хорошее настоящее и печальной памяти прошлое» (Семенов, 1915: 57-58, 62, 69-70).

Модернизация П.А. Столыпина, которая продолжалась и после его гибели, открывала перед Россией совершенно новые перспективы, и на этом пути страна не знала бы ни ГУЛАГа, ни «Большого скачка», ни «Большого террора»...

Революция 1917 г., на мой взгляд, трагическая случайность.

Здесь, после всего сказанного, уместно, видимо, вспомнить комментарий Н.С. Розова от 16 ноября, в котором он упрекает Б.Н. Миронова за якобы «нежелание дать свое объяснение глубочайшего кризиса 1905... и катастрофы 1917-1918 гг.» и т.д. Прочитав мой текст, он, видимо, вновь задаст вопрос в том смысле, что если все было благополучно, почему же произошла революция и укоризненно повторит: «Неужели опять все сваливается на неудачи в войнах?».

Во-первых, ни один историк в здравом уме никогда не скажет, что *все* где-либо или когда-либо находилось в порядке или, напротив, беспорядке. «*Все* подробности» — это из стилистически не слишком образованного современного телевидения. Мы же ведем речь совсем о другом.

Во-вторых, задам встречный вопрос — а три соседние с Российской империи — Германская, Австро-Венгерская и Османская в 1918 году тоже рухнули от недоедания? Или были, возможно, какие-то другие причины?

Может быть, революция 4 сентября 1870 г. (а затем и Парижская коммуна) возникла от перебоев в снабжении, а не после поражения при Седане, когда во время капитуляции французские солдаты ломали свои сабли и кричали об измене? Или Розов полагает, что на фоне, предположим, известий о победах в Маньчжурии, о разгроме японцев при Порт-Артуре и пр. к Зимнему дворцу 9 января 1905 г. двинулись бы люди, чем-то недовольные, чего-то требующие? Что рабочие поддались бы на провокационную агитацию?

Революции, конечно, происходят не только после проигранных войн, но весьма часто происходят и после них, потому, что при прочих равных они **деморализуют** нацию и явно демонстрируют несостоятельность Власти.

Но поражение поражению рознь, а в истории все конкретно! Как и в частной жизни участников этой дискуссии.

Розов как «теоретик», снисходящий до роли арбитра в споре «эмпириков» должен понимать, что в жизни почти любой страны почти в любое время в латентном виде есть предпосылки как для подъема, так и для упадка, в том числе и для революции.

То, что можно условно назвать «народной ненавистью» (на термине я не настаиваю) к тем, кого крестьяне считают виноватыми («угнетателями» и т.п.) во многих странах рано или поздно как-то прорывается и народ пытается дружно мстить и за предков, и за себя, и «просто так». Это одна из констант истории. В скрытом (или не очень скрытом) виде она есть почти **везде** и почти **всегда**, и она покрывает, понятно, огромный пласт жизни. Накал ее может колебаться в зависимости от социального «самочувствия» субъектов ненависти, или — что то же самое — уровня недовольства окружающей действительностью, которое эту ненависть может обострять, стимулировать или, напротив, отодвигать на периферию и т.д.

Типологически едва ли не главный вопрос тут в мере потрясений, в количестве пролитой крови. Это может быть Великая Французская революция, а может быть революция 1848–1849 гг., скажем, в германских землях. Страна может оставить в стороне французский вариант, прорепетированный когда-то в России под прозаическим названием Пугачевщины, а может и не пройти мимо него; 1905 год недвусмысленно показал, что для России это — вполне реальный вариант.

История «устроена» так, что «народная ненависть» может прорваться, а может и не прорваться (это зависит от многих причин, в том числе и от силы Власти в данный конкретный момент), хотя до конца никуда не исчезнет (см., в частности, канал «Euronews»). Однако если возможность прорваться возникла — она непременно будет реализована, что и случилось в России в 1917 г.

Более того. В жизни любой страны всегда был, есть и будет конгломерат проблем и противоречий разной степени сложности и остроты, которые переживаются, перемалываются ею в одних случаях, и сокрушают ее в других.

Порох при правильном обращении может храниться веками. Но если, условно говоря, жарить в пороховом погребе яичницу, то результат этой процедуры вполне предсказуем.

И поэтому ключевой вопрос состоит в том, **что именно** становится детонатором, взрывающим привычную жизнь.

Для России в 1917 г. им стала безнадежно проигрываемая война со всеми многочисленными последствиями, о которых сейчас нет возможности говорить.

Н.С. Розов, полагая, во время войны в Афганистане, с которой начался распад той страны, в которой все участники дискуссии родились и выросли, определенно вышел из школьного возраста и должен многое помнить. А ведь эта война не была тотальной войной, как Первая Мировая

война, во время которой было мобилизовано порядка 15 миллионов мужчин (минимум 80% которых были крестьянами), два с половиной года сидевших в окопах от Балтики до Черного моря во время *проигрываемой войны* (во многом опять-таки из-за недостатка «дальновидности» и «мудрости» тех, кто руководил Россией), которые после отречения «Хозяина земли Русской», капитулировавшего перед хлебным бунтом в своей столице, оказались просто *в другом мире и с оружием в руках!*

Иногда нации сплачиваются после поражений, как Россия после тяжело переживавшихся Аустерлица и Тильзита, как СССР в 1941-1942 гг. и побеждают врага, но иногда этого не происходит.

А ведь начнись Первая Мировая война даже в 1915 г., не говоря о 1916, ее исход для России и вся наша (и не наша) жизнь были бы другими.

Здесь уместно, как мне кажется, привести мнения двух современников, хорошо знавших Николая II, что, возможно, побудит некоторых участников дискуссии глубже ознакомиться с тем, что, по их мнению, **ничего не объясняет.**

В.И. Гурко, повествуя о трагических событиях, связанных с отступлением русской армии в 1915 г., в частности, пишет: «Вновь и вновь Совет министров обращается с соответствующими представлениями к государю: власть царя в то время еще всесильна, но пользоваться ею в порядке действительном он все меньше решается. На мольбы министров о созыве военного совета он отвечает неизменно (одно и) то же: «погодите», «со временем». Созная свое слабование, государь, очевидно, опасался, что под напором всего правительственного синклита он вынужден будет принять какое-либо определенной решение, но именно этого он не желал». Гурко делает к этому сообщению в высшей степени важное примечание: «Известный психиатр Карпинский, пользовавшийся царскую семью, положительно утверждал, что, наблюдая за государем, он пришел к убеждению, что Николай II страдает душевной болезнью, именуемой в медицине негативизмом. Болезнь эта состоит в том, что пациент проявляет в общем сильный упадок воли в отношении противодействия решениям, принимаемым другими лицами даже в делах, касающихся его самого, и проявляет крайнее упорство в смысле отрицательном, а именно отказываясь лично предпринять какие-либо действия в любом направлении. Болезнь эта сопровождается обычно развитием недоверия ко всем лицам, что-либо исполняющим для больного и с которыми он вообще вынужден иметь дело» (Гурко, 2000: 672).

Недоверие царь не испытывал, по крайней мере, к одному человеку — к Александре Федоровне. С.Ю. Витте считает воздействие на Николая II его жены в полном смысле слова роковым: «Если бы государь имел волю, то такая жена, как Александра Федоровна, была бы соответственная. Она жена императора — и только. Но несчастье в том, что государь безвольный. Кто может на него иметь прочное и непрерывное влияние? Конечно, только жена. К тому же она красива, с волею, отличная мать семейства, может быть, она была бы неприятна для царя с волей, но не для нашего царя. В конце концов она забрала в руки государя. Несомненно, что она его любит, желает ему добра — ведь в его счастье ее счастье. Но, может быть, она была бы хорошею советчицею какого-либо супруга — немецкого князька, но является пагубнейшею советчицею самодержавного владыки Российской империи. В конце концов она приносит несчастье себе, ему и всей России... Подумаешь, от чего зависят империя и жизни десятков, если не сотен миллионов существ, называемых людьми» (Витте, 2002, т.2: 367-368)

А ведь Витте не дожил до апогея «распутинщины»!

Витте характеризовал Николая II как человека «со слабой умственной и моральной натурою, но, главным образом, исковерканной воспитанием, жизнью и особенно ненормальностью его Августейшей супруги» (Витте, 2002, т.2: 203). О «ненормальности» Александры Федоровны автор говорит неоднократно, лишь однажды упоминая о диагнозе: болезнь нервно-психологического характера, которой императрица болела уже много лет. (Витте, 2002, т.2: 685)

Впрочем, нужны ли пространные комментарии после трагикомической истории с мнимой беременностью царицы? В некотором роде предшественник Распутина, известный доктор Филипп, внушил ей, что у нее будет сын. Она этому поверила. В последние месяцы мнимой беременности Александра Федоровна начала носить старые платья, перестала надевать корсет и т.д. Придворные заметили, что она сильно потолстела. Царь радовался, о беременности императрицы сообщили официально. Теперь все ждали количества залпов со стен Петропавловской крепости, чтобы определить пол ребенка. Лейб-акушер профессор Отт переселился со своим персоналом в Петергоф. Однако роды все не начинались. В итоге Отт добился возможности осмотреть царицу и сообщил, что она не беременна и **не была** беременна. Резюме этой истории Витте более всего похоже на «крик души»: «Если какой-либо шарлатан может внушить женщине, что она забеременела, и женщина под этим внушением находится девять месяцев, то **что** тот или иной проходимец **не может** внушить такой особе? А раз ей что-либо внушено, то сие внушение передается ее безвольному, но прекрасному мужу, а этот муж неограниченно

распоряжается судьбою величайшей империи и благосостоянием, и даже жизнью 140 млн. человеческих душ, т.е. божественными искорками Всевышнего» (Витте, 2002, т.1: 660).

Характер Николая II — закономерность или случайность? А его влияние на историю?

Вообще следует заметить, что в настоящей дискуссии есть явный диссонанс между уровнем владения теоретическим материалом и уровнем знания проблем истории той страны, которую эти теории должны объяснить.

Полагаю, что та или иная теория, претендующая на объяснение хода истории, должна помочь организовать множество конкретных фактов в некую логически непротиворечивую структуру, которая сделает яснее, понятнее и т.д. изучаемые процессы (как это безусловно делает, например, теория модернизации). Однако в данном случае при том явно недостаточном уровне владения фактами русской истории и ее историографией, который фиксируется в представленных материалах, сделать это едва ли это возможно.

Состоявшийся обмен мнениями ясно показывает правоту Б.В. Раушенбаха, в своих последних книгах немало написавшего о двух типах мышления, логическом и внелогическом, и о том, как трудно представителям «точного знания» понимать то, что логически не описывается или описывается не всегда.

С давних времен человечество пыталось вывести «формулу истории». Это так соблазнительно, а желание найти «сезам» так понятно! С.Ю. Витте в этих случаях говаривал, что «это слишком по-человечески».

И каких только моделей, теорий не было и нет — на любой вкус! При этом я вовсе не хочу сказать, что все они бесполезны. Отнюдь. Но у каждой из них есть свои границы применения.

История, среди прочего, наука о людях. В данном случае ее, частности, можно рассматривать как описание совокупной жизнедеятельности огромных масс людей.

В этом качестве какие-то ее части, фрагменты, какие-то компоненты, **безусловно**, можно объяснить логически, поэтому в истории есть несколько «простых» аксиом. Однако в совокупности История **далеко не всегда** объясняется рационально и далеко не все ее слагаемые можно измерить.

Как измерить готовность народа к революции? Как посчитать меру его терпения?

Обсуждаемые проблемы очень сложны, как вообще невероятно сложна История.

Цитируя тонкую стилистическую находку Н.С. Розова, «большая макроисторическая правда», полагаю, состоит не в том, чтобы подгонять факты под теорию (в роде «здесь наиболее адекватны веберовские идеи Скопчол и Коллинза, а также миросистемные идеи А.Г. Франка и И.Валлерстайна») или уж тем паче придумывать их, а в том, чтобы построить теорию, объясняющую, систематизирующую и т.д. эти факты.

Для этого надо «всего лишь» быть на уровне изучаемых событий и проблем.

И помнить, что никакой коэффициент, условно говоря, не отменит факта восхода солнца.

Список источников и литературы

Агрономическая организация 1913. Деятельность правительственной агрономической организации при Саратовской губернской землеустроительной комиссии в 1912 году. Саратов.

Беляев, М.М., Беляев С.М. 1914. Сборник задач противоалкогольного содержания. М.

Бруцкус, Б.Д. 1917. К современному положению аграрного вопроса. Пг.

Бруцкус, Б.Д., 1922. Аграрный вопрос и аграрная политика. Петербург. 1922.

Витте, С.Ю. 2002. Воспоминания. Мемуары. М. Т.1-2. С.367-368

Вронский, О.Г. 1999. Государственная власть Российской империи и проблемы формирования основ перспективного аграрного курса на рубеже XIX — XX вв. М.

Герье, В. Чичерин, Б. 1878. Русский дилетантизм и общинное землевладение. Разбор книги князя А.Васильчикова «Землевладение и земледеление». М.1878.

Головин, К.Ф. 1895. Мужик без прогресса или прогресс без мужика? К вопросу об экономическом материализме. Спб.

Гурко, В.И. 1902. Устои народного хозяйства. Спб.

Гурко, В.И. 2000. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.

Давыдов, М.А. 2003. Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX вв. (По материалам транспортной статистики и статистики землеустройства). М. Издательский центр РГГУ.

Давыдов, М.А. 2007а. Статистика землеустройства в годы Столыпинской аграрной реформы (1907-1915 гг.). // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2007. №№ 7-8.

Давыдов, М.А. 2007б. О статистике землеустройства в России (1907-1913 гг.) // Экономическая история. Хрестоматия. М. Издательский дом ГУ ВШЭ.

Давыдов, М.А. 2008. К проблеме потребления в России в конце XIX — начале XX вв.// Инновационные подходы в исторических исследованиях: информационные технологии, модели и методы. Материалы XI конференции Ассоциации «История и компьютер». Москва-Барнаул.2008.

Ермолов, А.С. 1891. Неурожай и народное бедствие. Спб.

Ермолов, А.С. 1906. Наш земельный вопрос. Спб.

Ермолов, А.С. 1909. Наши неурожайи и продовольственный вопрос. Т. 1-2. Спб.

Зима, В.Е. 1995. Тупики аграрной политики (1945-1953) //СССР и холодная война. М.

История СССР. 1968. История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968. Т. VI.

Кауфман, А. 1916. Агрономический персонал и его место в земском статистическом аппарате» Самара.

Кофод, А.А. 1905. Крестьянские хутора на надельной земле. Спб.

Кофод, Карл.1997. 50 лет в России. М.

Новейшая история Отечества. 1998. Учебник для вузов в двух томах. том.1. М.

Макаров, Н. 1918. Социально-этические корни в русской постановке аграрного вопроса. Харьков.

Макаров, Н. 1920. Крестьянское хозяйство и его эволюция. М. Т.1

Мельников, Р.М. 1983. Крейсер Варяг Л. Судостроение.

Миронов, Б.Н. 1998. Социальная история России. Спб. 1998. Том.1-2

Огановский Н.П. 1922. Очерки по экономической географии России (в связи с мировым хозяйством, по новейшим статистическим материалам) ч.1. Сельское хозяйство. М.

Отчет 1913. Отчет землеустроительной комиссии Области Войска Донского за 1913 г. Новочеркасск, 1914.

Отчетные сведения 1916. Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1916 г. Спб.

П.Д. (П.П.Дюшен) 1904. «Русская интеллигенция и крестьянство. Критический анализ трудов местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. М.

Семенов С.Т. 1915. Крестьянское переустройство. М.1915.

Столыпин П.А. 1991. Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государством Совете. 1906-1911. М.

Тюкавкин В.Г. 2001. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М.

Шацилло К.Ф. 1968. Русский империализм и развитие флота. М.

Юрьевский Б. 1914. Возрождение деревни. Пг.

«Голодный экспорт» в истории Российской Империи

*Мы публикуем текст лекции специалиста в области политической и военной истории России конца XVIII — первой четверти XIX в. и социально-экономической истории пореформенной России, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института экономики Российской академии наук **Михаила Давыдова**, прочитанной 23 декабря 2010 года в Политехническом музее в рамках проекта «Публичные лекции «Полит.ру». Работа над лекцией, уже являющейся самостоятельным научным исследованием, привела ученого к появлению существенно расширенного варианта текста, представляющего собой большой научный труд. Он будет также в ближайшее время опубликован на «Полит.ру».*

Текст лекции

Добрый вечер! Я благодарю присутствующих за то, что они пришли.

Тема сегодняшней лекции заявлена как «Проблема «голодного экспорта» в истории Российской Империи».

Данная тема, имея самостоятельную научную ценность, в то же время прямо связана с проблемой благосостояния населения России в конце XIX — начале XX вв. и — что не менее важно — с нашими представлениями об этом благосостоянии.

Не секрет, что в массовом сознании множества наших современников доминирует представление о том, что главной причиной революции 1917 г. было якобы бедственное положение народных масс в пореформенную эпоху, что неправильно. В последние годы прежде всего вследствие ресталинизации эта тематика «вдруг» снова обрела актуальность.

В общем виде существуют два основных подхода к интерпретации причин российской революции. Первый — негативистский, пессимистический. Его метафорой вполне может служить картина И.Е. Репина «Бурлаки на Волге». Отталкивающий, негативный образ пореформенной России создала еще народническая публицистика — источник всей дореволюционной оппозиционной литературы. Позже его взяли на вооружение советские марксисты. Сталин артикулировал его в «Кратком курсе истории ВКП(б)», а затем оно лишь уточнялось.

Этот взгляд исходит из того, что революция была логическим, «закономерным» завершением порочного в целом пути развития страны, со-

пряженного с перманентным ухудшением положения народа после 1861 г.

В рамках этого подхода вся жизнь страны трактуется с точки зрения «презумпции виновности» правительства во всех мыслимых и немыслимых изъянах и недостатках развития пореформенной России. Власть не обвиняли, условно говоря, только в восходе солнца и, пожалуй, в смене времен года, во всем же остальном, начиная с факта своего существования, она было безусловно виновата. Масштабы этой массовой психопатии потомкам представить очень трудно.

Общество как будто расплачивалось с государством за века вотчинно-крепостнической истории, за которую Александр II определенно не отвечал.

В силу подобной логики в массовом сознании образованного класса покушения на царя вплоть до его убийства 1 марта 1881 г., не говоря о терроре в отношении менее значительных лиц, обрели характер чуть ли не обыденного явления, морально-этическая оправданность которого была настолько очевидна, что как бы и не обсуждалась.

Россия по-прежнему «навсегда» отставала от передовых держав, положение населения непрерывно ухудшалось, его недовольство нарастало, и Первая Мировая война стала лишь последним толчком в закономерном процессе краха Империи; непонятно, правда, почему она при этом в 1913 г. уверенно входила в пятерку ведущих стран по многим из важных показателей экономического развития.

До 1917 г. такое видение эпохи должно было объяснять и оправдывать борьбу оппозиции против «ненавистного царизма», а для советской историографии — не только оправдывать, но и легитимизировать переворот 25 октября 1917 г., Гражданскую войну и «обычную» советскую жизнь.

Второй подход, который разделяется рядом историков, в том числе и мной, можно назвать оптимистическим, «позитивистским».

Согласно ему, Великие реформы дали стране мощный импульс для успешного развития, значительно усиленный затем «модернизацией Витте — Столыпина», а также принятием в 1905 г. конституции. Это не значит, что Россия была страной без сложных проблем (таких в истории не бывает), однако эти проблемы не относились к числу **принципиально** нерешаемых. Для масштабной реализации потенциала модернизации требовались пресловутые «20 лет покоя внешнего и внутреннего». Однако принявшая неизвестный дотоле человечеству масштаб Первая Мировая война и вызванные ею трудности стали главной причиной русской революции 1917 г.

В основе этого взгляда лежит тот факт, что поражение в тотальной войне само по себе — более чем достаточная причина для революции и не может служить критерием успеха или неуспеха предшествовавшей модернизации страны.

Хотя революции происходят не только после проигранных войн, они весьма часто происходят и после них, потому, что при прочих равных такие войны **деморализуют** нацию и явно демонстрируют несостоятельность Власти (в данное конкретное время, конечно, а не в течение всей истории государства). Обоснованность этой точки зрения подтверждается, в частности, крушением Германской и Австро-Венгерской империй в 1918 г., благоприятный исход модернизаций в которых сомнению не подвергается.

Крайне важно, что разница между этими подходами заключается вовсе не в противоположной оценке одних и тех же фактов.

«Пессимистам» от народников достались такие штампы, своего рода «священные коровы», как «обнищание народных масс», «малоземелье», «голодный экспорт», «непосильные платежи», «провал Столыпинской аграрной реформы» и пр., которые давно считаются аксиоматичными и лишь варьируются в том или ином виде.

Однако содержание «священных коров» — убыточный вид «животноводства».

При ближайшем рассмотрении эти «беспорные факты» оказываются либо полными фикциями либо, в лучшем случае, некорректными упрощениями. Источниковая база, которой оперируют сторонники второго подхода, несравненно шире, не говоря уже о более высоком методологическом и методическом уровне исследований, а потому их выводы, несмотря на непривычность, с научной точки зрения куда более обоснованы.

Я хочу показать, что негативистская схема трактовки истории пореформенной России неверна, как неверен и взгляд, сто лет выводящий причины русских революций из «бедственного» положения народных масс.

Первую свою задачу я вижу в том, чтобы на основании как уже введенных в научный оборот, так и — по преимуществу — новых материалов, прежде всего статистических, показать несостоятельность ряда вышеуказанных постулатов традиционной историографии.

Сам по себе пессимистический подход, как говорилось, — продукт начавшегося еще в 1870-х гг. народническо-марксистского анализа пореформенной действительности, по определению предвзятого и некорректного.

Однако примерно с 1930-х гг. в его (подхода) формировании стала участвовать и другая причина — преднамеренное игнорирование фактора, условно говоря, семантической «инфляции». Под нею я подразумеваю тривиальный факт изменения с течением времени семантики множества терминов, в том числе и самых простых. Изучение этого фактора — вторая задача моей работы.

На этом обстоятельстве нужно остановиться особо.

Будущие историки с первых курсов должны усваивать банальную, но притом коварную в своей кажущейся простоте истину — при обращении к любому историческому периоду, необходимо постоянно помнить о том, что с течением времени многие простые понятия меняют смысловое наполнение. «Презентизм», т.е. механическое проецирование (перенесение) нашего сегодняшнего понимания отдельных явлений, терминов и т.д. на прошлое, недопустим, поскольку способен извратить понимание истории.

Применительно ко всем эпохам русской истории споры о значении тех или иных терминов в историографии ведутся иногда буквально столетиями.

По ряду причин пореформенной эпохе в этом отношении чрезвычайно не повезло, хотя, казалось бы, она была совсем недавно.

Между тем люди того времени, т.е. не самые далекие наши предки, в понятия «голод», «нужда», «непосильные платежи», а также «насилие», «произвол» и др. вкладывали не совсем тот, мягко выражаясь, смысл, который вкладываем мы сейчас.

Наши современные представления об этих феноменах вытекают из исторического опыта советской эпохи, а он был принципиально *иным* и неизмеримо более трагичным.

У каждого времени свой «среднестатистический» порог печали и страданий. Многие тысячи страниц, опубликованных до 1917 г., изображали «тяжелое», «бедственное» и т.д. положение российского народа, и, думаю, значительная часть писавших об этом была искренна. Трудно предполагать, например, что кривил душой В.Г. Короленко. В рамках представлений своего времени, в тогдашней системе координат «плохо/хорошо», когда голодом категорически именовался не только реальный голод 1891-1892 гг., но и любой позднейший неурожай, эти авторы, если они старались быть объективными, часто были правы.

Все эти описания фактически одномоментно обесценились, когда обыденностью стали «красный террор», продовольственная диктатура, продотряды и продразверстка, людоедство и голод 1921-1922 гг., не говоря о коллективизации и голоде 1932-1933 гг.

Переворот 25 октября 1917 г. создал новую, чудовищно жестокую систему координат во всех сферах бытия, и старые стандарты соотносились с ней примерно так же, как обиды ребенка и трагедия человека, идущего на эшафот.

Если постоянно не иметь этого в виду, то об объективном изучении истории России можно забыть.

Что написал бы по поводу карточной системы времен «военного коммунизма», например, А.И. Шингарев, сделавший себе имя на брошюре «Вымирающая деревня» (1901), если бы его не растерзал «революционный караул» в 1918 г.? А как оценил бы плакат Моора «Помоги» (1921) умерший в том же 1918 г. в горе и раскаянии А.А. Кауфман?

Короленко летом 1921 г., незадолго до смерти, избрали почетным председателем Всероссийского комитета помощи голодающим, и он написал Горькому, что «у нас голод не стихийный, а искусственный».¹ Он успел не только ощутить себя в новой системе ценностей, но и высказать свое к ней отношение — к ярости Ленина, кстати.

Сказанное, понятно, не делает нужду и недоедание людей во время неурожая конца XIX — начала XX вв. фикцией, однако показывает, что они должны оцениваться в контексте *всех* наших знаний и в свою настоящую «цену».

Если мы претендуем на цельное понимание своей истории, если мы хотим трактовать ее как единый глобальный и непрерывный процесс, то мы обязаны выработать четкие критерии, четкую терминологию для обозначения различных градаций одних и тех же константных исторических явлений — так, чтобы история не представлялась, условно говоря, собранием отдельных «картин»-эпох, а была бы цельным полотном.

У меня есть еще одна, хотя и подчиненная, задача, теснейшим образом связанная с той же проблемой семантической «инфляции».

В последние годы история России конца XIX — начала XX вв., помимо сугубо академической, приобрела свою крайне уродливую вненаучную специфику.

До Перестройки любое сопоставление Российской Империи и СССР имело целью подчеркнуть «исторические свершения государства рабочих и крестьян». За последние 25 лет «свершения» и «достижения» явно девальвировались, и в то же время выяснилось, что и до 1917 г. в России не все было «так запущено», как нас долго уверяли.

Тогда новейшие коммунисты и их союзники начали выдавать советскую власть за логическое и притом естественное продолжение предшествовавшей истории России. Царская Россия и СССР стали уравниваться

в «негативе», чтобы оттенить то, что апологеты «Отца всех народов, кроме репрессированных» считают «позитивом».

Жуткие реалии советского времени стали механически переноситься на пореформенную эпоху. Имперская власть теперь представляется чуть более смягченным вариантом советского режима. В частности, на центральных каналах ТВ начали всерьез сравнивать голод и террор в СССР и в имперской России, цитируя распространяемые в интернете фальшивки о «миллионах православных душ», якобы умерших от голода при Столыпине (!!!) и т.д.

Вновь оказались востребованы так называемые «эксперты», которые в СМИ и на телевидении занимаются привычным ремеслом фальсификации по курсу «Истории КПСС» Пономарева, вводя в заблуждение такую аудиторию, которая в силу недостатка знаний объективно не в состоянии поймать их за руку. Впрочем, у этой возрастной публики есть и прилежные молодые ученики — это явно говорит о наличии спроса на такие фальсификации.

Сказать, что подобные сравнения Российской Империи и СССР — наглое вранье, значит ничего не сказать.

Это — чистой воды сознательная манипуляция общественным сознанием, которая имеет целью приучить людей — прежде всего молодых — примерно к такому «силлогизму». Россия всегда была страной объективно бедной, прежде всего из-за климата и отсутствия природных ресурсов (фактически до XVIII в.). Народ в ней *всегда* жил трудно, он столетиями угнетался правительством, но не потому, что правительство было «плохим», а потому что «прибавочного продукта» было очень мало, и без насилия его было не изъять, и, соответственно, стране не устоять под натиском врагов. Нужда и голод — постоянные компоненты русской истории, это наша карма, однако только при советской власти, несмотря на «исторически оправданные» людские потери, мы были великой державой и нас все боялись.

Эта конструкция находит своих слушателей, потому, полагаю, что многим нынешним россиянам хочется гордиться своей страной в каком угодно формате, даже в таком.

Отсюда ясно, насколько важно для современного «агитпропа» уравнивать Российскую Империю и СССР по уровню государственного производства и числу жертв в голодные годы.

Успех этой манипуляции капитально облегчается воистину неандертальским невежеством множества людей относительно собственной истории. Особенно тех, кто родился в 1980-1990-х гг. и учился в эпоху развала школьной системы.

Однако История — не ток-шоу, и здесь модный фокус со всенародным якобы голосованием не проходит.

Дело в том, что преступления царизма были весьма подробно описаны и расписаны в обычных советских школьных учебниках, найти которые и сейчас не очень сложно. И о миллионах людей, умерших от голода при после 1861 г. там не найти ни слова. Хотя советская власть была **очень** заинтересована во всемерном обличении самодержавия и не слишком церемонилась с историей, в этом смысле порядочности у авторов учебников было больше, чем у современных «идеологов» несостоявшегося «светлого будущего».

При этом советскую власть хотят выдать за спасительницу 150-ти миллионов жителей Империи от нищеты, голодания и «полуколониального» прозябания — в полном соответствии с «Кратким курсом истории ВКП(б)».

Стремление это понятное, но уж больно бесстыжее. Мы ведь никогда не узнаем, что на этот счет думают десятки миллионов людей, погибших после 1917 г., а также их неродившиеся дети, внуки, правнуки и праправнуки, с которыми мы все могли бы быть знакомы лично. Кстати, по подсчетам независимых демографов, не будь 1917 г. — к 1950 г. население России (имперской или республиканской) равнялось бы минимум 350-ти, а то и 400 млн.чел. вместо примерно 180-ти млн.

Я рассчитываю на конкретных примерах показать, что «надо обладать очень медным лбом или очень крупным невежеством, чтобы смешивать два такие разнородные ... понятия»ⁱⁱ, как пореформенная абсолютная монархия, с одной стороны, и тоталитарный режим с мощнейшим репрессивным аппаратом, с «Большим скачком», «Большим террором» (не говоря о «среднем» и «малом»), с ГУЛАГом и т.д., с другой.

Ниже мы убедимся в том, что многие расхожие представления о дореволюционной России имеют мало или ничего общего с тем, что говорят многочисленные источники.

Важное предупреждение.

В этом тексте, как и в других своих работах, под интеллигенцией пореформенной эпохи я, исходя из известного определения П.Н. Милюковаⁱⁱⁱ, подразумеваю политически активное меньшинство образованного класса, прежде всего народников и марксистов, а также радикальную часть кадетов; разумеется, к интеллигенции относится и обслуживающая их публицистика.

С точки зрения такого подхода, большинство российского образованного класса, в отличие от наших дней, **не относится к интеллигенции**; это еще один пример семантической «инфляции».

Во избежание недоразумений, хочу предупредить, что в отношении терминов «интеллигенция», «оппозиция» и «модернизация» *любые* аллюзии с 2011-2012 гг. совершенно неуместны.

Итак, начнем с проблемы «голодного экспорта».

Экспорт в зеркале статистики

Оборот «голодный экспорт», вообще говоря, может существовать только как реплика в обыденном бытовом разговоре, в таком приблизительно контексте — «у нас люди голодают, а они хлеб вывозят». Примерно с таким же основанием в современной России можно говорить, что мы, мол, мерзнем, а они газ экспортируют. Как будто плохо топят от того, что газ качают в Мюнхен или в Донецк, и если трубу перекроют, то немедленно станет тепло!

С точки зрения политической экономии «голодный экспорт» — полная бессмыслица.

В стране с *рыночной экономикой*, а пореформенная Россия таковой и была, экспорт — часть процесса обмена, часть торговли, течение которой определяется соотношением спроса и предложения — и только.

В конце XIX — начале XX вв. за оборотом «голодный экспорт» стояла та мысль, что из-за «непосильных податей» крестьяне *вынуждены* продавать свой хлеб на рынке в ущерб собственному питанию.

Чтобы согласиться с этим тезисом, мы должны убедиться, во-первых, в том, что у крестьян не было иных статей расходов, кроме значительных выплат государству, во-вторых, — что в стране существовала очень жесткая система взимания платежей, и, в-третьих, что вывоз хлеба играл все возрастающую роль в хлебном хозяйстве стране.

Как мы увидим ниже, ни одно из этих предположений не является верным.

Есть три комплекса источников, которые позволяют ответить на вопрос о роли экспорта в хлебной торговле России конца XIX — начала XX вв. Прежде всего, это таможенная статистика; статистика урожайности Центрального статистического комитета МВД (далее — ЦСК МВД) и транспортная статистика, т.е. «Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам» и статистика речных перевозок МПС.

Я уверен, что таможенная статистика достоверна настолько, насколько может быть достоверна официальная государственная дореволюционная статистика, и поэтому в любых вариантах анализа ее данные являются четким и достаточно надежным ориентиром. Весьма репрезентативна и созданная С.Ю. Витте «Сводная статистика перевозок», тариф-

ная статистика Министерства финансов. Статистика речных перевозок МПС, по мнению самих составителей, недоучитывала четверть перевозок по внутренним водным путям.

Поскольку крестьяне из «податных опасений» не доверяли статистике во всех ее видах, то и опросные анкеты ЦСК, и земские бюджетные обследования воспринимались ими в контексте возможного роста налогов. Известно, что наибольшие сомнения вызывает урожайная статистика МВД. Занижение урожаев статистикой МВД закономерно вытекало из самой системы сбора сведений о них. ЦСК рассылал в волостные правления (и землевладельцам) специальные опросные листки. Путем анкетирования выяснялась площадь посевов и высота урожайности на единицу площади, а затем умножение первого показателя на второй давало величину валовых сборов культур в отдельной волости. Сумма волостных данных принималась за урожай уезда, а сумма данных по уездам — за урожай губернии.

Для большинства современников недостоверность урожайной статистики, в том числе и ЦСК МВД, была такой же *банальностью*, как для советских людей — приписки в этой советской жизни вообще и в колхозах, в частности, только с обратным знаком. В колхозах показатели завышались, а до революции урожаи, численность поголовья скота и т.д. занижались.

Отсюда высказанная более ста лет назад идея введения увеличивающих поправок к данным ЦСК, которые у отдельных исследователей колеблются в диапазоне от 7% до 19%.

Однако с этим согласны не все, поскольку для трубадуров «нищей России» эта заведомо заниженная статистика урожаев была настоящим подарком. Она как будто специально предназначалась для иллюстрации тяжелого положения крестьянства. И, соответственно, уже начиная с Янсона, она стала важным аргументом в публицистической борьбе оппозиции с правительством. Утверждения о низком уровне урожайности и потребления населения должны были демонстрировать, в числе прочих аргументов, несостоятельность царизма; в тех же целях ее использовала и советская историография.

Вообще говоря, не считая бухгалтеров, люди, обращающиеся к статистике, делятся, как мне кажется, на две категории.

Одни с ее помощью хотят удовлетворить собственную любознательность, им важно и интересно на ее основе выяснить и понять, *что же было* (или что происходит) *в реальности*, насколько это возможно выяснить и понять.

Полагаю, что именно в результате осмысления первыми усилий вторых и увидела свет известная мысль о статистике как одном из видов лжи. У других задача прагматически утилитарная — *им нужно доказать* то, что хочется или нужно доказать, неважно по каким причинам, т.е. здесь речь идет о выполнении «личного» или социального заказа.

Исходя из этого, тех, кто ратует за введение поправок, я отношу к первой категории, а народников и их «наследников» — ко второй.

Не вдаваясь в детали, скажу, что погубернское сопоставление урожаев главных хлебов и их перевозок в начале XX в., а также и нарративные источники, убедило меня в правоте тех историков, которые не считают урожайную статистику ЦСК МВД репрезентативным источником.^{iv} Из самых что ни на есть корыстных соображений ее респонденты, как минимум, в голодные годы определенно занижали величину урожаев. Поэтому мы вправе предположить, что в реальности вывозилась меньшая часть урожая, чем это показывают мои таблицы (см. ниже).

Тем не менее, несмотря на недостоверность данных ЦСК МВД, мы вынуждены их использовать — за неимением других столь же масштабных. Ведь исследование, охватывающее не менее 63-х губерний, должно основываться, по возможности, на однотипных источниках, обрабатываемых по единой методике, поскольку в такой работе особенно необходимы ориентиры, обладающие хотя бы *относительной устойчивостью* во времени и пространстве. К тому же вектор искажения урожайности известен. Как ни странно, на первый взгляд, но эту весьма тривиальную мысль в научном сообществе требуется специально объяснять, в первую очередь таким его специфическим представителям, как С.А. Нефедов, что само по себе симптоматично.

Поэтому я считаю, что введение современными авторами (П.Грегори, Б.Н. Миронов) в проводимых ими исследованиях поправок к сведениям ЦСК МВД об урожае с источниковедческой точки зрения необходимо и оправданно.

Однако я сам в своих работах использую данные о валовых сборах без поправок и не пытаюсь вычислять чистые сборы.

Мои задачи таковы, что я не вижу смысла вдаваться в полемику о том, какая поправка ближе к истине — в 19% или 7%. Принципиально для меня то, что все они исходят из тезиса *о занижении* размеров сбора ЦСК. К тому же я не уверен, что поправка для всех регионов страны всегда имеет унифицированный характер.

Пессимистические результаты, полученные мной при сопоставлении величин урожаев главных хлебов и их перевозок в производящих губерниях, когда транспортировка равна или превышает, иногда на 100%, за-

фиксированный урожай, минимизируют у меня как у автора всякое желание высчитывать чистые сборы.

Я не считаю возможным использовать заведомо неточные данные, притом неточные дважды, поскольку заниженный чистый сбор выводится из заниженного же валового. Поэтому я предпочитаю оперировать данными о валовых урожаях, как об *относительно внятном* ориентире, полагая указанные искажения стабильными. Нам важно сейчас понять вектор развития процесса.

Рассмотрим структуру хлебного экспорта России в конце XIX — начале XX века.

Таблица 1. Среднегодовой экспорт хлеба из России за 1889-1913 гг. (тыс.пуд.)

Годы	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	Мука		Главные хлеба	Второст. хлеба	Все хлеба
					пшенич.	ржаная			
В среднем за 1889-1893	54534	157357	65543	49043	3407	2496	332381	42776	375157
В среднем за 1894-1898	78384	210468	107765	59505	4005	4188	464315	69500	533815
В среднем за 1899-1903	83415	160712	91128	62335	4268	9080	410956	81911	492867
1904	60051	280884	151838	54062	6363	11993	565191	83620	648811
1905	59674	293834	138263	127327	5919	7123	632140	65361	697501
1906	65366	219995	148810	69544	6142	7523	517380	73378	590758
1907	45164	131674	132665	26137	4043	6344	356027	114355	470382
1908	24911	89803	161389	29374	3243	6178	314898	90006	404904
В среднем за 1904-1908	51035	205238	146593	61289	5142	7832	477127	85344	562471
1909	35499	314469	219202	74663	5764	7010	656607	105329	761936
1910	40538	374590	244702	83947	6820	6498	757095	93077	850172
1911	53874	240545	262638	85130	7352	9491	659030	165056	824086
1912	30596	161020	168708	51799	6368	5996	424487	127183	551670
1913	39470	203256	239718	36604	9963	6980	535991	114889	650880
В среднем за	39995	258776	227014	66429	7253	7195	606644	121086	727730

1909-1913									

Источники: Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе за 189... год; Материалы к пересмотру торгового договора с Германией. Вып. V. Россия. Привоз, вывоз и направление вывоза главнейших сельскохозяйственных продуктов за 1884-1910 гг. Пг., 1915; Сельское хозяйство России в XX веке. М., 1922. Ляшенко П.И. Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением. Пг., 1915.

Таблица 2. То же в процентах к общему вывозу

Годы	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	Мука		Главные хлеба	Второст. хлеба	Все хлеба
					ржаная	пшенич.			
1889-1903	14,5	41,9	17,5	13,1	0,7	0,9	88,6	11,4	100
1894-1898	14,7	39,4	20,2	11,1	0,8	0,8	87,0	13,0	100
1899-1903	16,9	32,6	18,5	12,6	1,8	0,9	83,4	16,6	100
1904	9,3	43,3	23,4	8,3	1,8	1,0	87,1	12,9	100
1905	8,6	42,1	19,8	18,3	1,0	0,8	90,6	9,4	100
1906	11,1	37,2	25,2	11,8	1,3	1,0	87,6	12,4	100
1907	9,6	28,0	28,2	5,6	1,3	0,9	75,7	24,3	100
1908	6,2	22,2	39,9	7,3	1,5	0,8	77,8	22,2	100
1904-1908	9,1	36,3	26,2	10,9	1,4	0,9	84,8	15,2	100
1909	4,7	41,3	28,8	9,8	0,9	0,8	86,2	13,8	100
1910	4,8	44,1	28,8	9,9	0,8	0,6	89,0	11,0	100
1911	6,5	29,2	31,9	10,3	1,2	0,9	80,0	20,0	100
1912	5,5	29,2	30,6	9,4	1,1	1,2	76,9	23,1	100
1913	6,1	31,2	36,8	5,6	1,1	1,5	82,3	17,7	100
1909-1913	5,5	35,6	31,2	9,1	1,0	1,0	83,4	16,6	100

Из таблиц 1-2 следует, что вплоть до предвоенного пятилетия пшеница с большим отрывом лидировала среди экспортных культур. Вывоз ее по абсолютной величине возрастал, но доля в хлебном экспорте постепенно падала: с 42% в 1889-93 гг. до 29-31% в 1911-1913 годах. Экспорт муки был незначителен, что отражало определенную — до поры —

неразвитость России в этом отношении (США до 50% своего хлеба вывозили в виде муки, что, конечно, стоило дороже).

Экспорт ячменя стабильно возрастал по обоим показателям, и к началу Первой Мировой войны ячмень стал главной экспортной культурой страны.

Вывоз ржи устойчиво снижался и по абсолютной величине, и в относительном выражении с 16,9% в 1899-1903 гг. до 5,5% в 1909-1913 гг.

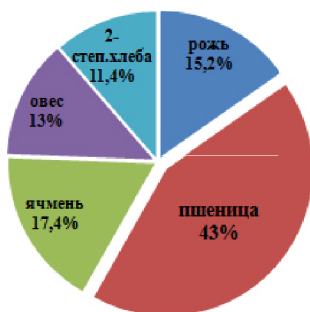
Вывоз овса по пятилетиям растет, но экспорт его наименее стабилен.

Экспорт второстепенных хлебов, большую часть которых составляли кукуруза, отруби и жмыхи, увеличивался как в количественном, так и в относительном выражении. В отдельные годы он превышал 20%.

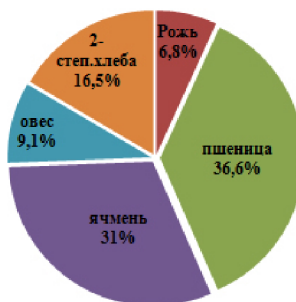
Диаграмма 1. Структура хлебного экспорта России в 1889-1893 и 1909-1913 гг.

**Структура хлебного экспорта
1889-1893**

**Структура хлебного экспорта
1909-1913**

Очевидна явная неустойчивость экспорта как отдельных главных, так и всех хлебов вообще. Перепады в отдельные годы иногда достигают 300% и более.

Таблица 3. Соотношение урожаев и экспорта главных хлебов¹³
(тыс.пуд. и %)

ГОДЫ	РОЖЬ			ПШЕНИЦА			ЯЧМЕНЬ			ОВЕС		
	Урожай	Экс-порт	Доля экс-порта от сбора	Урожай	Экс-порт	Доля экс-порта от сбора	Урожай	Экс-порт	Доля экс-порта от сбора	Уро-жай	Экс-порт	Доля экс-порта от сбора
1893	1114720	37053	3,3	709718	160455	22,6	421166	111228	26,4	673044	56801	8,4
1894	1341087	85671	6,4	697675	209762	30,1	351272	153139	43,6	673910	94395	14
1895	1203995	95541	7,9	626017	242752	38,8	327682	108319	33,1	648948	66739	10,3
1896	1181142	83717	7,1	606512	224633	37	324955	81605	25,1	645948	67512	10,5
1897	962730	78837	8,2	475589	218327	45,9	306308	89441	29,2	527772	43617	8,3
1898	1097484	71418	6,5	678029	183564	27,1	397797	106320	26,7	556332	25264	4,5
1893-1898	1150193	75373	6,6	632257	206582	32,7	354863	108342	30,5	620992	59055	9,5
1899	1356886	67097	4,9	653989	112224	17,2	289865	74549	25,7	805157	28463	3,5
1900	1393641	104063	7,5	657550	122979	18,7	309358	53676	17,4	720215	80047	11,1
1901	1137353	92692	8,1	667132	143853	21,6	313397	77631	24,8	527812	80317	15,2
1902	1378534	109395	7,9	931437	190701	20,5	442096	104165	23,6	786122	63333	8,1
1903	1354909	94273	7,0	916678	262372	28,6	465857	145619	31,3	645135	59517	9,2
1899-1903	1324265	93504	7,1	765357	166426	21,7	364115	91128	25	696888	62335	8,9
1904	1506805	73377	4,9	1033855	289368	28	451541	151838	33,6	943773	54062	5,7
1905	1090758	67588	6,2	944168	301726	32	450371	138263	30,7	754674	127327	16,9
1906	982671	73725	7,5	749260	228184	30,5	408430	148810	36,4	561168	69544	12,4
1907	1193880	52213	4,4	727345	147065	20,2	459972	132665	28,8	728461	26137	3,6
1908	1168700	31775	2,7	812723	94127	11,6	491606	161389	32,8	739447	29374	4,0
1904-1908	1188563	59736	5	853470	212094	24,9	452384	146593	32,4	745505	61289	8,2
1909	1351606	43288	3,2	1182093	322154	27,3	622676	219202	35,2	946088	74623	7,9
1910	1299405	47758	3,7	1162046	381526	32,8	602788	244702	40,6	856205	83947	9,8
1911	1151182	64420	5,6	742738	250348	33,7	537236	262638	48,9	702598	85130	12,1
1912	1567736	37258	2,4	1036356	169511	16,4	606045	168708	27,8	864424	51799	6,0
1913	1507246	47226	3,1	1391966	216540	15,6	627336	239718	38,2	979677	36604	3,7

13 Ржаная и пшеничная мука переведены в зерно в пропорции соответственно 90% и 75% процентов выхода муки из пуда зерна.

1909-1913	1375435	47990	3,5	1103040	286016	24,3	599216	226994	37,9	869798	66421	7,6

Источники: см. таблицу 1.

Данные таблицы 3, в которой сопоставляются урожаи и экспорт главных хлебов, позволяют сделать следующий вывод: урожаи продолжали расти, но доля вывоза в урожае всех главных хлебов, за исключением ячменя, уменьшалась, причем иногда и в абсолютном выражении. Реально же процент экспортируемого из страны хлеба был еще ниже — во-первых, потому что урожаи были выше, чем показывает статистика ЦСК МВД, а, во-вторых, из-за того, что мы не учитываем сборы в Азиатской России; то есть вывоз хлеба из Томской, например, губернии зафиксирован, а урожаи в ней — нет.

Данные транспортной статистики вполне позволяют конкретизировать вывод о снижении значения экспорта. В конце XIX — начале XX вв. основными поставщиками товарного хлеба на рынок оставались черноземные губернии.

Анализ соотношения экспортного и внутреннего железнодорожного отправления всех хлебных грузов показывает, что в ряде черноземных губерний темпы перевозок хлеба явно замедляются и даже снижаются. Это отражает рост плотности населения и вытекающий из него рост местного потребления производимых хлебов. Кроме того, это позволяет говорить о завершении экстенсивного этапа развития зернового хозяйства.

Если в 1890-х гг. вывозное отправление было важным для Центрально-Черноземных, Юго-Западных, Малороссийских и других губерний, то в 1900-х годах его размеры там падают и по абсолютной, и по относительной величине, часто при росте внутренних перевозок.

Очень важно, что и там, где экспортное отправление в целом не уменьшается, приросты внутреннего отправления значительно, иногда в несколько раз, выше приростов вывозного отправления.^v

Таблица 4. Среднегодовое железнодорожное отправление всех хлебных грузов (в млн. пуд.)¹⁴

Годы	Общее	Вывозное		Внутреннее	
		абс.	% к общему	абс.	% к общему
1889–1890	484	292	60,3	192	39,7
1894–1895	661	388	58,8	273	41,3
1901–1903	926	416	44,9	510	55,1
1908–1911	1195	541	45,3	654	54,7

14 Включая перевозки внутри Одесского железнодорожного узла.

1912–1913	1273	515	40,5	758	59,5
1908–1913	1221	527	43,2	694	56,8

Источники: Материалы по пересмотру хлебных тарифов российских железных дорог. СПб, 1897; Материалы к пересмотру торгового договора с Германией и другими иностранными государствами. СПб, 1914 Ч.1; Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам... за 1912, 1913 и 1914 гг. Петроград, 1916.

Общий прирост вывозного железнодорожного отправления всех хлебных грузов с 1904–1895 гг. по 1908–1911 гг. составил свыше 173 млн.пуд. (я специально не брал годы высоких урожаев — 1912 и 1913 гг.). Из этого количества 127,8 млн.пуд., или 81,9% приходится на Донскую и Кубанскую области, Екатеринославскую, Херсонскую, Ставропольскую, Самарскую и Саратовскую губернии.^{vi}

**То есть, в конце XIX — начале XX вв. экспорт хлеба из России воз-
растал главным образом за счет лишь семи губерний степной поло-
сы.**

Участие отдельных губерний в хлебной торговле было далеко не равноценным. Половину всей ржи в стране отправляли только 8 губерний, овса — 7, пшеницы — 5, ячменя — 2 губернии. Это показывает, насколько далеко зашла специализация отдельных губерний на товарном производстве хлебов. Соотношение внутреннего и внешнего вывозного рынков — насколько его можно восстановить по железнодорожной статистике — в целом зеркально меняется в сравнении с концом 80-х и началом 90-х годов XIX века.

Анализ рынков каждого из главных хлебов конкретизирует эти выводы.

Особо отмечу масштабный рост внутреннего рынка для пшеницы в конце XIX — начале XX вв., экспортное отправление которой увеличивается в 1,4 -1,6 раза, а внутреннее — в 4,7- 4,2 раза в зависимости от точки отсчета. При этом протяженность железнодорожной сети за эти годы увеличилась с 23,8 до 69,2 тыс. км.

Диаграмма 2. Суммарный урожай и экспорт главных хлебов в 1894-1913 гг. (тыс.пуд.)

Источники: см.таблицу 1.

Диаграмма 2 показывает, что экспорт хлеба явно не был угрозой, как сейчас модно выражаться, «продовольственной безопасности» Российской империи. Вывоз был именно частью процесса обмена, торговли — не более того!

Как можно видеть из таблицы 4, экспорт ржи в рассматриваемый период ежегодно уменьшался в среднем на 2742 тыс.пуд., а экспорт овса — на 193 тыс.пуд., что в контексте темы лекции выглядит достаточно пикантно. Не слишком велик прирост экспорта пшеницы по отношению к приросту урожаев — 9,5%. И только прирост вывоза ячменя составляет 45,7% прироста сборов. Таким образом, мы вновь убеждаемся, что в конце XIX — начале XX вв. отечественное сельское хозяйство определено не «работало на Запад».

Таблица 4. Средние ежегодные приросты урожаев, железнодорожных перевозок, экспорта и остатка главных хлебов в 1894-1913 гг. (тыс.пуд.)

Хлеб	Урожай	Перевозки	Экспорт	Остаток
Рожь	8637	3323	-2742	11379
Овес	14073	3282	-193	14266
пшеница	29445	19234	2805	26640
Ячмень	17177	5362	7854	9322

Источники: Урожай 189...года. Спб.; Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе за 189... год. СПб; Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 189... год. СПб.

Таблица 5. Коэффициенты корреляции между урожаями, перевозками и стоимостью вывоза главных хлебов и питейным доходом в 1894-1913 гг.

Урожай	Экспорт	Перевозки	Стоимость хлеб. эксп.	Питейный Доход
Рожь	-0,13	0,16	0,21	0,27
Овес	-0,05	0,58	0,55	0,58
Пшеница	0,48	0,86	0,72	0,74
Ячмень	0,88	0,92	0,88	0,89

Источники: Источники: Урожай 189...года. Спб.; Ежегодник Министерства финансов на 189.. год Спб.; Отчет Главного Управления неокладных сборов и казенной продажи питей за 1913 г. Пг., 1914. С.14; Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе за 189... год. СПб; Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 189... год. СПб.

Таблица 5 показывает, что связь между урожаями ржи и овса и их вывозом практически отсутствует (предупреждая возможные вопросы, скажу, что подсчет корреляции с лагом этого вывода никак не поколебал, да и идея эта сама по себе в данном случае весьма уязвима). Не очень заметна связь урожая и экспорта для пшеницы (0,48), и действительно значима она для ориентированного на экспорт ячменя (0,88).

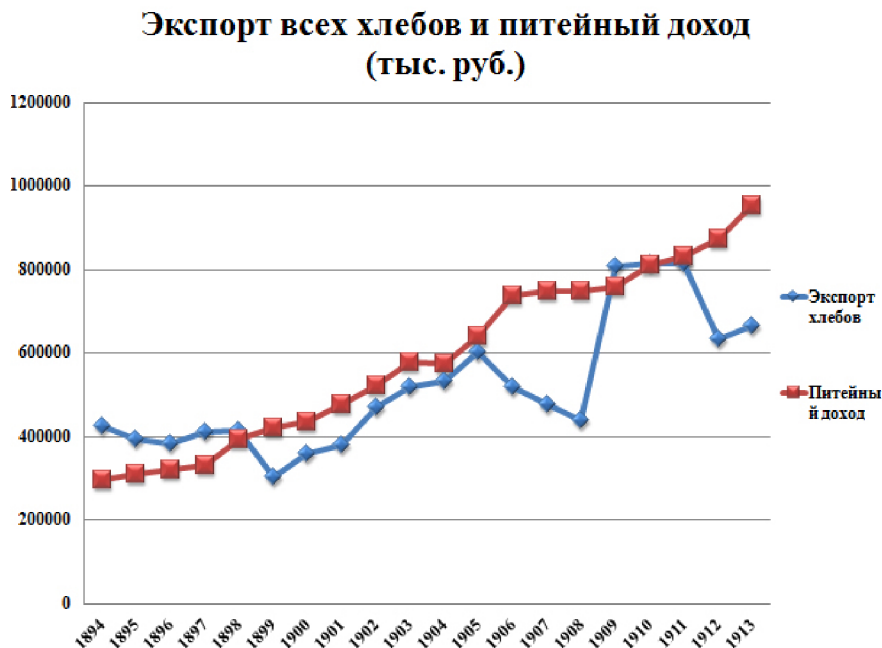
Серые хлеба в массе, конечно, потреблялись на месте. Товарность же красных хлебов, особенно ячменя, заметно выше. Об этом говорит и достаточно сильная связь их урожаев с питейным доходом (0,74 и 0,89) и остальными акцизными сборами, а равным образом и с перевозками подавляющего большинства грузов (порядка 0,8-0,9).

Мифологический характер тезиса о «голодном экспорте» весьма наглядно выступает при сопоставлении стоимости хлебного экспорта и величины питейного дохода. Диаграмма 3, составленная на основании

данных таблицы 6, заставляет задуматься об адекватности наших знаний и представлений о своей истории.

Диаграмма 3. Сопоставление стоимости экспорта всех хлебов и питейного дохода в 1894-1913 гг.

Источники: см.таблицу 6.

На графике питейный доход сравнивается с суммарным экспортом хлебов, семян и жмыхов; я хочу избежать возможных упреков в занижении показателей вывоза.

Нетрудно видеть, что до 1899 г. питейный доход составлял порядка 80-95% стоимости хлебного экспорта, а после 1899 г. лишь в годы больших урожаев — 1909 и 1910 гг. — цена вывезенного хлеба слегка превысила цену выпитой водки, что прямо ставит вопрос о структуре бюджета населения. При этом я не учитывал импорт спиртного.

Таблица 6. Сопоставление ценности хлебного экспорта и размеров питейного дохода в 1893-1913 гг. (тыс.руб.)

Годы	Экспорт хлебов	Вывоз семян и жмыхов	Сумма вывоза с семенами	Величина питейного дохода	Вывоз хлеба к питейно-	Вывоз хлеба с семенами к питейн.

					му доходу (%)	дох. (%)
1893	295776	38960	334736	260729	113,4	128,4
1894	381387	42649	424036	297281	128,3	142,6
1895	335897	56456	392353	308896	108,7	127,0
1896	322455	61298	383753	321803	100,2	119,3
1897	353876	58122	411998	332483	106,4	123,9
1898	370911	42063	412974	391929	94,6	105,4
1893-1898	343384	49925	393308	318853	107,7	123,4
1899	260377	43509	303886	420947	61,9	72,2
1900	306404	53504	359908	434493	70,5	82,8
1901	345030	33417	378447	476007	72,5	79,5
1902	433002	36075	470077	523483	82,7	89,8
1903	480217	38093	518310	576461	83,3	89,9
1899-1903	365006	40920	406126	581533	62,8	69,8
1904	496679	34973	531652	573278	86,6	92,7
1905	568456	35515	603971	639135	88,9	94,5
1906	472222	46368	518590	736898	64,1	70,4
1907	430789	47966	478755	748258	57,6	64,0
1908	379849	59231	439080	748058	50,8	58,7
1904-1908	469599	44811	514410	689125	68,1	74,6
1909	749593	58691	808284	759045	98,8	106,5
1910	747705	67515	815220	811048	92,2	100,5
1911	739065	74308	813373	830796	89,0	97,9
1912	551509	81879	633388	873591	63,1	72,5
1913	593986	69690	663676	952810	62,3	69,7
1909-1913	676472	70417	746788	845458	80,0	88,3

Источники: Ежегодник Министерства финансов на 189... год; Отчет Главного Управления неокладных сборов и казенной продажи питей за 1913 г. Пг., 1914. С.14; Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе за 189... год. СПб.

В 1913 г., последнем предвоенном, питейный доход достиг астрономической цифры в 952 млн.руб., т.е. был лишь на 16 млн.руб. (примерно 1,5%) меньше суммарного бюджета военного, (военно) морского министерств и министерства народного просвещения, притом что бюджет страны в 1913 г. составлял порядка 3,4 млрд.руб. Напомню, что по потреблению алкоголя Россия при этом не находилась в числе европейских лидеров.

Если ситуация, при которой цена выпитой населением водки составляет не 10% и не 20%, а свыше 80-90% стоимости хлебов, вывозимых вторым экспортером мира, а затем свыше 10 лет намного ее превосхо-

дит, может именоваться «голодным экспортом», тогда в толковых словарях русского языка что-то нужно исправлять.

Я не стану сейчас обсуждать феномен удовлетворения человеческих потребностей, столь же сложный, сколь и интересный для понимания любой исторической эпохи. Однако приведенная информация показывает, что более чем вековые народническо- марксистские причитания о несчастной доле крестьянства стоят недорого. Во всяком случае, куда дешевле экспорта картофельной муки.

Впрочем, данные таблицы 6 сами по себе более чем красноречивы.

Статистика говорит о том, что в России, как и во многих странах Европы, с ростом благосостояния населения уже началась постепенная замена ржаного хлеба пшеничным, с понятной региональной «поправкой».

Итак, тезис о «голодном экспорте», точнее о негативном воздействии экспорта хлеба на питание населения России и, в частности, крестьян не находит подтверждения в статистике производства, вывоза и перевозки хлебных грузов, а также других источниках. Преобладающую, и притом перманентно возрастающую роль в торговле хлебом играл внутренний рынок, что абсолютно естественно вытекает из законов рыночной экономики.

Тем не менее, идея «голодного экспорта» оказалась весьма удобной пиар-находкой из разряда — «чем нелепее, тем лучше», и успешно эксплуатируется свыше ста лет, поскольку в течение этого периода потребность в негативном имидже имперской России была высока. Как ни удивительно, но и сейчас есть люди, почему-то именующиеся историками, которые вполне сознательно продолжают ее эксплуатировать.^{vii}

С экспортом связано также несколько «родственных» недоразумений, по-своему отчасти понятных, но плохо сочетающихся с реальной жизнью. Одно из них — идея запрета экспорта в голодные (и не только) годы, которая неоднократно дискутировалась как в России, так и в Европе в соответствующих ситуациях. Это «слишком по-человечески», как любил говорить С.Ю. Витте. Екатерина II, к слову, осудила ее еще в XVIII в.

Однако во второй половине XIX в. за критикой экспорта стояло не только стремление *запретить*, т.е. рефлекторный и понятный порыв защититься от угрозы, свойственный людям во все времена, но и вполне конкретное желание *распределить* вывозимые товары, которое и тогда уже имело совершенно социалистическую окраску. Ведь начиная с Чернышевского, социалистическая интеллигенция всю мечтала о государстве распределения, точнее, мечтала *сама* распределять.

Другими словами, речь шла о том, что государство может прекратить экспорт и распределять хлеб (и вообще все на свете) внутри страны «сверху», подобно тому, как это будет при «военном коммунизме», а потом при «плановом социалистическом хозяйстве», игнорируя не только законы рыночной экономики, но и законы человеческой природы.

По сути, содержанием термина «голодный экспорт» в этом контексте является мысль о том, что нельзя что-то вывозить за рубеж, если не все жители страны потребляют экспортируемые продукты в достаточной степени. Сообразно с этой логикой Германия, условно говоря, должна прекратить экспорт «Мерседесов», поскольку часть немцев ездит на «Фольксвагенах», а некоторые и вовсе ходят пешком.

А, собственно говоря, почему это должно быть так? Если считать это требованиями морали, нравственности, то, на мой взгляд, такие мораль и нравственность весьма сомнительны. Распределяют между рабами и крепостными. А люди *свободные* должны сами зарабатывать на то, что хотят потреблять.

Апологеты распределительной системы считают, что если, предположим, у кого-то не хватает молочных продуктов для ребенка, то вывоз масла за границу аморален. Точка зрения не слишком основательная.

Во-первых, сначала нужно выяснить структуру бюджета недоедающей семьи, определить, на что она тратит деньги, понять уровень понимания родителями своих обязанностей по отношению к детям и меру их ответственности за свою семью, а уже потом переходить к обобщениям макроисторического и макроэкономического масштаба. У многих присутствующих, полагаю, есть знакомые, которые обожают жаловаться на свою трудную жизнь, но при этом далеко не используют те возможности, которые есть у них для того, чтобы эту жизнь улучшить. Всегда есть люди, которым проще оправдывать свои недостатки несовершенством окружающего мира.

Во-вторых, наивно думать, что количество товаров на рынке не зависит от степени уверенности производителей в том, что они продадут свою продукцию. Кто сказал, что при отсутствии сколько-нибудь гарантированного рынка сбыта, объем производства того или иного товара будет на том же уровне, что и при наличии такового? Что, например, то масло, которое вывозится якобы в ущерб чьему-то питанию, было бы выработано?

Спрос рождает предложение. И когда у сибирского маслоделия на рубеже веков появился новый рынок сбыта в Англии, чем сибиряки до сих пор с полным основанием гордятся, это стало приносить больший доход тем крестьянам, которые его производили. Подобные примеры есть под

рукой у всех нас — вспомним, хотя бы варианты придорожных торговли и питания, что на шоссейных, что на железных дорогах. Кто будет строить шашлычную на проселке?

Возьмем историю хлопководства в Средней Азии. Когда, наконец, был определен сорт американского хлопка, который мог успешно культивироваться в Туркестане, потребовались прицельные усилия правительства в первую очередь в таможенной и налоговой сферах, чтобы сделать хлопок привлекательной для дехкан культурой, поскольку производить хлеб и кормовые травы поначалу было выгоднее. Как только были созданы условия, сделавшие производство хлопка более прибыльным, чем выращивание хлеба и люцерны, — появилось отечественное хлопководство.

Еще раз повторю, что рынок, неважно — внешний или внутренний — создает для крестьян стимул производить, работать больше и пр. Они готовы приложить дополнительные усилия, если они будут хоть как-то вознаграждены, а если нет — зачем работать? Кровавый кризис продразверстки и переход к НЭПу, а также все кризисы хлебозаготовок в 1920-е годы, кажется, доказали это более, чем определено.

А какой процент потребляемых в советское время продуктов давали приусадебные участки?!

Кстати, пореформенная Россия имела опыт запрета экспорта хлеба — во время голода 1891 г. Он оказался весьма печальным^{viii}.

Продовольственная помощь правительства

Перейдем к смежному сюжету — к характеристике продовольственной помощи населению, т.е. к системы правительственных мероприятий, призванной обеспечить питание населения в неурожаях, которыми руководила Сельская продовольственная часть МВД.

Народники, затем советская историография, а теперь и новая генерация поклонников «Отца всех народов, кроме репрессированных», обожают рассуждать о голодовках в царской России, однако упорно игнорируют наличие в стране продовольственной системы, продовольственного законодательства, которое обеспечивало питание жителей страны в неурожайные годы. Игнорируют, понятно, для удобства — «антинародное» государство, обрекающее свое население на нищету, по определению не может заботиться об этом населении.

Любой, кто не знаком с этой проблематикой специально, но со школы знает о народных страданиях, о «голодном экспорте» (а кто о них не знает?), совершенно естественно полагает, что царизм выкачивал из де-

ревни хлеб — наподобие того, как это делала советская власть — обрекая на голодовки миллионы крестьян, и никаким образом не заботился о борьбе со *стихийными* бедствиями в виде частых неурожаев.

Однако, во-первых, до 25 октября 1917 г. у правительства в принципе не было возможности что-либо «выкачивать» из населения, помимо налогов. Кроме того, в России тогда не было монополии внешней торговли, т.е. хлеб продавало не правительство, а частные лица.

Во-вторых, имперская власть на деле тратила значительную часть государственного бюджета на продовольственную помощь, чего интеллигенция как бы и не замечала, точнее, обращала на это свое высокое внимание лишь для того, чтобы снова и снова обличать Власть в некомпетентности. И этот заговор молчания, как и идея «голодного экспорта», оказался вполне успешным.

***Между тем без учета феномена продовольственной помощи по-
нять пореформенную Россию невозможно.^{ix}***

Продовольственная помощь существовала при крепостном праве. На барине, по закону, лежало две основных обязанности в отношении крестьян — он не должен был допускать их до нищенства и обязан был кормить в голодные годы.

После издания Продовольственного устава 1864 г. правительство много лет словом и делом убеждали население в том, что помощь государства при неурожае оказывается только в виде ссуды, которую ему придется позже возместить — «всякая идея безвозвратных пособий, даровой кормежки, самым энергическим образом отвергалась — население получало ссуды под ответственностью земств, которым было предоставлено их распределение среди нуждающихся, — и фактически их возвращало»

Власть считала, что несправедливо, если ресурсы казны, пополняемые за счет всего населения страны, будут служить для содержания одной его части на средства, собираемые с другой*. В 1864-1890 гг. продовольственный устав, с некоторыми дополнениями, действовал в полном своем объеме, без принципиальных отступлений от его духа.

Все изменилось после страшного по тем временам голода 1891-1892 гг.

Он стал тяжелым испытанием для страны. Бедствие в разной степени затронуло 27 губерний. На помощь населению казна израсходовала, как минимум, 172 млн.руб. (63,2% расходов Империи на оборону в этом году^{xi}).

Для понимания многого из того, что случится в стране в последующую четверть века, и, в частности, специфики формирования иждивенческой психологии крестьянства в конце XIX — начале XX вв., о которой так много пишут **непартийные** авторы, крайне важно следующее.

Несмотря на стремление властей соблюдать определенные принципы (правила) в продовольственной помощи, «весть о «способии», о «Царском пайке», широко распространялась по всему пространству пострадавший, губерний и внушила населению глубоко в него внедрившуюся мысль о том, что оно имеет право на пособие, что Правительство обязано его кормить, и притом всех без разбора. На каждое исключение кого бы то ни было из списков нуждающихся крестьяне стали смотреть уже как на притеснение на злоупотребление. Более того, во многих местах распространялось убеждение, что Царь прислал деньги на помощь всем, поровну, а если кому не дают, то это значит чиновники, либо помещики часть царских денег утаили, себе присвоили. Бывали случаи самых назойливых со всевозможными угрозами, требований от лиц, заведовавших раздачей хлебных ссуд и даже оказывавших населению благотворительную помощь на частные, иногда собственные средства»^{xii}.

Власть вступила на путь, который органично укладывался в привычную патерналистскую схему ее отношений с подданными — она начала списывать десятки миллионов рублей продовольственных долгов и облегчать условия возврата ссуд.^{xiii}

Другими словами, правительство не просто спасло десятки миллионов людей от голода и неурожаев. ***Оно фактически приняло на себя ответственность за стихийные бедствия.***

Понятно, что следствием этого был прямой рост социального иждивенчества немалой части населения.

В отчете Управления сельской продовольственной частью МВД говорится: «Население все более и более приучалось смотреть на предъявляемые к нему местными крестьянскими учреждениями требования об уплате продовольственных долгов как на исполнение пустой формальности, а на полученные им ссуды, как на безвозвратное пособие — «Царский паек»»^{xiv}.

Но только ли стихия была повинна в том, что неурожаи превратились в обыденный факт российской жизни конца XIX — начала XX вв.?

Компетентные современники отвергали этот взгляд и связывали неспособность крестьян противостоять неурожаем с уравнильно-переделной общиной и с волной переделов земли, захлестнувших общинные черноземные губернии в 1880-х гг.^{xv}

Таблица 7. Губернии, получавшие наибольшие ассигнования на продовольственную помощь в 1891-1908 гг.

Губернии	Ассигнования из общеимперского продовольственного капитала и средств Государственного Казначейства		Долги общеимперскому продовольственному капиталу на 1 января 1909 г.		Вся совокупность долгов населения губернии на 1 января 1909 г.		Задолженность населения в продовольственные капиталы на 1 января 1912 г.	
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%
Самарская	64473	13,2	29810	14,1	35939	11,6	25030	12,0
Саратовская	60709	12,4	23131	11,0	28732	9,3	22181	10,7
Казанская	52365	10,7	21775	10,3	25672	8,3	20195	9,7
Симбирская	32134	6,6	12714	6,0	16742	5,4	12533	6,0
Уфимская	28282	5,8	11205	5,3	13487	4,4	9687	4,7
Тамбовская	27561	5,6	11500	5,5	15544	5,0	9228	4,4
Воронежская	26518	5,4	12981	6,2	19299	6,2	12093	5,8
Тульская	24755	5,1	12343	5,9	14838	4,8	12340	5,9
Пензенская	24495	5,0	10957	5,2	13870	4,5	10131	4,9
Нижегородская	19926	4,1	8950	4,2	11773	3,8	9775	4,7
Вятская	18979	3,9	8223	3,9	12695	4,1	5457	2,6
Орловская	16920	3,5	8754	4,2	11424	3,7	9580	4,6
Рязанская	16544	3,4	5544	2,6	8744	2,8	6180	3,0
Оренбургская	12758	2,6	2388	1,1	2813	0,9	2514	1,2
Пермская	9097	1,9	1073	0,5	3539	1,1	1286	0,6
Псковская	8542	1,7	3449	1,6	5366	1,7	3537	1,7
Херсонская	7084	1,5	3283	1,6	5243	1,7	3917	1,9
Курская	5201	1,1	587	0,3	3547	1,1	755	0,4
Всего в 18 губерниях	456343	93,5	188667	89,5	249267	80,5	176419	84,8
Сумма по Империи	488145	100	210750	100	309500	100	208116	100

Источник: Ермолов А.С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. СПб., 1909. Т.2. С.7-28; Отчет по продовольственной кампании 1910-1911 гг. Управления сельской продовольственной частью МВД. СПб. 1912. С.102-103.

Таблица 7 дает представление о размерах правительственных ассигнований на продовольственную помощь в 18 наиболее нуждавшихся губерниях, население которых «всего чаще и всего больше пользовалось казенными воспособлениями, многие годы состоя, так сказать, на казенном иждивении», получив 93,5% зафиксированной А.С. Ермоловым, министром земледелия Александра III и Николая II, гигантской суммы про-

довольственной помощи в без малого полмиллиарда рублей^{xvi}. (Напомним, что «Большая флотская программа» оценивалась в 430 млн.руб.). И хотя населению этих губерний были прощены и списаны со счетов громадные суммы, на него приходилось почти 90% долга общеимперскому капиталу и свыше 80% общей продовольственной задолженности населения Европейской России. Все это были общинные и в основном черноземные губернии.

И, напротив, губернии, не получавшие помощи от правительства, — в подавляющем большинстве губернии с подворным землевладением (Гродненская, Ковенская, Могилевская, Московская, Подольская, Полтавская, Лифляндская, Курляндская, Эстляндская и губернии Царства Польского, на которые «впрочем, и не распространяются никакие правила нашего продовольственного устава»^{xvii}

Общий вывод Ермолова таков — общая сумма долгов и разнообразных пособий, получаемых от правительства **«тем больше, чем богаче и плодороднее почва, которую население возделывает, и обратно. Точно также, на первом плане тут стоят губернии с общинной формой землевладения»**^{xviii}.

О том, насколько наши представления о «голоде в царской России» далеки от того, что вкладывали в этот оборот сто лет назад, можно судить хотя бы по следующим примерам.

Во время неурожая 1906-1907 гг., который охватил даже большую территорию, чем голод 1891-1892 гг., продовольственная помощь оказывалась населению 32-х губерний, однако наиболее пострадавшими были 12 из них.

Понятно, насколько важной характеристикой экономического состояния населения является брачность. Так вот, из этих 12-ти губерний снижение брачности в 1906-1907 гг. отмечается в четырех — в Нижегородской, Оренбургской, Самарской, и Уфимской, а в остальных — Казанской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской и Тульской брачность в той или иной степени повышается.^{xix}

Ермолов приводит погубернские данные о поступлении питейного дохода за 12 месяцев 1906–1907 г. в сравнении с двумя такими же предшествующими периодами по этим же губерниям. За период с 1 мая 1906 г. по 30 апреля 1907 г. доход от казенной продажи питей составил 130505 тыс.руб., за тот же период 1905–1906 г. – 129943 тыс.руб., за тот же период 1904–1905 г. – 115454 тыс.руб. соответственно.

Таким образом, за голодный год население истратило на водку в этих бедствовавших губерниях на 562 тыс.руб. больше, чем в предыдущий год, и на 15051 тыс.руб. больше, чем за такой же период 1904–1905 г. Ер-

молов резюмирует: «В кампанию 1906–1907 гг. было израсходовано на ссудную помощь населению в тех 12-ти губерниях, о которых здесь идет речь, 128329 т.р. Пропито же в них за 12 мес., с 1 мая 1906 г. по 30 апреля 1907 г. вина на сумму 130505 т.р., т. е. на 2176 т.р. более той суммы, которую население в этих губерниях получило за предохранение его от голода и на обсеменение его полей»^{xxx}.

Оценить масштаб этих цифр будет проще с учетом того, что крейсер «Варяг» обошелся России в 4,2 млн. руб.^{xxxi}, что броненосец типа «Полтава» стоил 10,7 млн.руб., а типа «Бородино» — 14,6 млн.руб. В «Истории СССР с древнейших времен» говорится, что стоимость кораблей и вооружений, потерянных в ходе русско-японской войны, оценивалась почти в четверть млрд. рублей.^{xxxi} К.Ф. Шацилло оценивал стоимость потерянных кораблей в 230 млн.руб., а с учетом флотского оборудования Порт-Артура — в 255 млн. руб.^{xxxi} То есть, порядок затрат понятен.

Другими словами, сказанное следует понимать так, что жители лишь 12-ти (!) из 90 губерний и областей России всего за два года (при том, что для большинства этих губерний оба года были неурожайными) выпили водки на сумму, превышающую стоимость большинства боевых кораблей Балтийского и Тихоокеанского флотов Империи вместе взятых, а также вооружений, уничтоженных и захваченных японцами в Порт-Артуре и др.

Отчет МВД сообщает, что из 32-х губерний душевое потребление водки с 1 июля 1906 по 1 июля 1907 г. сравнении с тем же периодом предыдущего года уменьшилось в восьми губерниях, в одной осталось на том же уровне и в 23-х выросло.^{xxiv}

Кроме того, Ермолов считает важным подчеркнуть, что «наряду с такой печальной стороной русской народной жизни, как потребление вина на десятки миллионов рублей в то самое время, когда более или менее значительная часть населения находилась в состоянии полной нищеты и даже голодала, и во всяком случае не могла обходиться без правительственной и частной помощи», зафиксировано поступление больших сумм денег в тех же пострадавших от неурожая губерниях в сберегательные кассы»^{xxv}.

Что же следует из описания разными источниками продовольственной кампании 1906-1907 гг.?

В первую очередь нужно отметить, что приведенные выше факты рисуют картину, разительно отличающуюся от того, что мы знаем о 1921-1922 гг., 1932-1933 гг. и 1946-1947 гг.

Источники говорят о том, что на фоне неурожая 1906 г. и нужды части — но отнюдь не всего — населения даже и в пострадавших губерни-

ях «происходит жизнь» во всей своей полноте. Причем в 1905-1906 гг. она далеко выходит за пределы нормы — не только из-за «аграрных беспорядков, погромов, разбоев, грабежей», вызвавших своеобразную «приподнятость населения» (оборот Отчета МВД^{xxvi}), но и в связи с окончанием бессмысленной войны, с возвращением солдат с фронта, со свадьбами и многим другим. Люди, несмотря на неурожай, продолжают печалиться и радоваться, как они это и делают всегда.

Да, есть болезни, которые всегда возникают при истощении организма и с которыми борются медики. Но нет смертей от того, что *нет пищи*. И главное — нет населения, брошенного своим правительством на произвол судьбы, населения, оставленного один на один с природным (а не созданным специально) катаклизмом, как это было в 1932-1933 гг. и 1946-1947 гг.; в 1921-1922 гг. страну спасла прежде всего американская организация АРА, с которой большевики, скрепя сердце, пошли на сотрудничество.

Добавлю, что в случае неурожая железнодорожные перевозки людей и грузов производились бесплатно, или по льготным и пониженным тарифам.

Как рождался миф о голоде

Учащение неурожаяв давало общественности новые желанные поводы для обвинения правительства в несостоятельности, и она использовала эти возможности весьма продуктивно.

В силу этого широчайшая продовольственная помощь, которой ведало МВД, была для СМИ неиссякаемым источником самых разнообразных и нередко бесстыдных инсинуаций. Очень часто газетные сообщения оказывались неверными. Об этом можно и нужно писать не одну диссертацию.

В Отчете по продовольственной кампании 1911-1912 гг. есть специальный раздел «Периодическая печать», в котором наглядно демонстрируются приемы российской прессы того времени. Приведу лишь один фрагмент из него. С декабря 1911 г. в СМИ стали «появляться телеграммы о случаях смерти от недоедания, а также о самоубийствах, вызванных голодом, и, наконец, было сообщено о распродаже голодными крестьянами детей киргизам. По сообщениям этим производились самые тщательные проверки не только местным губернским начальством, но проверялись они и при командировках на места чинов центральных учреждений, на которых возлагались особые поручения по продовольственному делу. Все эти сообщения оказались неверными.

Так, например, крестьянин Леонтий Павлов, якобы три дня просившийся на общественные работы и не принятый, умерший к вечеру третьего дня от голода, как оказалось, долгое время страдал одышкой, и, имея сына — хорошего работника и не нуждаясь, сам от работ по болезни отказался; умер скоропостижно.

Оказалось неверным и сообщение о смерти, удостоверенной якобы вскрытием, от питания одной гнилой картошкой трех детей с. Киязлы. Ничего общего с голодом не имели также причины смерти крестьян Березкина и Куликова.

Не подтвердилось и известие о смерти двух детей от голода в с. Сокуре. Духовенство, земский врач, смотритель земского училища и члены волостного попечительства заявили, что таких случаев не было, а размер оказанной населению Сокур помощи указывает, что таких случаев и не могло быть.

Сообщения о смерти от голода в поселке Грузинове, Саратовского уезда, проверить не удалось, так как такого поселка в данной местности не оказалось(!)...

Точно также не подтвердились и корреспонденции о самоубийствах от голода.

Крестьянин Калмыков, о котором сообщалось, что он, голодая, пошел «в кусочки», а ничего не собрав, вернулся домой и повесился, оказался рабочим, живущим на готовых харчах в экономии помещика Устинова, получающим жалованье и совершенно не нуждающимся и никогда нищенством не занимавшимся. В виду семейного разлада и в сильно нетрезвом виде, Калмыков взял веревку и заявил, что пойдет вешаться, но его во время успели остановить.

Порезнов, о котором сообщалось, что он повесился, оказался жив и заявил, что о своем якобы покушении на самоубийство он узнал из газет...

Ничего общего с неурожаем, конечно, не имело и самоубийство алкоголика- живописца, покушавшегося на самоубийство в г.Саратове.

Большое впечатление произвела телеграмма из Оренбурга следующего содержания. «Врач отряда официально сообщает о том, что в поселке Денисовском Кустанайского уезда голодные крестьяне, не получая помощи, в отчаянии распродают своих детей киргизам».

Оказалось, что указанное сообщение действительно было сделано, но не врачом отряда, а переселенческим пунктовым фельдшером Сатуниным, который сделал его, побывав в конце ноября в поселках Денисовском, Коломенском, Гришинском и Карпыковском.

Дознанием, проведенном во всех посещенных Сатуниным поселках, установлено, что случаев продажи переселенцами своих детей киргизам ни одного не было, разговор же об этом возник в виду того, что крестьянин поселка Карпыковского, Михаил Перетянин, явившись 7 ноября в сельскую управу, требовал выдачи ему продовольственного пособия, назначенного в виду производившихся в то время общественных работ только семьям, не имеющим рабочих. И получив отказ, демонстративно грозил продать своего двенадцатилетнего сына бывшему у него в гостях киргизу Аяцкой волости Мандобеку Калманову, будто бы согласившемуся на эту покупку.

Этот прием понравился всему поселку, включившему 8 ноября эту угрозу в свой приговор, представленный крестьянскому начальнику 14 ноября, с ходатайством о выплате продовольствия. Поселок Карпыковский, имеющий 182 двора, заработал в течение осени 4156 руб. 76 коп. на общественных работах, а с 19 декабря, как и все перечисленные выше, получал продовольственную ссуду. В течение же первой половины 1911 года получил 31500 рублей деньгами домообзаводственных ссуд.

Крестьянин Перетянин перед описанным случаем два месяца служил возчиком казенного обоза, получая 18 рублей в месяц казенного жалования. Фельдшер Сатунин объяснил, что основанием для донесения ему послужил случай с крестьянином»^{xxvii}. Число подобных примеров легко умножить.

Вот так российская пресса формировала у читателей картину окружающего мира.

Кстати, в свете сказанного особенно ясна несостоятельность идеи о том, что правительство пренебрегало общественным мнением. Поскольку в стране была реальная свобода слова, то власть постоянно была под микроскопом и под прицелом одновременно.

Однако становление гражданского общества — процесс двусторонний. Но о чем можно говорить, если каждый мелкий промах власти фиксировался со злорадным удовлетворением, если журналистская доблесть виделась в нагнетании апокалиптической атмосферы?!

Статистика против публицистики: платежи и недоимки

Следующий из основных догматов традиционной историографии заключается в том, что российское крестьянство платило слишком большие прямые налоги и выкупные платежи, и это серьезно ухудшало его материальное положение.

В качестве доказательства обычно приводятся два аргумента. Первый — это постоянный рост крестьянских недоимок.

Попробуем разобраться.

После 1855 г. в налоговой стратегии правительства происходят важные изменения. Значительно упало значение прямых налогов в бюджете вообще, центр тяжести был перенесен на косвенное налогообложение, усилилось обложение имущих классов и др. Александр III в 1880-х гг. уменьшил выкупные платежи, а затем отменил подушную подать и соляной налог. Все это в совокупности резко уменьшило крестьянские платежи^{xxviii}.

Однако недоимки продолжали расти, и оппозиция настаивала на том, что это «служит ясным доказательством непосильности для населения лежащего на нем податного бремени...»^{xxix}

Между тем причины парадоксальной ситуации, когда, несмотря на уменьшение налогового бремени и невзирая на экономическую конъюнктуру, недоимки продолжали расти, причем *чем меньше становился размер платежей, тем хуже шло их поступление* в казну, лежали в совершенно иной плоскости.

Анализ структуры окладов и недоимок как по всем окладным сборам, так и по недоимкам по выкупным платежам для каждой из категорий крестьян по 50-ти губерниям Европейской России за 1897-1901 гг. (из них 1897, 1998 и 1901 гг. в ряде губерний были неурожайными) привел к следующим выводам.

Таблица 8. Окладные сборы, выкупные платежи и недоимки по ним в губерниях с наибольшей задолженностью на 1 января 1898 г. (тыс.руб. и %)

Губернии	ОКЛАДНЫЕ СБОРЫ					НЕДОИМКИ				
	Всего окладн. плате- жей	Всего выкуп- ных плате- жей	Баланс выкупных платежей (%)			По всем оклад- ным плате- жам	По выкуп- ным плате- жам	Баланс по выкупным платежам		
			Быв- шие госуд. крест.	Быв- шие по- мещ. кр.	Быв- шие удельн . кр.			Быв- шие госуд. крест.	Быв- шие по- мещ. кр.	Быв- шие удельн . кр.
Казанская	3765	3493	89,8	8,8	1,4	12911	12865	87,2	11,9	1
Самарская	3506	3197	77,3	8,4	14,2	10728	10662	77,9	10,2	11,8
Воронеж- ская	4960	4587	82,2	17,8	0	9064	8987	81,2	18,8	0
Нижего- родск.	2438	2208	32,6	62,6	4,8	8214	8158	32,9	63,9	3,3

Орловская	3473	3149	45,7	50,1	4,2	6520	6345	56,2	43,3	0,5
Там- бовская	4774	4384	68,1	31,9	0	6249	6120	63,4	36,6	0
Пензен- ская	2715	2499	62,1	37,9	0	5540	5522	59,6	40,4	0
Тульская	2730	2480	23,3	76,7	0	5361	5307	28,3	71,7	0
Мо- сковская	4074	2123	39,2	55,5	5,3	4725	4637	29,3	67,1	3,6
Рязанская	3145	2897	44,7	55,3	0	4637	4595	47,1	52,9	0
Саратовск.	3278	3283	67,6	28,4	4	4619	4547	66,9	28,5	4,6
Симбир- ская	1987	1770	11,6	43	45,4	4092	4081	16,5	48,2	35,3
Орен- бургск.	885	797	95,1	4,5	0,4	3904	3881	93,1	6,3	0,6
Пермская	3283	3118	81	17,4	1,5	3713	3691	97,9	2	0,1
Курская	4423	4106	68,6	31,4	0	3424	3382	82,2	17,8	0
Уфимская	932	797	69	22,7	8,3	2848	2831	65,5	32,7	1,8
Харьковск.	4419	3666	79,4	20,6	0	1985	1942	93,9	6,1	0
Псковская	1143	1051	44,5	55,5	0	1111	1101	35,1	64,9	0
Всего 18 губ. (т.р.)	55930	49605	31237	16462	1906	99645	98654	63053	32024	3577
Всего 18 губ.(%)		100	63,0	33,2	3,8		100	63,9	32,5	3,6
Доля 18 губ. (%)	49,3	51,3	59,2	40,2	64,3	93,9	95,1	96,2	92,8	98,2
Всего 50 губ. (т.р.)	113448	96731	52774	40991	2966	106133	103707	65548	34517	3642
Всего 50 губ. (%)	100	100	54,6	42,4	3,1	100	100	63,2	33,3	3,5

Источник: Источник: Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С.102-113, 117. Подсчеты автора

Во-первых, из таблицы 8 видно, что на 18 губерний с задолженностью более 1 млн.руб., на которые падало около половины окладных сборов (49,3%) и выкупных платежей (51,3%) по 50-ти губерниям Европейской России, приходилось 93,9% всей суммы недоимок по окладным сборам и 95,1% по выкупным платежам (причем шесть первых губерний сконцентрировали 50,6% и 51,2% долгов соответственно).

Во-вторых, 16 из этих 18-ти губерний фигурируют в таблице 7, среди общинных губерний, получавших наибольшие объемы правительственной продовольственной помощи в конце XIX — начале XX вв.

Симптом вполне очевидный, и правоту общинного «диагноза» убедительно подтверждает наличие в списке должников Московской губер-

нии. Это — сюрприз. Ведь она **ни разу** не просила продовольственной помощи. И вообще мысль о том, что крестьяне Подмосковья, имевшие уникальные возможности для заработка в крупнейшем городе страны, могут нуждаться, кажется чересчур оригинальной.

Причины этого явления указал П.П. Дюшен, раскрывший на примере Бронницкого уезда прямую связь между упадком крестьянских хозяйств столичной губернии и господством общины и одновременно показавший, что «всюду замечаемое нравственное одичание крестьян несомненно происходит от разлагающего влияния мирских порядков. **Подчиняясь роковой власти, крестьянин внутри своей души не может не признать безобразный мирской приговор правильным и, сознавая свою беспомощность, начинает верить в господство зла.** Безнравственное влияние мира отражается и на семейных отношениях крестьян: случаи самого недостойного поведения детей по отношению к своим родителям составляют обычное явление в деревне»^{xxx}.

То есть, причины задолженности московских (и не только) крестьян надо искать в общине, а не в таких внешних признаках их жизни, как размеры наделов, выкупные платежи и т.д.

Пример Московской губернии, полагаю, — лучшее доказательство того, что недоимки **не** являются свидетельством нужды и что между размерами податей, объемом долгов и экономическими условиями, в которых находятся крестьяне разных губерний, связи нет.

Затем я провел аналогичный анализ по всем 187 уездам, входившим в состав указанных 18-ти губерний.^{xxxx} Оказалось, что и между уездами одной и той же губернии долги распределялись далеко не равномерно — были уезды совсем не имевшие задолженности, и были уезды с большими долгами (10% и более для конкретной губернии). В итоге оказалось, что на 71 уезд с суммарным окладом в 25075 тыс.руб., т.е. 22,1% оклада 50-ти губерний пришлось 73940 тыс. руб., т.е. 69,7% всех недоимок по окладным сборам неурожайного 1897 г., и 84554 тыс. руб., или 67,6% суммы недоимок в 50-ти губерниях также неурожайного 1901 г.

71 уезд — это лишь 14,2% всех уездов 50-ти европейских губерний. И, полагаю, намного ближе к истине утверждение, что крестьянская задолженность была велика в каждом седьмом уезде Европейской России, нежели «почти» в каждой третьей ее губернии, и уж тем более у крестьян всей страны.

Сказанное позволяет понять примитивные, но действенные махинации народников со статистикой при обсуждении положения крестьян. Им **нужно** было доказать, что **все** крестьянство России угнетено платежами, о чем якобы говорят растущие недоимки. Однако недоимки фик-

сируются лишь в 18 губерниях из 50-ти, и притом самых дорогих их сердцу — общинных. Поэтому они без лишних душевных терзаний вводят, условно говоря, «круговую поруку» и делают крестьян остальных губерний Европейской России ответственными за неплатежи своих компатриотов, не боясь, что их поймают за руку.

А теперь обратимся к вопросу о том, почему растут недоимки в общинных губерниях.

Коренная причина заключалась в несовершенстве крестьянского податного законодательства,^{xxxii} т.е. в самой системе сбора податей, построенной на круговой поруке. Эта система в конкретных условиях развития пореформенной общины оказалась порочной, потому что стимулировала проявление сходами худших качеств «управляемой» охлократии и потому, что хорошие работники часто должны были платить за лодырей и пьяниц.

Безусловно, в отдельных случаях недоимки отражали факт хозяйственной слабости крестьян. Однако в подавляющем большинстве случаев природа недоимок была другой.

Сельские общества и должностные лица крестьянского управления оказались совершенно не готовы к ведению правильной податной деятельности.

К сожалению, в 1861 г. «общинный романтизм» не позволил реформаторам понять, что создаваемое ими крестьянское самоуправление и те способы, какими они надеялись обеспечить исправное поступление в казну крестьянских платежей, мало соответствовали интеллектуальному и правовому развитию миллионов вчерашних крепостных.

Круговая порука привела, в частности, к тому, что «население отвыкло от правильного отбывания лежащих на нем податных обязанностей; подати перестали уплачиваться своевременно; даже наиболее состоятельные домохозяева приучились оттягивать платежи до последней возможности и из опасения, что всякая предварительная и своевременная очистка оклада может навлечь на них последующее взыскание в силу круговой ответственности, вносили подать не иначе, как по настоятельному требованию властей.

Недоимка при таких условиях стала явлением обычным, сделалась как бы неотъемлемою принадлежностью крестьянского податного дела; в большинстве случаев она вовсе не знаменует собою расстройства платежных сил населения и, по удостоверению земских исследователей народного быта, не находится в строгом и правильном соответствии ни с размерами обеспечения крестьян надельною землею, ни со степенью обременения их платежами»^{xxxiii}.

Таким образом, недоимки — вовсе не доказательство упадка крестьянских хозяйств даже в общинной части России. Это свидетельство несовершенства и несправедливости существующей системы взимания податей, основанной на круговой поруке, которой крестьяне пытались сопротивляться, как могли.

При этом задолженность богатых крестьян и должностных лиц крестьянского управления была «явлением повсеместным и притом весьма распространенным», и в литературе есть масса фактов, с которыми полезно будет ознакомиться современным певцам народных страданий.

Вообще в этой теме переплетаются несколько психологических стратегий, что вообще свойственно людям при решении их денежных проблем. Неправильно представлять крестьян людьми, которые каждую минуту только и мечтали немедленно платить по счетам. По самым разным причинам люди, как известно, весьма часто склонны оттягивать платежи. В этом крестьяне не слишком сильно отличались от многих из нас.

При этом в проблеме крестьянских долгов есть один чрезвычайно важный аспект.

В течение XVIII-XIX вв. население России привыкло к тому, что правительство часто прощает долги. Вполне естественно, что у множества крестьян такие действия Власти сформировали вполне определенное отношение к проблеме налогов — они не всегда торопились платить. Долги по продовольственной помощи были больше долгов по выкупным платежам, но правительство, тем не менее, их списывало в объеме сотен миллионов рублей, как не раз делало это, хотя и в меньшем объеме, и в предыдущие полтора столетия. Почему же крестьянам нельзя было думать, что оно когда-нибудь в будущем не спишет и недоимки по выкупу?

Надежда на это была вполне понятной и, как известно, в 1905 г. оправдалась — с 1907 г. выкупные платежи были отменены.

Связь плачевного положения части отечественного крестьянства с общиной, полагаю, лишний раз подтверждается бурным развитием землеустройства в большинстве из упомянутых 17-ти губерний в годы аграрной реформы Столыпина (в Оренбургской землеустройство не велось). Они сконцентрировали 38,4% личных ходатайств, 60,9% групповых и 50,1% всех ходатайств вообще, поданных в 47 губерниях.^{xxxiv} Источники показывают, что множество крестьян просто «побежало» из общины.

Далее. Помимо роста недоимок, стандартным доказательством тяжелого положения крестьян являются так называемые вынужденные осен-

ние продажи крестьянами хлеба собранного урожая. Вынужденными они считаются потому, что позже, весной крестьяне нередко должны были покупать хлеб по более высокой цене.

У традиционной историографии есть один вариант объяснения этого феномена — крестьянам были нужны деньги для уплаты «непосильных» налогов и выкупных платежей.

В принципе — трудно сомневаться, что иногда имели место именно вынужденные продажи и именно для уплаты окладных сборов.

Однако палитра осенней жизни подавляющего большинства крестьян отнюдь не исчерпывалась платежом податей.

Прежде всего, октябрь-ноябрь и январь-февраль — это месяцы, когда заключалось наибольшее количество браков.^{xxxv} Трудно поверить в то, что сто лет назад народникам это было неизвестно, однако, рассуждая об осенних продажах крестьянами хлеба, они почему-то забывали упомянуть об этом факте.

Помесячная статистика продажи водки (таблица 9) показывает, однако, что резкий рост потребления начинается уже в сентябре, но кто может упрекнуть крестьян за то, что таким образом они фиксировали окончание годовичного цикла сельскохозяйственных работ? По стране в целом в 1912 г. среднемесечное потребление водки в феврале-августе составляет 7121,3 тыс.ведер, а в сентябре-январе — 9335 тыс. ведер, т.е. на 31,1% больше. «Праздник урожая» — это вовсе не выдумка историков и этнологов. Так устроены люди.

В силу этого сентябрь-январь были временем наибольшего потребления спиртного в России, о чем можно судить по данным таблицы 9, и региональные различия устанавливаются именно в зависимости от размеров потребления водки в эти месяцы, которая при равномерном потреблении должна была бы равняться 41,7%.

Таблица 9. Продажа казенных питей по месяцам и районам акцизных управлений в 1912 г. (тыс. ведер в 40 градусов)

месяцы	Всего по России		Среднечерноземный		Восточный		Петербургское		Московское	
	тыс.ведер	%	тыс.ведер	%	тыс.ведер	%	тыс.ведер	%	тыс.ведер	%
январь	8815,9	9,1	1308,1	8,5	882,9	8,6	362,0	7,4	418,2	7,5
февраль	6011,6	6,2	954,7	6,2	581,7	5,7	331,8	6,8	374,8	6,7
март	7058,2	7,3	984,8	6,4	638,8	6,2	405,2	8,3	458,9	8,2
апрель	7033,3	7,3	1027,1	6,7	618	6,0	371,5	7,6	420,7	7,5
май	7931,9	8,2	1131,1	7,4	788,4	7,7	406,5	8,3	457,4	8,2

июня	7187,4	7,4	1073,2	7,0	745,9	7,3	390,8	8,0	453	8,1
июль	6960,9	7,2	1046,8	6,8	698	6,8	380,7	7,8	450,8	8,1
август	7665,7	7,9	1171,2	7,7	765,3	7,5	439,6	9,0	508,6	9,1
сентябрь	9314,4	9,6	1607,6	10,5	1118	10,9	455,3	9,3	546	9,8
октябрь	9817,4	10,2	1807,7	11,8	1252,9	12,2	466,0	9,5	498,9	8,9
ноябрь	9051,6	9,4	1667,6	10,9	1101,9	10,8	419,0	8,5	462,1	8,3
декабрь	9674,2	10,0	1523,3	10,0	1046,1	10,2	482,2	9,8	541,7	9,7
Всего	96522,4	100,0	15303,2	100	10238	100	4910,6	100	5591,1	100
IX-I месяцы	46673,5	48,4	7914,3	51,7	5401,8	52,8	2184,5	44,5	2466,9	44,1

Источник: Финансовый отчет по казенной винной операции за 1912 год. СПб., 1913. Ведомость XIX. Подсчеты автора.

В 1912 г. великий пост начался с первых чисел февраля, и поэтому февраль дал наименьшую величину потребления водки. Если же великий пост приходился на март, то статистика несколько менялась.

Однако у крестьян обоего пола, как и у любых людей, были и другие материальные потребности, помимо веселья. И поскольку они были земледельцами, то довольно естественно, что, желая получить деньги для новых покупок, они продавали полученную в своем хозяйстве продукцию на рынке, даже если им потом приходилось переплачивать несколько копеек за хлеб. Ведь хлеб, как показывает таблица 9, в рассматриваемый период явно не был главной расходной частью их бюджета. Полагая, интуитивно они понимали одно из «золотых правил бизнеса», теорию «временной ценности денег», понимали, что нынешние 10 рублей ценней 10-ти рублей через три месяца.

Таким образом, идея «вынужденных осенних продаж» применительно к подавляющему большинству крестьян также не выдерживает критики. Это слишком примитивная попытка понять и объяснить жизнь крестьян, исходя из собственных абстрактных («городских») представлений о степени рациональности жизни. У миллионов крестьян эти представления во многом были другими.

Итак, взгляды традиционной историографии на весь комплекс проблем крестьянских платежей, на проблему недоимок и др. несостоятельны.

Мы отчетливо видим стремление правительства к снижению налогового бремени, которое лежало на крестьянстве, желание найти оптимальный вариант выплаты населением окладных сборов. По Манифестам 1880 и 1883 г. Власть сняла с населения 47 млн. руб. недоимок, затем уменьшила выкупные платежи, отменила подушную подать и соляной налог. С 1890-х гг. началось сложение и продовольственных долгов на сотни миллионов рублей.

В 1892-1893 гг. Александр III списал с населения до 52 млн.руб. лежавших на нем долгов^{xxxvi}.

В ноябре 1894 г. по случаю свадьбы Николая II, с населения было сложено еще около 50 млн.руб. продовольственных долгов^{xxxvii}.

Кроме сложения долгов принимались и другие меры, облегчавшие положение нуждающихся.^{xxxviii}

Всего за 1891-1900 гг. правительство отпустило на поддержку населения в годы неурожая 232 млн. руб., из которых 211 млн.руб. (90,9%) подлежали возврату. На деле же население вернуло лишь около 19 млн.руб., а большую часть долгов Власть аннулировала.^{xxxix}

При этом бюджет страны в эти годы составлял порядка 1440 млн.руб^{xl}. Понятно, каким тяжелым бременем ложились на Казначейство продовольственные расходы. Тем не менее государство продолжало эту политику.

Крещение цесаревича Алексея стало поводом для новых и воистину царских милостей подданным. В частности, *со всех вообще крестьян манифест слагал недоимки по выкупным, земским и другим сборам, накопившимся на день его издания (!)*. Очень серьезное облегчение — даже в сравнении с предыдущими актами — вновь получили крестьяне, пострадавшие в прежние годы от неурожая.^{xli} В наиболее задолженных губерниях слагалось две трети, а в остальных — половина продовольственных долгов, причем со всех должников, без различия их состоятельности. Кроме того, полностью освобождались от них те семьи, члены которых были призваны из запаса в действующую армию и во флот во время войны с Японией. В сумме речь шла, как минимум, о 73 млн.руб.

Кроме того, правительство предоставляло возможность продлять платежи по всем видам задолженности, проводя, если так можно выразиться, «конверсию недоимок». Я говорил уже, что этот своего рода патерналистский «социализм», безусловно, воспитывал у крестьян (и не только) социальное иждивенчество.

Тем самым политику правительства невозможно трактовать как враждебную народу. Лично у меня создается впечатление, что Власть уже как бы и не знает, как и чем она еще может угодить подданным.

Разве что вообще отменить все налоги...

Полагаю, теперь можно судить о том, насколько были даже не предвзяты, а элементарно непорядочны с точки зрения научной этики подходы дореволюционных социалистов к проблеме крестьянских платежей.

А как решались налоговые проблемы после 1917 г.?

Сейчас нет возможности подробно говорить об аграрной политике большевиков. Я хочу лишь привести некоторые ее характеристики, которые дает один из ведущих аграрников первой трети XX в. Л.Н. Литовченко в своей уникальной книге «Социализация земли в России»^{xlii}.

Если продрозверстка — сюжет более или менее понятный, то о разрушительном влиянии на жизнь деревни трудовой повинности как компоненте военного коммунизма известно куда меньше (оставляя в стороне «Доктора Живаго», в какой-то мере дополняющего приводимую ниже информацию).

«Социалистическое правительство считало себя вправе распоряжаться личностью своих подданных и заменять частнохозяйственные стимулы к труду. Обязательная трудовая повинность должна была дать возможность «планомерного» распределения и использования наличных запасов рабочей силы в стране для надобностей социалистического хозяйства.

Главные запасы этих сил находились в деревне, куда укрылась от голода и значительная часть пролетариата. Естественно, что лично-трудовые обязательства всею тяжестью своей должны были лечь именно на сельское население.

Запасы рабочей силы для разного рода хозяйственных целей черпались из деревни двумя способами. Во-первых, она поставляла кадры для регулярных «трудовых армий», организованных в определенные единицы и работавших на разных трудовых «фронтах». Во-вторых, на деревенское население возлагалось выполнение целого ряда эпизодических и периодических работ, требовавших массового приложения неквалифицированного труда и, главное, массового использования транспортных средств крестьянского населения.

Второй вид трудовых повинностей лег на крестьянское хозяйство несравненно более тяжелым бременем, чем первый. Грандиозные планы Троцкого о милитаризации труда окончились почти ничем....

Гораздо ощутительнее для крестьянина оказались так называемые «периодические» и иные нерегулярные натурально-личные повинности. За два года существования декрета о всеобщей трудовой повинности, на крестьянина и его лошадь был возложен целый ряд всевозможнейших «общественно-необходимых» работ. Крестьянин вывозил на станции и на ссыпные пункты отобранный у него же самого хлеб, сводил лес, пилил и возил в город дрова, перевозил с места на место бесчисленную советскую администрацию, расчищал от заносов железнодорожные пути, разгружал и нагружал вагоны, чинил проселочные дороги, обрабатывал

поля и убирал хлеб для красноармейцев, прудил мельничьи плотины, подметал городские вокзалы и улицы, собирал для топлива еловые шишки.

Весь этот тяжелый труд, требовавший участия не только самого «трудообязанного», но и его рабочего скота вместе со скудным транспортным инвентарем, почти не оплачивался. За целый день труда взрослого мужчины с телегой и лошадью «выдавали» ничтожный «паек», состоящий из фунта хлеба, щепотки соли, коробки спичек, чаше всего десятка фунтов овса для лошади. В большинстве случаев даже эти нищенские нормы оплаты труда оказывались фактически невыполненными. По признанию официального отчета «общие цифры задолженности» государства населению достигают огромных размеров». Один только Главный лесной комитет остался должен населению 23,5 млрд рублей деньгами, 180 пудов жиров, 13 293 пуда мяса, 63 пуда чая и т. д. Нередко повинности крестьянского населения вообще считались бесплатными». В лучшем случае труд крестьян был оплачен не более как на 8% его действительной стоимости.

В итоге и сами «трудообязанные» и их работодатели смотрели на разного рода «пайки» и денежные выдачи как на подачки, имеющие целью несколько скрасить настроения работающих. Установился, по существу, правильный взгляд, что трудовая повинность основана не на договорном начале, но представляет собой образец подневольного, обязательного и бесплатного труда (ср. общественные работы во время продовольственных кампаний до революции — М.Д.)

Обременительность трудовых повинностей усиливалась организацией их выполнения. Основные декреты по этому поводу имели в виду только интересы административно-хозяйственных органов и не содержали никаких норм, охраняющих интересы «трудообязанных».

Право пользования трудовой повинностью было предоставлено не только различным центральным «чрезвычайным» комиссиям по снабжению топлива, по борьбе с заносами, пожарами, вредителями и т. п., но и местным советским властям. На почве же «местных нужд» вырастали самые уродливые формы эксплуатации городом деревни. Каждый уездный город или губернский Совет считал себя полным хозяином личных сил и транспортных средств подчиненных ему деревень.

В административных органах, особенно провинциальных, сосредоточились отбросы городской культуры, не имеющие часто никакого представления об условиях деревенской жизни. Они могли искренне верить, что крестьянская лошадь работает без корма 24 часа в сутки, а крестьянское хозяйство представлялось им неисчерпаемым источником не толь-

ко продовольственных ресурсов, но и свободного запаса живой силы, которым правящий класс пролетариев распоряжается по своему усмотрению.

Нет той экономической бессмыслицы, которая не была бы испытана в виде обязательных заданий для трудовых повинностей. Описывать их — значило бы пуститься в расследование изобретательности каждого уездного совета и комитета труда.

...Всякий, кому приходилось зимой 1920 г. проезжать проселочной дорогой, помнит незабываемую картину принудительной организации труда. Снежные поля, пустынное шоссе, черные пятна павших при исполнении обязанностей лошадей по сторонам дороги, изредка советские трактиры с одной горячей водой, одинокий, бесконечно длинный, еледвигающийся обоз с «советскими» дровами и неизменные через каждые 15-20 верст «засады» заградительных отрядов, тщательно перерывающие возы с дровами, чтобы найти и отобрать запрещенные к провозу продовольственные припасы.

Нет никакой возможности сколько-нибудь полно и точно определить в цифрах объем выполненных деревенским населением трудовых повинностей и ущерб, нанесенный ими крестьянскому хозяйству...

Отдельные, ограниченные небольшой территорией подсчеты дают поразительные цифры. Один автор-коммунист попытался подсчитать по документальным данным, какую работу пришлось выполнить людям и лошадям его родной волости в порядке трудовых повинностей. Оказалось, что 2 000 лошадей, насчитывавшихся в этой волости, за один 1920 г. прошли по приказам Советской власти не менее 500 тыс. верст, т. е. десять раз объехали по экватору земной шар. Исследованная волость вовсе не принадлежит к числу исключительных, и усердие местных органов власти не выходит за пределы нормального»^{xliii}.

Литошенко, проанализировав данные по 6 губерниям, представляющих разные хозяйственные районы России, делает вывод о том, что «нет ни одной губернии, где трудовая повинность отнимала бы менее одного рабочего месяца в год мужского и женского труда вместе. В среднем по всем 6 губерниям затрата рабочего времени составляет 62 дня на одно хозяйство, или около 2,5 рабочего месяца. Нужно заметить, что в этой сумме преобладает более дорогой и ответственный в сельском хозяйстве труд мужчины, на долю которого приходится 2 месяца, или 80% трудовых повинностей. Кроме того, каждое хозяйство в среднем отдавало государству 40 рабочих дней лошади.

Если мы теперь сопоставим трудовые повинности с общим запасом рабочих сил в хозяйстве, то окажется, что в среднем по всем губерниям

принудительный труд отнимал 11,3% мужской рабочей силы, 3,2% женской и 9,7% лошадиной. Это значит, что каждый мужчина в крестьянской семье отдавал социалистическому правительству каждый 9-й день своего труда, каждая женщина трудилась по приказу того же правительства каждый 30-й день и каждая лошадь в крестьянском хозяйстве работала для государства один из десяти своих рабочих дней.

Но эти средние цифры еще не говорят всей правды, потому что объем трудовых повинностей колебался по отдельным губерниям. Если в губерниях Орловской, Владимирской и Тульской принудительный труд отнимал всего 5-6% рабочего времени каждого взрослого мужчины, то в Новгородской губернии этот коэффициент социалистического использования рабочей силы поднимался до 11%, а в Уфимской и Северодвинской приближался уже к 20%. Даже в пределах одной и той же губернии обнаруживаются значительные расхождения. В Северодвинской губернии зарегистрированы хозяйства, отдававшие до 100 мужских и столько же женских дней работы. Во Владимирской есть несколько случаев, превышающих 50 дней труда и т. д.

Никакой закономерности в колебаниях этих цифр искать не следует... Пестрота размеров трудовых повинностей больше всего объясняется случайными причинами и произволом местных властей.

Но как раз этот произвол и ощущался болезненнее всего.

Крестьянин не мог располагать ни своим временем, ни своей лошадью, ни своей телегой. Всегда, зимой и летом, во время отдыха и на полевых работах, могло явиться начальство и потребовать его к отбыванию социалистической повинности. Последние разрушали его здоровье, губили лошадей и ломали последний инвентарь, не давая взамен ни материальных компенсаций, ни морального удовлетворения. Троцкий думал, что «аппарат трудовой повинности» на практике приучит крестьянскую массу к особенностям «нового режима» и разовьет в ней социалистические навыки. На деле трудовая повинность будила не мечты о земном рае, а воспоминание о недавнем прошлом, когда крестьянин был прочно опутан узами крепостного права.

Вместе с этими воспоминаниями возрождалась и психика подневольного раба.

С одной стороны, стремясь ускользнуть от гужевой повинности, крестьянин сокращал численность своего рабочего скота, недостаток же последнего заставлял ухудшать обработку почвы и сокращать площадь посева.

С другой стороны, чувствуя себя в полной зависимости от произвола местной власти и отдавая социалистическому государству не только

продукт своего труда, но и самые силы и здоровье свое, **крестьянин переставал сознавать себя свободным хлебопашцем, терял интерес к ведению хозяйства, опускал руки и переходил на положение ленивого и лукавого раба.**

Если продовольственные разверстки уменьшали стимулы к производству и сокращали площадь посевов крестьянских хозяйств, то транспортная повинность сокращала наличность живого и мертвого инвентаря, а трудовая — **убивала саму душу крестьянского хозяйства, его волю к свободному труду**»^{xliv}.

Далее Л.Н. Литошенко определяет реальные размеры повинностей, которые свалила на крестьянство новая власть: «Принудительное отчуждение продуктов в общей сложности составляет от 33 до 88 руб. на хозяйство в разных губерниях. По расчету на средний семейный состав хозяйства это составляет от 5,3 до 13,6 золотого рубля подушной подати; десятина посева уплачивает 8-23 рублей золотом. Неравномерность обложения сочетается здесь с высокими абсолютными размерами податного бремени.

Что касается трудовой повинности, то по своим абсолютным размерам стоимость отданного государству труда мало уступает ценности взятых им продуктов. В общем, можно заметить, что принудительные отчуждения продуктов были наивысшими в производящих хлеб губерниях, а трудовая повинность ложилась более тяжелым бременем на население потребляющей лесной полосы России.

В итоге все крестьянство находилось приблизительно в одинаковых условиях. Продуктами своего хозяйства и личным трудом оно уплачивало в пользу социалистического государства огромную подать в 127,3 руб. на хозяйство. По расчету на душу населения и десятину посева это составляет 19,5 и 31,8 золотого рубля.

Разрушительная сила налогов такого размера очевидна сама собою. Она еще резче бросается в глаза при сопоставлении с тяжестью податного бремени нормального времени».

В абсолютном выражении податное бремя на одно хозяйство в 1920/1921 г. превышало довоенную норму в среднем в 9 раз, а по расчету на душу населения — «каждый сельский житель отдавал в 1920/21 г. государству трудом и продуктами ровно в 10 раз больше, чем при старом режиме»^{xlv}.

По разным губерниям в нормальное время взималось в среднем 1,4% валового дохода. В 1920/21 г. доля государства дает уже уже между 8,4 и 17,3% (соответственно в потребляющих и производящих губерниях —

М.Д.) . В среднем тяжесть обложения возросла в 6-12 раз, и это *не считая трудовой повинности*.

Словом, каким способом ни измерять налоговое бремя, крестьянин оказывается в жестоком проигрыше уже при сопоставлении одних сумм и ставок прежних и нынешних налогов.

Для полноты картины необходимо напомнить, что в смысле обременения плательщика формы взимания налога имеют не меньшее значение, чем ее размеры. Это установлено еще А. Смитом в его знаменитых четырех правилах налоговой политики. Система советских налогов кажется построенной на принципиальном отрицании каждого из них.

Вместо налогового равенства мы имеем исключительно неравномерное, несправедливое и несогласованное с хозяйственными силами плательщиков обложение.

Вместо определенности налогов — судорожное изъятие на глаз установленных «излишков», совсем по Смиту «поощряющее нахальство и содействующее развращению сборщиков податей».

Вместо наибольшего удобства уплаты налога — наиболее тяжелая натуральная форма налогов, связанная для плательщика с рядом добавочных обременений в виде подвоза, сыпки и хранения продуктов.

Вместо дешевизны взимания, наконец,— громаднейший аппарат людей, складов, транспорта и упаковочных средств, поглощающих иногда до 50% собранных продуктов.

Мы не говорим уже о средневековых жестокостях, сопровождавших взимание разверсток и налогов, о «милитаризации» продовольственного дела, о лишении свободы распоряжения своей личностью всех «трудообязанных». Эти стороны социалистической налоговой системы не могли быть предусмотрены в гуманный век Смита.

Подведем теперь итог описанным выше плюсам и минусам революции. **Конфискация земель нетрудового пользования и дополнительное наделение обманули ожидания крестьянства.** Выгодная для сельского хозяйства конъюнктура войны и первого года революции быстро уступила место сокращению покупательной силы крестьянства и понижению ее по сравнению с продуктами промышленности. Освобождение от прямых и косвенных денежных налогов сменилось бестоварьем и неизмеримо более тяжким натуральным обложением. Формы взимания налогов заставляли вспоминать об остатках средневековья и крепостного права. Баланс советской политики явным образом складывался не в пользу крестьянского хозяйства. Революция возлагала на него несравненно более тяжкое бремя, чем снимала»^{xlvi}.

Могла ли власть, которая **так** начала, измениться?

О «Великом переломе» говорить не приходится — за чей счет строились заводы и Днепрогэс понятно. Но может быть после 1945 г. ситуация стала другой?

Вот что пишет об этом В.Е. Зима: «Война и голод 1946-1947 гг. обнажили противоречия колхозно-совхозной системы. Даже немногие более-менее крепкие общественные хозяйства были обессилены и не обеспечивали содержание работникам. По причине крайней дороговизны хлеба и расстройств личных подсобных хозяйств население не могло оплачивать растущие налоги. Многократно возросшие недоимки оказали губительное воздействие на государственный бюджет страны. Правительство не видело иного выхода, кроме очередного повышения налогообложения и усиления правовой ответственности за несвоевременный расчет.

Послевоенная система налогообложения состояла из нескольких видов государственных и местных налогов. К государственным относились два самых крупных сельскохозяйственных и подоходный (для рабочих), а также налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан, рыболовный (разрешавший ловлю рыбы) и т.п. Местные налоги объединяли: налог со строений, земельную ренту, разовый сбор на колхозных рынках, сбор с владельцев транспортных средств вплоть до велосипедов, сбор с владельцев скота и налог со зрелищ.

Почти каждая семья в деревне **всегда** подвергалась самообложению, которое в отличие от налога являлось добровольным сбором. Решение о самообложении принималось на общем собрании большинством граждан селения. Полученные средства предназначались на проведение и ремонт дорог, постройку и ремонт школ, больниц, клубов.

Только незначительная часть этой суммы расходовалась по назначению. В связи с ростом затрат на вооружение безудержно росло налоговое бремя. Размер налога повысился в 1948 г. по сравнению с 1947 г. на 30%. По измененному закону вдвое повысилось налоговое давление на единоличников и бывших колхозников. Сумма налогов на единоличное крестьянское хозяйство была на 100% выше, чем с хозяйства колхозника.

Хозяйства колхозников облагались сельхозналогом с учетом размеров дохода, получаемого с каждой головы скота, площади посева каждой сельскохозяйственной культуры, количества фруктовых деревьев и т.д.

Завышенный сельхозналог вынуждал жителей деревни за бесценок сбывать свою продукцию на рынке. Чтобы заплатить денежный

налог, крестьянин должен был продать на рынке почти всю произведенную в хозяйстве продукцию.

Средняя по центрально-черноземным областям сумма налога, предъявляемого к уплате на одно хозяйство колхозника, в 1950 г. составила 559 руб. против 217 руб. в 1947 г. — увеличение в 2,5 раза.

Причину несвоевременного получения денег по налогам правительство видело в неудовлетворительной организации работы финансовых органов, недостаточном внимании местных партийных и советских органов к выполнению финансовых планов на селе и проведению агитации среди колхозников, поэтому отвергались все предложения о снижении норм доходности и уменьшении суммы сельхозналога.

В целом сумма сельхозналога с учетом всех повышений возросла в 1952 г. по сравнению с 1951 г. в среднем в 1,5-2 раза. Закон о сельскохозяйственном налоге 1952 г. отменил льготы для хозяйств сельских учителей, врачей, агрономов и других сельских специалистов, а также для лиц, работающих на подземных объектах в угольной промышленности.

Засилье налогов вызвало бурную реакцию протеста со стороны руководства республик, краев и областей.

По огромному потоку жалоб доведенных до отчаяния людей можно судить об отношении граждан к методам по укреплению дисциплины и к налоговой политике в деревне. Как и в коллективизацию, люди не могли понять, в чем состоит их вина и за что такая кара. Те же, кто чинил расправу, всегда оказывались правы, потому что никто из крестьян не мог знать содержание секретных указов и порядок их исполнения.

Если жалобы граждан доходили до правительства, то их проверка обязательно возлагалась на областные, краевые, республиканские организации, которые командировали на места своих представителей. Этим неписаным правилом советской бюрократии судьба каждого жалобщика отдавалась в руки тех, против кого он осмеливался выступить. На беззащитную жертву обрушивались самые изощренные преследования.

Почти каждое дело завершалось отказом. Так, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Шверник 15 апреля 1949 г. принял инвалида войны 1-й группы (слепого, без обеих рук) орденосца И.М. Ларионова, проживавшего в селе Дмитровский погост Коробовского района Московской области, в связи с его просьбой снять с хозяйства налоги и поставки в 1949 г. из-за тяжелого материального положения семьи, состоящей из шести человек. На запрос из Москвы Коробовский райисполком, обследовавший материальное положение семьи Ларионова, ответил, что **удовлетворить просьбу инвалида об освобождении от налогов и поставок не может.** Принимая окончательное решение, Шверник полно-

стью согласился с мнением райисполкома. Как показал анализ других дел, это было правилом в деятельности главы советского парламента.

Людской протест против репрессий и налогового произвола выражался в разнообразной, порой необычной форме.

Доведенные до отчаяния колхозники поджигали дома наиболее рьяных активистов, убивали ненавистных председателей колхозов, секретарей местных парторганизаций, уполномоченных по заготовкам. Такие действия расценивались как антисоветские террористические акты. Расследованием занималась не милиция, а органы госбезопасности, безжалостно подавлявшие всякое сопротивление указу. Попутно производилось изъятие оружия у населения. Многие сельские фронтовики были осуждены и получили срок за хранение именного оружия.

Вследствие названных государственных мероприятий разрушение деревни в конце 40-х — начале 50-х гг. стало катастрофическим. В 1951 г. производство зерна составляло 82%, подсолнечника — 65%, льноволокна — 55%, картофеля -77%, овощей — 69% от уровня 1940 г. поголовье скота в колхозах уступало его численности в 1940 г. По плану намечалось иметь в 1951 г. в колхозах 34 млн. голов крупного рогатого скота, 18 млн. свиней, 88 млн. овец и коз, а имели соответственно 28, 12, 68 млн. голов. Государственные закупки зерна, подсолнечника, картофеля, овощей на шестом году мирного времени уступали уровню довоенного 1940 г.

Поголовье скота в хозяйствах колхозников продолжало сокращаться, и в 1951 г. по количеству коров, свиней и овец находилось ниже уровня военных лет. Процент бескоровных хозяйств колхозников в 1951 г. по сравнению с 1946 г. значительно увеличился. Как минимум две пятых всей численности колхозных дворов не имели коров. В то же время административно-правовое и налоговое насилие давало возможность государству отчислять в бюджет огромные денежные средства. По СССР общая сумма сельхозналога выросла с 1,9 млрд. руб. в 1940 г. до 8,3 млрд. руб. в 1951 г., т.е. в 4,3 раза.

Рост налогов вдвое опережал рост доходности колхозов, совхозов и личных хозяйств. Одновременно производилось изъятие зерна в колхозах и совхозах с целью увеличения госзапасов и наращивания экспорта. В 1948 г. в закромах государства оказалось 23,8 млн. т зерна, т.е. на 4,8 млн. т больше, чем в 1947 г. и на 2,8 млн. т больше, чем в довоенном 1940 г. И это при том, что производство зерна в СССР в 1947-1948 гг. было на 1/3 меньше, чем в 1940 г.

Экспорт зерна в 1948 г. достиг 3,2 млн. т, что было в 2,5 раза больше, чем в 1940 г. Во все последующие годы вывоз зерна за рубеж нарастал (в

1952 г. — 4,5 млн. т). Поставки (в основном пшеницы) производились в 1948-1953 гг. в Албанию, Болгарию, Венгрию, Восточную Германию, Румынию и другие соцстраны, а также в Англию, Австрию, Голландию, Данию, Израиль, Индию, Пакистан, Финляндию, Швецию и др.

Пренебрежительное отношение руководства страны к потребностям собственного народа привело к тому, что во многих колхозах и совхозах, пострадавших от засухи 1948 г., люди голодали весной и летом 1949 г. Рождаемость в СССР в 1948 г. снизилась даже по сравнению с голодным 1947 г.: в Москве упала на 25%, в Ленинграде — на 22%. В 1949-1953 гг. существенных сдвигов к лучшему не произошло. При этом сельское население СССР постоянно сокращалось в среднем на миллион человек в год.

По сути, именно в эти годы и возникают те безлюдные деревни, которые ныне исчисляются сотнями. Население городов России в 1945-1953 гг. увеличилось на 13 млн. человек. Ежегодный механический прирост городского населения СССР в тот же период поднялся до 2 млн. человек»^{xlvii}.

Комментарии здесь излишни.

Статистика против публицистики: акцизные платежи и праздники

Вернемся в эпоху конца XIX — начала XX вв.

Следующая важная характеристика благосостояния населения — неуклонный рост акцизных доходов, и не только от водки, что подтверждают многочисленные нарративные источники, фиксирующие несомненный рост потребления таких продуктов, как чай, сахар, табак, керосин.

Таблица 10. Акцизные доходы в 1890-1913 гг.

ГОДЫ	Сахарный Доход	Табачный Доход	Нефтяной Доход	Спичечный Доход	Питейный Доход	Доход с папирос. гильз и бумаги
1890	21629,3	26859,8	10567,7	4720,7	268239,3	
1891	20857,4	27547,8	10174,8	4690,2	247388,6	
1892	27702,6	28325,3	12929,2	5163,0	268934,4	
1893	30340,3	30499,9	16369,2	6585,6	260729,2	
1890-93	25132,4	28308,2	12510,23	5290,0	261322,9	
1894	41230,3	32607,4	18927,5	7466,6	297281,3	
1895	47686,6	34545,1	19680,2	7453,2	308896,1	
1896	42657,2	35008,9	20817,5	7274,0	321802,8	

1897	55476,8	35288,4	22842,2	7076,3	332482,5	
1898	58596,3	37458,2	23469,7	6920,0	391928,9	
1894-98	49129,4	34981,6	21147,4	7238,0	330478,3	
1899	67509,7	38874,6	26154,9	6822,0	420947,2	
1900	63160	41198,3	25154,9	7368,6	434493,3	
1901	71757	45696,7	28599,9	7932,0	476006,5	
1902	81281	45363,2	29597,1	8162,0	523483,4	
1903	75541,8	49028,6	31961,9	8071,0	576460,9	
1899-1903	71849,9	44032,28	28293,74	7671,0	486278,3	
1904	78816,9	48719,1	34688,3	7672,0	573278,2	
1905	78734,0	46586,0	29948,0	10818,2	639135,4	
1906	108826	59902,7	29863,3	14991	736897,5	
1907	101467	54050,2	36832,6	15871,3	748258,1	
1908	93612,7	56209,2	41655,7	16709,4	748057,6	
1903-1908	92291,3	53093,4	34597,6	13212,3	689125,4	
1909	107398	45362,2	41841,4	17232,6	759044,9	3533,7
1910	127323	50476,5	46910,0	18464,7	811047,8	4576,9
1911	122714	66342	42487,8	18639,4	830796,4	4555,8
1912	127765	72593,5	50038,0	19353,9	873591,2	4416,7
1913	149161	78738,8	47903,1	20131,1	952810,4	4874,6
1909-1913	126872	62702,6	45836,06	18764,34	845458,1	4392
Рост	590%	193%	353%	326%	355%	37,9%

Источник: Ежегодники Министерства финансов на 189... год.

Из таблицы 10 нетрудно увидеть, что у населения находились деньги не только на спиртное. Особого внимания заслуживает рост сахарных акцизов почти в 7 раз за 1890-1913 гг. В 1890 г. производство составило 15,3 млн.пуд., в 1900/1 г. в стране было выработано 30,4 млн.пуд. рафинада, в 1906/7 г. — 41,3 млн.пуд., в 1909/10 г. производство перевалило за 50 млн.пуд., а в 1912/13 г. составило 57,8 млн.пуд., т.е. на 90,6 % больше, чем в начале века. При этом, если в 1902-1906 гг. можно говорить о ежегодном росте цены пуда рафинада на 15,6 коп., то в 1906-1912 она ежегодно снижалась в среднем на 18 коп., а в 1911/12 г. упала до самого низкого уровня за 1890-1913 гг.^{xlvi}

За эти годы для населения сахар определенно перестал быть деликатесом, хотя, возможно, и не в каждом доме он стал повседневным продуктом. Но ведь раньше нельзя было и подумать о том, что он станет настолько доступен!

Следующий момент.

Ни в одной стране Европы не было такого огромного количества нерабочих дней, как в России.^{xlix}

Принципиально важно, что после 1861 г. у крестьян примерно на месяц увеличивается число выходных и праздничных дней (см.табл.11).¹ Этот факт опровергает распространенное мнение о крайне напряженном бюджете трудового времени у российских крестьян, которые в силу плохого климата вынуждены работать, не покладая рук, и не успевают обработать должным образом свою землю.

Таблица 11. Число рабочих и праздничных дней у крестьян в XIX-начале XX в.

	1850-е гг.		1872 г.		1902 г.	
	Абсолют.	%	абсолют.	%	Абсолют.	%
Число рабочих дней	135	38	125	34	107	29
Общее число нерабочих дней	230	62	240	66	258	71
в том числе праздничных	95	26	105	29	123	34

Источник: Миронов Б.Н. Социальная история России. т.2, с.308.

Значит, люди могли позволить себе праздновать — и им было, на что это делать!

Размеры потребления спиртного и обилие праздников — темы, рассуждать на которые народники считали неpolitкорректным и в своих писаниях они «деликатно» обходили их стороной. Эти сюжеты явно разрушало гармонию создаваемого ими упрощенного варианта крестьянского апокалипсиса, при котором земледельцы потребляли только углеводы, питаясь одним хлебом (которого еще и не хватало!) и запивая его водой. Поэтому указания оппонентов на то, что противоречило этой установке, они просто игнорировали, словно этой стороны жизни крестьян как будто и не было в природе.

Впрочем, изредка встречалась и другая стратегия. В период работы Совецания о нуждах сельскохозяйственной промышленности многие местные Комитеты со вкусом рассуждали на одну из любимых тем — о том, что крестьянская земля не окупает платежей их домохозяйства. В доказательство приводились составленные Комитетами бюджеты волостей и уездов.

П.П. Дюшен сообщает основные параметры бюджета Велейской волости Опочецкого уезда Псковской губернии: «Доход крестьянского населения волости от земледелия показан в сумме Р.С. 373 406,25 (за исключением семян); расходы: на все повинности Р.С. 35987.70, на продовольствие людей, скота и все прочие жизненные (потребности — М.Д.) — Р.С. 40174 и на покупку вина (sic!- помета Дюшена — М.Д.) Р.С. 402281; в де-

фицит волости определяется в Р.С. 63773, а потому, по мнению исследователя, доходность крестьянских наделов не окупает их всех платежей».

То есть, исходя из этих данных, на водку тратится в 10 раз больше, чем «на продовольствие людей, скота» и др.

«Но неужели исследователь Велейской волости», — вопрошает Дюшен, — «серьезно убежден, что крестьянская земля должна окупать всю сполна выпитую Велейской волостью водку? Неужели слова Положения 19 февраля 1861 г. «для обеспечения быта крестьян и для обеспечения их обязанностей перед Правительством» (интеллигенция постоянно ссылается па эту фразу общих и местных Положений 19 февраля 1861 г.) означают, что крестьяне были наделены землей помещиков с той целью, чтобы доходы этой земли шли на водку, чтобы крестьяне немилосердно спивались на эти доходы?»^{li}.

Эпизод, как можно видеть, абсурдный и курьезный одновременно.

Здесь одно из двух. Либо абсурдность подобной логики настолько не очевидна составителю бюджета (который был не одинок среди участников совещания), что он встраивает эти нелепые рассуждения в такой серьезный контекст, как работа Особого совещания, призванного решать судьбы страны, и тогда мы просто имеем дело с неумным человеком.

Либо это зачастую свойственный народникам «энтузиазм наглости». С таким же беззастенчивым пафосом они поддерживали стремления «голяков» к переделам земли. Земские статистики-народники яростно осуждали тех крестьян, которые не желали отдавать свои удобренные полосы лодырям и пьяницам, квалифицируя их как «грубо-эгоистических членов общества, чуждых этических, альтруистических и социальных мотивов, представителей поддонков полукультурных слоев», или просто именуя «кулаками, мироедами, коштанами, глотками, в лучшем случае — «зажиточными и притом жадными» крестьянами, богатеями и т.д.»^{lii}.

Интересные у народников были представления о социальной справедливости.

И как легко быть нравственным за чужой счет!

А вот пример бюджета из другого региона России: «В Винницком уезде на наличную душу приходится земли 0,67 дес., на двор 3,8 дес; 8% домохозяев имеют лишь одну усадьбу. 2,3% — безземельные и 14% с полными наделами. В среднем крестьяне получают 12 рублей в год на душу валового дохода с земли, а на двор 70 рублей, с десятины 18 рублей. Платежей всякого рода приходится со всего крестьянского населения уезда 311.345 р. — в среднем на десятину 2 р. 55 к., а на двор 9 р. 70 к. (ср. выше с 1918-1920 гг. — М.Д.) Недоимок в Винницком уезде числится только

1,25% всей суммы сборов. Такое благоприятное положение уезда объясняется исключительно местными заработками, исчисляемыми на Р. С. 2.100.000, на двор 130 руб., на десятину 35 руб. К сожалению, выпитая населением водка ложится на каждый двор в сумме 25 р., т. е. в 2,5 раза превышает налоги (с выкупными)»^{liii}.

В 1914 г. вышел «Сборник задач антиалкогольного содержания (пособие при преподавании арифметики в низших классах всех ведомств)», составленный на основании *официальных* источников и обширной литературы.

Вот некоторые из этих задач: «2. Каждый житель России (на круг) пропивает ежегодно на водке 5 р. 4 к., на пиве 1 р. и на вине 68 к. Сколько всего денег он пропивает?..

50. Ежегодно каждый житель России на круг получает доходу 60 р. 48 коп., а пропивает из него 6 р. 72 к. Какую часть своего дохода пропивает ежегодно Россия?..

60. В прошлом (1913) году население России выпило (приблизительно) 2.000.100.000 бутылок водки. 13.334 бутылки, уставленные в ряд одна за другою, занимают расстояние в 1 версту. Сколько верст займут все выпитые бутылки, если их уставить таким же образом? Во сколько раз это расстояние будет больше земного экватора, длина которого равняется 37.500 верст?..

90. Каждый русский выпивает в год (на круг) по 12 бутылок водки. Если бы он вместо этого яда съедал то количество хлеба, из которого выкуриваются эти 12 бутылок, то 1) сколько ему приходилось бы ежегодно лишнего хлеба и 2) сколько бы он сберегал денег от такой замены? 1 бутылка водки выкуривается из 4 фунтов 10 лотов 2 золотников хлеба, фунт которого стоит 3 коп. (1 бут. водки стоит 42 коп.)»^{liv}.

Все это было бы смешно...

Праздники реально мешали использовать оптимальное время для посева. А.С. Ермолов писал: «Пасха иной раз в самую пору ярового посева приходится, и вместо того, чтобы это лучшее для посева время использовать, они восемь, а то и десять дней празднуют, считая грехом на Пасху не только в первые дни, но и во всю неделю работать.

В первой же половине августа, **тоже в лучшее время для посева**, — опять ряд праздников...И оттягивается таким образом озимый посев до второй половины августа, а иногда и начало сентября прихватывает, что уж совсем плохо.

....О вреде праздников было уже немало говорено и писано, приняты меры к тому, чтобы устранить прежнее обязательное празднование не-

которых дней, но дело оттого нисколько не стало лучше, и ... в 1906 году в некоторых губерниях задержка ярового посева по случаю празднования Пасхи сильно повлияла на урожай»^{lv}.

Так смотрел на проблему министр.

А вот мнение на этот счет А.В. Байкова, жителя деревни Конной Сычевского уезда Смоленской губернии, одного из тех крестьян, для которых Столыпинская аграрная реформа стала началом не просто новой, но **настоящей** жизни. Юрьевский пишет: «Байкову теперь 70 лет, но это бодрый человек, продолжающий трудиться на благо своего родного края. Байков уже давно нажил крупное земельное и денежное состояние, но продолжает жить попросту, по старинке...

«Лучше ли стало жить на хуторах и отрубях? — говорит А.В. Байков. — Да, лучше и много лучше, но одна беда — это праздники и связанное с ним пьянство». Его рассказ позволяет понять, почему после 1861 г. увеличилось число праздников, притом «**в самое страдное время, когда у нас поденная плата доходит до 1 р. — 1 р. 40 коп. в день!**»

...А иностранцы еще говорят, что наш мужик беден! Да нехай любящая наикультурнейшая страна в свете попробует при летнем периоде в 5-6 месяцев, а не в 9-10, как в Западной Европе, пускай, говоря, попробует отпраздновать 200 дней в году, да притом по преимуществу летом, — да у них и потрохов не останется...

В старину говорили, что земля стоит на трех китах. А теперешние наши русские киты, это — невежество, праздники и пьянство... На этих китах не устоишь... И Россия ждет богатыря, своего Еруслана Лазаревича, который избавит ее от этих чудовищ»^{lvi}.

Дождалась Россия, увы, других «богатырей», Владимира Ильича и Иосифа Виссарионовича, но это другая тема, хотя и сопряженной с этой.

То, что народники как бы и не замечали ни обилия праздников, ни роли расходов на алкоголь в крестьянских бюджетах, еще раз демонстрирует, насколько предвзято они оценивали окружающий мир.

В утилитарных целях они акцентировали внимание на тех сегментах действительности, которые работали на их пропаганду, игнорируя то, что противоречило их установкам.

Статистика против публицистики: анализ железнодорожных перевозок

Мной были проанализированы 135 динамических рядов, включающих, во-первых, данные о размерах урожаев и экспорта главных хлебов, во-вторых, стоимости всего хлебного вывоза, величине питейного дохода, акцизных доходов с сахара, табака, нефтепродуктов, спичек, и, в-тре-

тых, сведения о перевозке 115-ти важных народнохозяйственных и потребительских товаров и грузов за 1894-1913 гг.^{lvii}, а также еще 15-ти за 1901-1913 гг. содержащиеся в «Сводной статистики перевозок по русским железным дорогам», тарифной статистике Министерства финансов^{lviii}.

Железнодорожные перевозки — важный и ясный показатель уровня развития народного хозяйства в каждый данный момент времени, по которому можно судить о динамике развитии промышленности и торговли, о степени товарности сельского хозяйства, о развитии рынка в целом и, соответственно, о динамике покупательной способности населения и др.

Для каждого показателя вычислялись, во-первых, средние ежегодные приросты, полученные при построении линейных трендов указанных динамических рядов. Поскольку 1894-1913 гг. охватывают основную часть промышленного подъема 1890-х гг. — 1894-1900 гг., период кризиса и депрессии 1901-1908 гг. и предвоенного подъема 1909-1913 гг., то я, во-вторых, сравниваю средние арифметические показатели по каждому из этих периодов.

В-третьих, был проведен корреляционный анализ всех 135-ти динамических рядов за 1894-1913 гг. (за вычетом трендов, т.е. остатков)

В таблицах 12 и 13 представлены наиболее важные продукты и их группами, перевозки которых отражают как динамику промышленного и сельскохозяйственного производства, участие в котором увеличивало как народное благосостояние, так и потребление населения.

Таблица 12. Перевозки промышленной продукции в 1894-1913 гг. (тыс.пуд. и %)

ТОВАРЫ И ГРУЗЫ	Тренд 1894- 1913	Среднее 1894- 1900	Среднее 1901- 1908	Среднее 1909- 1913	100% 1894- 1900	Среднее 1901- 1908	Среднее 1909- 1913
Все товары и грузы по ж.д.	257295	3204614	4609171	6716984	100	143,8	209,6
Продукция отраслей группы А							
Каменный уголь, антрацит	58218	529640	892608	1331673	100	168,5	251,4
Нефть и нефтепродукты	3750	213629	257436	270717	100	120,5	126,7
Дрова	16856	165657	285096	397302	100	172,1	239,8
Стройматериалы (сырые и изделия)	21243	271934	329703	582604	100	121,2	214,2
Лесные стройматериалы	24040	250253	362394	610820	100	144,8	244,1
Руда	20475	146451	267524	424189	100	182,7	289,6

Железо, сталь, чугун	9860	96052	149807	232942	100	156,0	242,5
Металлические изделия	3889	60714	74138	117482	100	122,1	193,5
Цветные металлы	376	6148	8471	11658	100	137,8	189,6
Сельскохозяйственные машины	1468	5761	13411	27668	100	232,8	480,3
Машины, кроме с.х.	986	11032	12984	24292	100	117,6	220,2
Продукция хим. пром.	2019	22717	35757	52303	100	157,4	230,2
Резина, каучук и изделия	130	1267	2194	3002	100	173,1	236,9
Удобрения	1668	7139	14875	32511	100	208,4	455,4
Приборы, часы, аппараты	95	1207	1571	2608	100	130,1	216,1
Продукция отраслей группы Б							
Соль каменная и поваренная	3175	71933	96339	116176	100	133,9	161,5
Сахарные грузы	4601	57108	87058	123735	100	152,4	216,7
Чай	363	5399	8078	10194	100	149,6	188,8
Ткани	1161	32236	39012	49403	100	121,0	153,3
Платье готовое и белье	128	1484	2369	3358	100	159,7	226,3
Обувь, кроме резиновой	77	782	1268	1903	100	162,1	243,4
Мыло	261	2538	4473	6249	100	176,2	246,2
Спички	118	1849	2714	3516	100	146,8	190,2
Пиво	1441	9104	17919	29065	100	196,8	319,3
Вина виноградные	304	6214	8158	10609	100	131,3	170,7
Водки, ликеры и др. крепкие напитки	179	5847	7423	8390	100	126,9	143,5
Спирт винный и виноградный	775	10545	16203	21169	100	153,7	200,8
Табак	453	8638	12317	14983	100	142,6	173,5
Стекло и стекл. изделия, хрусталь	1275	12555	21004	30849	100	167,3	245,7
Фарфор, фаянс и майолика	143	2309	3238	4302	100	140,2	186,3
Бумага и картон	1101	10275	17410	26128	100	169,4	254,3
Книжный товар	125	787	1872	2499	100	237,7	317,3

Источник: Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 1903 год. Вып.52. СПб., 1905; Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 1913 год. Вып.54. СПб., 1915. Подсчеты автора.

Из 135-ти трендов отрицательную величину, помимо экспорта ржи и экспорта овса (см.выше), имеют лишь перевозки керосина — 440 тыс.пуд. Остальные 132 динамические ряда имеют отчетливо выраженную положительную тенденцию.

Таблица 13. Перевозки продукции сельского хозяйства, стоимость экспорта хлебного экспорта и акцизные доходы в 1894-1913 гг. (тыс.пуд., тыс.руб. и %)

ТОВАРЫ И ГРУЗЫ	Тренд 1894- 1913	Среднее 1894- 1900	Среднее 1901- 1908	Среднее 1909- 1913	100% 1894- 1900	Среднее 1901- 1908	Среднее 1909- 1913
Главные хлеба — урожай в 63 губ.	69332	2831121	3220771	3947489	100	113,8	139,4
Главные хлеба — экспорт ¹⁵	7725	424810	477803	609420	100	112,5	143,5
Главные хлеба — перевозки ж.д.	31201	577992	825187	1059312	100	142,8	183,3
Хлебный экспорт (тыс.руб.)**	20940	384130	492360	746788	100	128,2	194,4
Все овощи свежие	10571	55163	124191	210016	100	225,1	380,7
Свежие фрукты, плоды, ягоды	1137	10343	17337	26594	100	167,6	257,1
Рыбные грузы	2043	28190	40678	57876	100	144,3	205,3
Мясо, битая птица и дичь	687	9342	14021	18947	100	150,1	202,8
Молочные продукты	1027	5204	11438	19004	100	219,8	365,2
Яйца и желтки яичные	588	7715	12045	15522	100	156,1	201,2
Лен, кудель и пакля	599	14487	18392	22204	100	127,0	153,3
Пенька и пакля	167	5431	6483	7717	100	119,4	142,1
Питейный доход (тыс.руб.)	35141	358262	627697	845458	100	175,2	236,0
Сахарный доход (тыс.руб.)	5089	53760	86255	126872	100	160,4	236,0
Табачный доход (тыс.руб.)	1953	36426	50694	62703	100	139,2	172,1
Нефтяной доход (тыс.руб.)	1608	22435	32893	45836	100	146,6	204,3
Спичечный доход (тыс.руб.)	802	7197	11278	18764	100	156,7	260,7

Источник: Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 1903 год. Вып.52. СПб., 1905; Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 1913 год. Вып.54. СПб., 1915; Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе за 189... год. СПб; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 189.. года. СПб. Подсчеты автора

Общая перевозка **всех** грузов, кроме поштучных, по русским железным дорогам выросла с 2593542 в 1894 г. до 7984459 тыс.пуд. в 1913

¹⁵ Мука пересчитана в зерно, исходя из норм того времени: для ржи выход муки принимается за 90%, для пшеницы — 75%.

г., т.е. в 3,1 раза, в то время как длина железнодорожной сети увеличилась с 32673 км в 1894 до 69179 км в 1913 г., т.е. в 2,1 раза.^{lix}

Средний ежегодный прирост перевозок *всех* грузов в 1894-1913 гг. составил 257,3 млн.пуд. в год. При этом в сравнении 1894-1900 гг. среднегодовая их перевозка увеличилась в 1901-1908 гг. на 43,8%, а в 1909-1913 г. — соответственно, более чем в два раза, на 109,6%.

Из таблиц 12 и 13 можно видеть значительный рост показателей перевозок подавляющего большинства товаров и грузов, что говорит о поступательном развитии народного хозяйства России — и отраслей группы А, производящих средства производства, и отраслей группы Б, производящих предметы потребления, и сельского хозяйства и обрабатывающей сельскохозяйственной промышленности.

В той мере, в какой железнодорожные перевозки являются отражением состояния промышленности и торговли, представленные данные свидетельствуют о значительном прогрессе народного хозяйства страны в 1894-1913 гг.

Исключая нефтяную, все отрасли народного хозяйства страны развивались весьма интенсивно.

Эта статистика говорит не только о росте производства, но и о росте потребления — перевозки потребительских и продовольственных товаров неуклонно растут. При этом кризис и депрессия затронули не все сферы экономики в равной степени. Для большинства товаров показатели перевозок в 1901-1908 гг. превышают показатели 1894-1900 гг. на 40-50% и более.

Не подлежит сомнению, что предвоенный промышленный подъем и значительное расширение внутреннего рынка были тесно связаны со Столыпинской аграрной реформой, устойчивое мнение о «провале» которой абсолютно несостоятельно.

С реформой Столыпина прямо связан огромный рост перевозок, т.е. потребления, сельскохозяйственных машин и орудий, что является едва ли не самым точным показателем финансовых возможностей крестьянства. В 1894 г. они составили 5463 тыс.пуд., в 1902 г. — 10600 тыс.пуд., в 1905 — 12811 тыс.пуд., в 1909 г. — 21461 тыс.пуд., в 1913 г. — 34517 тыс.пуд.

Начавшийся, благодаря Столыпинской аграрной реформе, переворот в процессе механизации российского сельского хозяйства вполне отражает следующий факт. В 1906 г. Северные, Приозерные, Приуральские, Прибалтийские, Литовские, Белорусские, Центрально-Промышленные, Центрально-Черноземные и Средне-Волжские губернии, т. е. 34 (!) губернии, охватывающие северные две трети Европейской России, получили

по железной дороге в сумме практически столько же сельхозтехники, сколько Херсонская и Екатеринославская — 1929,0 тыс. пуд. против 1925,3.

В 1913 г. ситуация, хотя продолжает оставаться как бы не вполне нормальной, но уже начала меняться. Теперь 34 губернии вместе взятые получили 7095,7 тыс. пуд. сельхозмашин и орудий, а две Новороссийские — 2976,9 тыс. пуд. соответственно, т.е. в 2,4 раза больше.^{1к} В России началась агротехнологическая революция.

Об этом же говорит и рост перевозок продукции сельскохозяйственного сектора, который также связан с развертыванием Столыпинской аграрной реформы. Например, огромное увеличение перевозок всех молочных продуктов в 1909-1913 гг. (в 1,7 раза в сравнении с 1901-1908 гг.), молока свежего и сливок (в 2,2 раза), и крахмала (в 1,5 раза соответственно) безусловно отражает бурный рост с началом преобразований кооперативного движения в этих отраслях сельского хозяйства и т.д.

Вообще аграрная реформа Столыпина воздействовала на жизнь страны и на экономику многообразно. Так, в 1909-1911 гг. Сибирь получала 7-8% общероссийских перевозок металлической посуды, инструментов и других предметов хозяйственного обихода против 2-4% в 1902-1903 гг., что вполне сочетается с образом динамично осваиваемого региона, в котором ежегодно десятки тысяч семей начинали новую жизнь.^{1к} Тот факт в 1909-1913 гг. в сравнении с 1901-1908 гг. перевозки посуды железной и эмалированной увеличились в 2,0 раза, ремесленных инструментов — 1,5 раза, скобяного и ножевого товара — 1,7 — также, полагаю, связан с реформой.

Полученные высокие коэффициенты корреляции (порядка 0,8-0,95) между перевозками промышленных, потребительских и продовольственных товаров, с одной стороны, а также акцизными доходами, с другой, безусловно свидетельствуют о позитивном, восходящем направлении вектора общего развития и экономики страны в целом, и о росте покупательной способности населения страны, и о том, что его потребности расширялись, и о том, что начавшееся их удовлетворение шло комплексно.

Здесь уместно вкратце коснуться пресловутого «провала» Столыпинской аграрной реформы. О возникновении этого догмата традиционной историографии В.Г. Тюкавкин пишет: «Рассмотрение выходов из общины в комплексе с итогами землеустройства показывает, что не было «краха» реформы. Было замедление выходов из общины после 1910 г., которое Ленин и назвал «крахом», но с 1911 г. резко возросло землеустройство, так как по закону от 29 мая 1911 г. о землеустройстве кре-

стьянину не нужно было предварительно проходить процедуру получения разрешения на выход из общины, не нужно было «укреплять» землю — документы о землеустройстве его двора давали ему право на личное частное владение его участком. Лишь война помешала провести землеустройство всех 6174,5 тыс. дворов, подавших заявления, что составляло более половины всех дворов крестьян Европейской России, или 67% общинных хозяйств»^{lxii}.

По официальным данным, с момента открытия Землеустроительных комиссий до 1 января 1916 г. в них поступили ходатайства о землеустройстве от 6174457 домохозяев-крестьян, живших в 222902 земельных единицах, т.е. примерно от половины всего числа крестьянских дворов (около 12 млн. дворов, по оценке правительства). Из этого количества в отношении 3831269 дворов, или 62,1%, была «закончена подготовка», т.е. произведены обследования на местах и предварительные работы; для 2868528, или 46,4% выполнены землеустроительные работы в натуре, и в отношении 2360504, или 38,2% произведенные в натуре работы получили юридическое завершение. Подготовительные работы были закончены на территории в 374,7 тыс. кв км. (34,3 млн. дес.), а это равно площади современных Италии и Ирландии вместе взятых! К этому нужно добавить 10 млн. дес., полученных крестьянством от Крестьянского поземельного банка, и примерно 20 млн. дес. сибирского землеустройства, а всего — 64 млн. дес., т.е. 700 тыс. кв км, что составляет суммарную площадь Франции, Бельгии, Швейцарии и Австрии.

И формально все это — за 9 полевых сезонов, из которых лишь немногие могут считаться нормальными! Ведь реформа с одной своей стороны была «подожжена» революцией 1905 г., а с другой — Мировой войной.

Принципиально важно, что в 1907-1911 гг. было подано 2633,5 тыс. ходатайств, а в 1912-1915 гг. — 3540,9 тыс., т.е. на 34, 5% больше (несмотря на войну!). *Это само по себе снимает вопрос о том, насколько верен с детства знакомый постулат о «крахе» Столыпинской реформы после 1910 г.*^{lxiii}.

Все эти данные убедительно говорят об успехи «модернизации Витте — Столыпина». Они показывают, что социально-экономическое развитие России в 1894-1913 гг. шло по восходящей линии, и во многом потому, что Столыпинская аграрная реформа начала *раскрепощение производительных сил народа*.

Статистика против публицистики: динамика сбережений населения и перевозок пассажиров.

Для рассматриваемой темы большой интерес представляет динамика сбережений населения.

Прежде, чем обратиться к статистике движения вкладов физических лиц, замечу, что «негативисты» никогда не жаловали этот сюжет.^{lxiv}

Проблема сбережений куда более важна, чем может показаться на первый взгляд. Для пореформенной России она имеет как бы экзистенциальный характер, который недостаточно осознается в наше время.

В психологическом наследстве компетентные **непартийные** исследователи всегда выделяют, в частности, отсутствие у населения привычки к сбережениям.

Крепостное право, по мнению Б.Н. Чичерина, не приучало людей делать сбережения, не могло развить привычки к сбережениям ни в помещиках, ни в крестьянах. Из-за этого после 1861 г. ни те, ни другие часто не могли решать проблемы, которые поставила новая жизнь. Большая часть помещиков разорилась именно из-за своей непрактичности, из-за того, что не сумели приспособить свою жизнь к изменившимся условиям.

Это же относилось и к крестьянам. **«Несправедливо, что тяжести, возложенные на них Положением о Выкупе, были так велики, что они не в силах были их нести.** Возложенные на них тяжести были несравненно меньше тех повинностей, которые были с них сняты. Свободным заработком легко было их покрыть. В этом отношении первые годы после освобождения были особенно благоприятны...

Но полученные избытки не сохранялись на черный день, а тратились на разгул, который принял самые широкие размеры, и когда наступили более трудные времена, сбережений не оказалось никаких. Даже и при нынешних условиях, возможность для крестьян делать сбережения доказывается теми суммами, которые тратятся на водку и которые составляют лишь ничтожную часть потерь и ущерба, наносимого хозяйству привычкою к пьянству. Она доказывается и теми крупными издержками, которые, в силу обычая, делаются на свадьбы»^{lxv}, — пишет Б.Н. Чичерин.

Другими словами, отношение населения к сбережениям — важная характеристика психологии общества. То, что кажется привычным и простым в наши дни, более 100 лет назад таким не было. Это один из примеров того, что социально-психологические характеристики того или иного народа в определенный период его истории — вовсе не синоним вечности, а всего лишь функция от уровня культуры данного народа, в том числе и бытовой, которая меняется вместе с этим уровнем.

Однако статистика движения вкладов в сберегательных кассах показывает, что медленно, но верно, психология населения в этом плане изменялась к лучшему.

Полностью сопоставимую информацию «Ежегодники Министерства финансов» помещают, начиная с 1897 гг.

Таблица 14. Распределение книжек и сбережений (тыс.руб.) по роду занятий вкладчиков и доля представителей отдельных родов занятий в общем числе вкладчиков и сумме вкладов (%) в 1897 и 1913 гг. (тыс.руб. и %)

Род занятий	1897		1913		1897		1913	
	книжек	сумма	книжек	сумма	6	7	8	9
Землевладение	25961	6665	39639	9260,6	1,1	1,6	0,5	0,6
Землед. и сел. промыслы	430522	77670	2546643	480248,8	18,9	18,8	29,6	31,0
Городские промыслы	256471	38678	1121539	179527,5	11,3	9,4	13,0	11,6
Фабр., зав. и рудники	99626	13727	456611	72592,8	4,4	3,3	5,3	4,7
Услужение	244877	34121	712741	113147,8	10,8	8,3	8,3	7,3
Торговля	184217	39942	680493	149527,3	8,1	9,7	7,9	9,6
Духовное звание	114306	37131	201844	59451,3	5,0	9,0	2,3	3,8
Офицеры	34090	7645	85303	17254,5	1,5	1,9	1,0	1,1
Нижние чины	101870	9664	336075	22193,4	4,5	2,3	3,9	1,4
Служба гражданская	141240	27878	297796	55967	6,2	6,8	3,5	3,6
Служба частная	212300	39648	1299828	246637,9	9,3	9,6	15,1	15,9
Прочие занятия	432214	79296	830170	144026,8	19,0	19,2	9,6	9,3
Итого	2277694	412065	8608682	1549836	100	100	100	100

Источник: Ежегодник Министерства финансов. Вып.1899 г. Спб., 1900. С.539; Ежегодник Министерства финансов. Вып.1915 г. Пг., 1915. С.206-207

Значения пунктов 6-9 второй строки:

6. распределение книжек по «родам занятий» вкладчиков в 1897 г. (%);

7. распределение сумм по «родам занятий» вкладчиков в 1897 г. (%);

8. распределение книжек по «родам занятий» вкладчиков в 1913 г. (%);

9. распределение сумм по «родам занятий» вкладчиков в 1913 г. (%).

Таблица 15. Приросты числа книжек и вкладов за 1897-1913 гг.

Род занятий	2	3	4	Род занятий	6	7	8
Землед. и сел. про-	2116121	591,5	33,4	Землед. и сел. про-	402578,8	618,3	35,4

мыслы				мыслы			
Служба частная	1087528	612,3	17,2	Служба частная	206989,9	622,1	18,2
Городские промыслы	865068	437,3	13,7	Городские промыслы	140849,5	464,2	12,4
Торговля	496276	369,4	7,8	Торговля	109585,3	374,4	9,6
Услужение	467864	291,1	7,4	Услужение	79026,8	331,6	6,9
Прочие занятия	397956	192,1	6,3	Прочие занятия	64730,8	181,6	5,7
Фабр., зав.и рудники	356985	458,3	5,6	Фабр., зав.и рудники	58865,8	528,8	5,2
Нижние чины	234205	329,9	3,7	Служба гражданская	28089,0	200,8	2,5
Служба гражданская	156556	210,8	2,5	Духовное звание	22320,3	160,1	2,0
Духовное звание	87538	176,6	1,4	Нижние чины	12529,4	229,7	1,1
Офицеры	51213	250,2	0,8	Офицеры	9609,5	225,7	0,8
Землевладение	13678	152,7	0,2	Землевладение	2595,6	138,7	0,2
Всего	6330988	378,0	100,0	Всего	1137770,7	376,1	100,0

Источники: см. таблицу 6.

Значения пунктов 2-4 и 6-8 первой строки:

2. Абсолютный прирост числа книжек

3. Увеличение показателей в 1913 г. в сравнении с 1897 г. (%)

4. Доля данного «рода занятий» в приросте числа книжек (%)

6. Абсолютный прирост вкладов (тыс.руб.)

7. Увеличение показателей в 1913 в сравнении с 1897 г. (%)

8. Доля данного «рода занятий» в приросте вкладов (%)

Таблицы 14 и 15 содержат много информации, однако я ограничусь следующими замечаниями.

Данные за 1897 г. показывают, что в стране с населением 126,4 млн. - чел. насчитывалось 2,3 млн.сберкнижек, на которых хранилось 412 млн.руб. (28,3% бюджета Империи в 1458 млн.руб.^{lxvi}). Если считать, что на семью приходилась одна книжка, а средняя численность семьи составляла примерно 6 человек^{lxvii}, то, следовательно, сберкнижки были в 9-10% семей.

Данные за 1913 г. фиксируют ситуацию, которая куда больше соответствует бурной модернизации, переживавшейся страной в предвоенную четверть века. На 170 млн. жителей России приходится теперь 8,6 млн. книжек. Другими словами, по тому же расчету, уже порядка 30% семей хранит в сберегательных кассах 1550 млн.руб. Эта сумма составляет 45,3% бюджета Империи в 3420 млн.руб.^{lxviii} и в 3,6 раза превосходит стоимость «Большой флотской программы».

Как можно видеть из таблицы 15, за 1897-1913 гг. в сбережении накоплений больше всех преуспели жители деревни, частные служащие

(прежде всего, конечно, представители бизнеса) и городские ремесленники и кустари. В сумме на эти три «рода занятий» пришлось 64,3% прироста книжек и 66,0% прироста вкладов.

Соответственно заметно изменился удельный вес отдельных социальных слоев (таблица 14). Доля крестьян увеличилась с 18,9 до 29,6% по числу книжек и с 18,8 до 31,0% по сумме вкладов, доля представителей частного сектора — с 9,3 до 15,1% по количеству книжек и с 9,6 до 15,9% по сумме сбережений, ремесленников — с 11,3 до 13,0% по числу книжек и с 9,4 до 11,6% по размерам вкладов, фабрично-заводских рабочих и шахтеров — с 4,4 до 5,3% по количеству книжек и 3,3 до 4,7 по сумме вкладов.

Полагаю, что эти данные — яркое свидетельство *успеха* модернизации С.Ю. Витте — П.А.Столыпина. Представители данных социальных групп (за исключением, пожалуй, прислуги) были *прямо* связаны с функционированием экономики страны, и рост их благосостояния — ясное доказательство успешного ее развития.

И хотя в 1913 г., как и в 1897 г., наиболее состоятельными группами населения остаются духовенство, помещики и офицеры, но разрыв между ними и остальными группами сокращается.

Весьма интересен и гендерный аспект проблемы. Доля сберкнижек, принадлежащих женщинам, и их вкладов растет для всех социальных категорий, кроме представителей лиц духовного звания, офицеров и нижних чинов. И это тоже безусловный и важный показатель успеха модернизации.

В конце XIX — начале XX вв. в России начался сопряженный с модернизацией долгий процесс постепенного увеличения материальных достатков малоимущих категорий населения, выражающийся, в частности, в повышении доли приходящихся на них сбережений. Я не склонен переоценивать его масштабы в 1913 г., однако положительная динамика этого процесса была вполне обнадеживающей, и не за горами было время, когда он должен был набрать *настоящий* размах.

Итак, статистика движения вкладов в сберкассах определенно свидетельствует не только о росте благосостояния населения Империи в конце XIX — начале XX вв., но и о позитивных изменениях в психологии этого населения.

В контексте рассматриваемой темы заслуживают внимания данные еще одного не вполне традиционного источника — статистики пассажирского движения по железным дорогам. Мобильность населения — важный показатель степени модерности общества, значимость которого

для России тем выше, что еще в 1906 г. передвижение большей части населения по стране было ограничено.

До введения с 1 декабря 1894 г. нового общего тарифа пассажирское движение в целом развивалось куда менее успешно, чем грузовое, прежде всего из-за конструкции общего пассажирского тарифа, при котором пассажир платил за поездку по одинаковой ставке с пройденной версты вне зависимости от расстояния пробега.

Между тем масштабы России и потребности ее модернизации настоятельно диктовали необходимость облегчения условий перевозок пассажиров на средних и дальних расстояниях. В основе реформы пассажирского движения лежала идея значительного *удешевления стоимости проезда* с целью привлечения максимально возможного числа клиентов.^{lxix}

Как и другие тарифные реформы С.Ю. Витте, она строилась на системе дифференциального тарифа, при котором стоимость проезда постепенно относительно понижалась по мере увеличения расстояния. Статистика показывала, что при старом тарифе даже на расстояниях от 200 до 300 верст начиналось сильное падение числа пассажиров, и было решено удешевить проезд уже на этих пробегах.

Понижение ставок начиналось со 160-ти верст. Новый тариф было решено построить так, чтобы на протяжении 600 верст (Петербург — Москва) снизить его до уровня действовавшего до 1873 г. старого тарифа Николаевской железной дороги, который для III класса равнялся 6 руб., а на дальнейших расстояниях, начиная с 1000 верст, достичь понижения действующего тарифа примерно в два раза.^{lxx} По старому тарифу к стоимости билетов прибавлялся государственный сбор в размере 25% для I и II классов и 15% для III класса. Теперь же государственный сбор, установленный в едином размере 15% для всех трех классов, включался в стоимость проезда.

До реформы соотношение провозных плат III, II и I класса выражалось, как 1:1,95:2,6, а по новому тарифу оно составляло 1:1,5:2,5, притом, что ставки III класса заметно понизились.

Новый общий тариф был введен с 1 декабря 1894 г., и уже в 1895 г. среднее динамическое расстояние проезда по русским железным дорогам увеличилось со 105 до 158 верст, т.е. в полтора раза!

С 1895 г. начали вводиться многочисленные особые пониженные пригородные тарифы (трех классов), дававшие пассажирам широкий спектр выбора вариантов льготного проезда.

Таблица 12 Число поездок по общему и пригородному тарифам в 1894-1913 гг. (тыс.)

Годы	Число поездок					Доля каждого класса в общем итоге (%)				
	I класса	II класса	III класса	IV класса	ВСЕГО	I клас-са	II клас-са	III клас-са	IV клас-са	ВСЕГО
1894	449	2648	36880	2489	42466	1,06	6,2	86,8	5,9	100
1895	654	4323	38452	2782	46211	1,42	9,4	83,2	6,0	100
1896	989	5066	42423	3004	51482	1,92	9,8	82,4	5,8	100
1897	843	6219	49114	3486	59662	1,41	10,4	82,3	5,8	100
1898	892	7045	55501	4076	67514	1,32	10,4	82,2	6,0	100
1899	1053	8166	62207	4278	75704	1,39	10,8	82,2	5,7	100
1900	1155	8842	66765	4368	81130	1,42	10,9	82,3	5,4	100
1901	1262	10020	72968	5825	90075	1,40	11,1	81,0	6,5	100
1902	1205	10416	77600	6042	95263	1,26	10,9	81,5	6,3	100
1903	1246	10901	81891	7102	101140	1,23	10,8	81,0	7,0	100
1904	1172	10845	82808	7726	102551	1,14	10,6	80,7	7,5	100
1905	1029	10209	76567	7561	95366	1,08	10,7	80,3	7,9	100
1906	1059	11136	84736	8625	105556	1,00	10,5	80,3	8,2	100
1907	1145	12092	92815	11475	117527	0,97	10,3	79,0	9,8	100
1908	974	11364	98143	16000	126481	0,77	9,0	77,6	12,7	100
1909	732	9606	105562	20577	136477	0,54	7,0	77,3	15,1	100
1910	840	11507	115135	25893	153375	0,55	7,5	75,1	16,9	100
1911	1043	14536	125743	32139	173461	0,60	8,4	72,5	18,5	100
1912	1153	16589	135366	36979	190087	0,61	8,7	71,2	19,5	100
1913	1223	18778	148150	44540	212691	0,58	8,8	69,7	20,9	100

Источник: "Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам" за 1913 г. вып.52, СПб., 1915. С.4.

Статистика говорит о том, что в предвоенное 20-летие жители России стали ездить не только больше, но и дальше.^{lxxi}

В 1913 г. число поездок на расстояние свыше 1000 верст составило 2780 тыс., т.е. выросло в 11,9 в сравнении с 1894 г., в 3,8 раза в сопоставлении с 1895 г. и, как минимум, удвоилось в сравнении с началом XX в.^{lxxii} При этом переезды переселенцев и других льготных пассажиров в это число не входят.

Особо отмечу неуклонный рост числа поездок II класса — в 7,1 раза за 20 лет! Как кажется, это показатель роста среднего класса в стране, еще одного и важного индекса модерности.

О социальной составляющей тарифной политики правительства говорит то, что после издания в 1893 г. специального закона о льготных перевозках, появился целый ряд льготных тарифов. В их числе:

- тариф 1894 г., по которому Российский Красный Крест стал бесплатно перевозить медицинский персонал, санитарные отряды и медикаменты, которые он отправлял для борьбы с неурожаями, эпидемиями и помощи пострадавшим;

- тариф 1895 г. для учащихся при поездках на экскурсии и в санатории;

- тариф 1896 г. для слепых и больных глазами;

- тариф 1897 г. для перевозки пожарных команд и обозов;

- тариф 1898 г. для переселенцев, ходоков и их кладов, по которому они получили право проезда по детскому билету III класса;

- тариф 1900 г. для летучих глазных отрядов;

- тариф 1901 г. для больных и слабосильных воспитанников учебных заведений и для детей, призреваемых благотворительными заведениями;

- тариф 1901 г. для лиц, укушенных бешеными животными, душевнобольных и больных проказой;

- тариф 1894 г. для съездов и выставок;

- тариф 1899 г. на перевозку строительных и других материалов для строительства или ремонта церквей;

- тариф 1901 г. на перевозку картин, принадлежащих различным русским обществам и товариществам художников, и целый ряд других тарифов.¹⁰⁰ⁱⁱⁱ

У правительства России было ясное понимание, во-первых, того, что *люди должны ездить по своей стране*, и, во-вторых, что они должны ездить за *разумную* плату. Поэтому приоритетными для него были интересы пассажиров (не хотелось бы осовременивать эту тему, но — увы!). О социальной составляющей тарифной политики правительства и говорить нечего.

Безусловно, политика правительства в сфере пассажирского движения внесла весомый вклад в развитие процесса модернизации страны. Устанавливая плату за проезд, Министерство финансов действовало прежде всего из высших государственных, а не ведомственных соображений, усиливая процесс интеграции между частями Империи, которая до строительства железных дорог выглядела целостно скорее на географической карте, чем в действительности.

Все вышесказанное говорит о позитивном векторе развития благосостояния значительной — по меньшей мере — части населения страны.

Из этого **никоим** образом не следует, что в конце XIX — начале XX вв. Империя была территорией «всеобщего благоденствия» — таких не бывает в принципе.

Однако я вполне солидарен с Б.Н. Мироновым, который счел нужным подчеркнуть, что его вывод о систематическом повышении уровня жизни населения в XIX – начале XX в. не означает, что «широкие массы российского населения, прежде всего крестьянство, в пореформенное время благоденствовали или даже жили зажиточно. Они жили по-прежнему небогато, как, впрочем, и большинство населения других европейских стран, уступая лишь наиболее развитым из них. Но *уровень их жизни, несмотря на циклические колебания, имел позитивную тенденцию — медленно, но верно увеличиваясь, обуславливаясь общей благоприятной экономической ситуацией в стране*»^{lxxiv}.

Пока я рассказывал о результатах собственных изысканий.

Однако в последние годы вышел ряд очень серьезных исследований, авторы которых на совершенно других материалах приходят к аналогичным выводам.

Это, прежде всего, монография Б.Н. Миронова «Благосостояние населения и революции в имперской России» (М., 2010), первое исследование российской исторической антропометрии, а также целого ряда сюжетов, связанных с проблематикой благосостояния в целом.

В работах И.В. Поткиной, А.М. Маркевича и А.К. Соколов, Л.И. Бородкина, Т.Я. Валетова, Ю.Б. Смирновой, И.В. Шильниковой на основании скрупулезного изучения архивов делается, в числе прочего, вывод о том, что **реальная** зарплата рабочих неуклонно росла, особенно после 1905 г.^{lxxv}

Как нам измерить Россию

Приведенные факты не укладываются в рамки привычного тезиса о перманентном ухудшении положения населения после 1861 г. и никак не совмещаются с образом страны, клонящейся к упадку, «приговоренной» к революции, обреченной на катаклизмы и т.п., а говорит ровно об обратных тенденциях.

Поскольку негативистская схема давно стала аксиомой, и попытки ее пересмотра воспринимаются на уровне покушений на систему Коперника, то это обстоятельство необходимо разъяснить.

Спорить с многочисленными свидетельствами кризиса уравнительно-передельной общины во второй половине XIX в. невозможно.

Однако здесь необходимо отметить как минимум два принципиальных момента.

1. Традиционные методики демонстрации упадка благосостояния населения после 1861 г. большей частью неосновательны.

В нашем распоряжении нет ни одного источника, который позволял бы **прямо** проследить динамику благосостояния не только каждого человека в отдельности (это и сейчас нелепо), но и отдельных групп населения. Однако есть источники косвенные, и мы с ними отчасти познакомились.

Как правило, люди не считают простой собственную жизнь. Однако, будучи одновременно склонны к простым ответам на сложные вопросы, они почему-то часто уверены в том, что совокупная жизнь миллионов Homo sapiens может и должна описываться элементарно.

Это естественное стремление традиционная историография утилитарно использует в своих целях. Она де-факто предпочитает игнорировать территориальный аспект нашей истории, поскольку для ее нехитрых построений куда удобнее рассматривать Россию как пространство внутри даже не МКАД, а Садового кольца. А ведь не только каждая губерния, но нередко и отдельные уезды были целым миром со своей историей, спецификой устройства и организации жизни.

Напомню, что Франция с площадью порядка 550 тыс. кв. км. справедливо считается гигантом Западной Европы. Но ведь площадь Франции — это площадь лишь **четырёх** дореволюционных российских губерний из **девятиста** — Саратовской, Самарской, Оренбургской и Уфимской, суммарная территория которых составляла 480, 8 тыс. кв верст, или 547,2 тыс. кв км!

Представим территорию Европейской России в 5 млн. кв км, равную половине части света Европа. Здесь в 1861 г. в 334,5 тыс. сельских поселений проживало примерно 54 млн. чел., а в 1897 г. в 591,1 тыс. сельских поселений обитало порядка 82 млн. чел.^{186vi}

Понятно, что число конкретных житейских ситуаций, имевших место на этом пространстве — от Урала до Польши, от Белого моря до Каспия и от Балтики до Черного моря — приближается к бесконечности. На этих просторах всегда можно найти аргументы, для создания, так сказать, и «Севильского цирюльника», и Реквиема. То есть, здесь нетрудно обнаружить факты, которыми можно что угодно подтвердить, и что угодно опровергнуть!

Социально-экономические процессы такого масштаба, о котором мы говорим сегодня, в истории фиксируются на уровне статистической тенденции — больше или меньше. Поэтому и важны интегрированные по-

казатели, а не иллюстрации в роде «деревни Простоквашино». Они, конечно, тоже бывают необходимы, но недопустимо основывать глобальные выводы *только* на таких примерах.

Понятно, насколько важны для потомков мнения современников, но надо ясно понимать, что не всегда они «в одну цену». Статистика не расскажет о том, как воздействовали на окружающих своим магнетизмом Петр I или Наполеон, это может сделать только очевидец.

Однако очевидцы могут иметь совсем разные мнения относительно того, например, улучшилось или ухудшилось материальное положение крестьян после 1861 г. (Б.Н. Мironов убедительно показал это на анализе материалов Комиссии Валуева 1872-1873 гг.^{lxxvii} – М.Д.), или о причинах нарастания неурожая, или о проблеме глобального потепления. Часто это обычная иллюстрация к сюжету о стакане воды, который то ли наполовину пуст, то ли наполовину полон. Так устроены люди.

Средние цифры для России весьма напоминают грузовик, полученный из суммы паровоза и велосипеда, деленной пополам. В этом смысле мне нравится такой пример. В 1917 г. 52% крестьянских хозяйств не имели плугов, «обрабатывая землю сохами и косулями и т.п.»^{lxxviii}. Этот факт, безусловно, в известной степени показателен. Действительно, если определять уровень развития, например, плужной обработки земли, исходя из того, что в Архангельской губернии, согласно Переписи сельхозмашин и орудий 1910 г., на 100 орудий подъема почвы приходилось 0,2 железного плуга, а в Ставропольской — 99,4, то средняя величина и составит примерно 50%. Однако этим в принципе игнорируется то обстоятельство, что в Архангельской губернии на каждые 500 сох, рал, косуль приходился всего 1 железный плуг, а в Ставропольской губернии их было в 497 раз больше.^{lxxix}

Россия *слишком* большая страна, чтобы всегда продуктивно описываться средними арифметическими.

Между тем народники, для удобства пропаганды изобрели фикцию под названием «русский крестьянин», абстракцию такой заоблачной высоты, что впору надевать кислородную маску.

Едва ли не главное, что характеризует эту фикцию — пресловутые душевые показатели потребления хлеба, получаемые в результате деления заниженного урожая на число жителей (этим сейчас активно занимается С.А. Нефедов), которые затем сопоставляются с аналогичными показателями стран Запада, из чего следует, что Россия была страной дистрофиков, а вовсе не мировой державой. К тому же — страной полуодетых дистрофиков, если привлекать сведения о душевом потреблении хлопчатобумажных тканей, например. Какие претензии к карте

мира могло выдвигать ее правительство с такими «стартовыми характеристиками» — мне лично непонятно.

Мне также неизвестно, задумывались ли авторы, приводящие в своих работах эти данные, о проблеме сопоставимости этих сведений, о том, одинаковой ли была методика подобных подсчетов в разных странах, или же они попросту некритически заимствовали материалы из соответствующей литературы.

Сопоставимость расчетов как бы подразумевается сама собой, но так ли это на деле? Для меня очевидно, что данный сюжет требует обстоятельного изучения. Это все основы профессии.

Тут есть еще один нюанс. Сравнение душевых показателей потребления хлеба не такой уж бесспорный показатель уровня удовлетворения продовольственных потребностей, как кажется на первый взгляд, еще и потому, что исходит из тезиса об идентичности структуры питания жителей разных стран, а это неверно.

В конце XIX — начале XX вв. душевое потребление хлеба перестает быть главным и безусловным критерием уровня потребления населения.

То, что время «хлебоцентристского» подхода к потреблению населения проходит, и общемировой вектор эволюции потребления состоит в вытеснении муки овощами, молочными продуктами и мясом, понимал Головин уже в 1899 г., не говоря о Чаянове и его сотрудниках в 1916 г., но adeptам «голодного экспорта» и «непосильных» платежей эта мысль недоступна и в наши дни.

Головин писал: «Мы продолжаем твердить за гг. статистиками на основании данных, относящихся к началу 70-х годов, что в среднем на жителя Англии, Бельгии, Франции приходится в год от 19—25 пуд. муки, и чистосердечно ему завидуем, воображая, что чем богаче народ, тем больше он ест хлеба»¹⁰⁰⁰.

В России конца XIX — начала XX вв. этот долгий процесс уже начался, хотя в разных регионах шел, понятно, по-разному.

Знал бы Головин, что и в начале XXI в. в России будут защищать диссертации, авторы которых «приговаривают» Большую часть дореволюционного крестьянства к пожизненному прозябанию «на хлебе и воде»!

Еще один пример популярного в традиционной историографии сравнения, точнее «равнения на Запад». Несмотря на то, что Россия имела вторую по протяженности длину железных дорог в мире, на единицу пространства в Европейской России рельсовых путей было в 11 раз меньше, чем в Германии и в 7 раз меньше, чем в Австро-Венгрии и т.п.¹⁰⁰¹

Это так. Однако нельзя при этом не заметить, что площадь Германии составляла 10,4%, а Австро-Венгрии — 13,2% площади Европейской России, т.е. первая по размерам территории уступала последней в 9,6 раз, а вторая — в 7,6 раз. С учетом этого обстоятельства отставание России в протяженности рельсовой сети на единицу площади не выглядит уж таким безнадежным.

Показательно, что в 1913 г. в губерниях Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Пермской и Вятской (примерно треть территории Европейской России) на площади в 1638910,5 кв верст, в полтора раза (1,52) превышавшей суммарную площадь Германии и Австро-Венгрии, проживало порядка 11 млн. чел., т.е. примерно в 10-11 раз меньше, чем в указанных странах вместе взятых.

Вопрос — нужна ли была на русском Севере и Северо-Востоке такая же разветвленная железнодорожная сеть, как в центре Европы, несколько иначе насыщенном человеческой деятельностью?

Я не оспариваю пользы такого рода сопоставлений в принципе, но хочу заметить, что они имеют ограниченную *эффективную* сферу применения.

Граница сравнений — здравый смысл. Бездумные сопоставления правды не открывают, а восприятие портят.

В этом плане и душевые сравнения опять-таки не работают так однозначно, как кажется апологетам нищей России, в силу элементарной некорректности. Например, во многих развитых странах Запада во второй половине XIX в. уже произошла модернизация, а агротехнологическая революция была в разгаре. Россия в этом отношении очень мало продвинулась со времени своего средневековья, которое отнюдь не закончилось 19 февраля 1861 г., и эта революция там начнется только со Столыпинской аграрной реформой. Можно, конечно, сравнивать результаты, условно говоря, профессиональных спортсменов и юниоров, но мне не кажется это методологически правильным. А Россия — мировая держава с точки зрения военной мощи, в других отношениях была еще «юниором», что абсолютно естественно вытекает из ее предшествующей истории. К сожалению, ей не дали вырасти...

2. Свидетельства современников негативного характера необходимо, как говорилось, корректировать с учетом семантической «инфляции».

О том, насколько дореволюционное представление о голоде не совпадает с нашим современным можно судить по следующему примеру.

После распада в 1909 г. картельного соглашения рафинёров, то есть производителей рафинада, производство сахара-рафинада за 1909-1910 операционный год, выросло на 17% (!) в сравнении с 1908-1909 г. и пре-

высило 50 млн.пуд. Рынок оказался переполнен рафинадом, цены на который резко снизились. В то же время в стране стала ощущаться нехватка песка, во-первых, из-за неурожая свекловицы, а, во-вторых, потому, что рафинеры внепланово изъяли с рынка для переработки более 7 млн.пуд. сахарного песка.^{lxxxii}

Сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, в ряде городов России «нельзя было найти какого-нибудь вагона песка», а с другой, рынок был буквально завален рафинадом, который в итоге сравнялся в цене с песком. Поэтому потребители начали покупать быстрорастворимый рафинад и толочь его в песок для варки варенья.^{lxxxiii}

И вот эта ситуация в тогдашней прессе совершенно серьезно именовалась «сахарным голодом»!

Я, понятно, не хочу сопоставлять этот слегка водевильный для нас эпизод с трагедией 1891-1892 гг. (отмечу мнение Б.Н. Миронова о том, что большую часть жертв этого катаклизма унесла холера, которую не умели тогда лечить). Однако он заставляет задуматься о многом. Нельзя не отметить здесь также определенную бедность русского языка в описании такого сегмента действительности как «голод». Английский язык, например, дает куда большую дифференциацию данного понятия.

Если в России конца XIX — начала XX вв. цена, положим, пуда железа выросла на 0,2 коп/пуд, то в стране немедленно начинался «металлический» голод. То есть, это слово характеризовало не только ситуацию недорода хлебов, оно было дежурным обозначением малейшего нарушения ценового статус-кво в сторону удорожания. Позже, я думаю, очень многие журналисты осознали, что не нужно было некоторые слова употреблять всуе, а то ведь они, как и мысли, имеют тенденцию к материализации.

Долгая жизнь натурально-хозяйственной концепции, или почему историки не понимают друг друга

Итак, «пессимистические» факты не столь однозначны, как того хотелось бы традиционной историографии, и к тому же они вырваны из контекста эпохи. Но даже и с учетом вышесказанного, оспаривать их (факты), повторюсь, невозможно.

В рамках привычного черно-белого подхода противоречия между «позитивным» и «негативным» массивами данных примирить нельзя — тут может быть правильно либо одно, либо другое.

Однако на деле верны оба комплекса свидетельств, просто жизнь была несравненно богаче, чем ее описывали пристрастные и/или политически ангажированные современники.

Указанные противоречия оказываются большей частью мнимыми, стоит только понять, что **нельзя смешивать проблему положения крестьянского хозяйства** в пореформенной уравнительно-переделной общине **с проблемой народного благосостояния**.

(подобно тому, как в наши дни нельзя путать реальные доходы множества людей и те суммы, за которые они расписываются в ведомостях зарплаты). Проблемы эти, разумеется, отчасти перекрывают друг друга, но лишь отчасти, поскольку далеко не идентичны. Например, крестьянин, как говорят источники, мог мало обращать внимания на свое хозяйство, но при этом неплохо зарабатывать

Данное обстоятельство представляется настолько очевидным и даже банальным, что, казалось бы, нет смысла говорить о нем специально. Между тем, как это ни странно на первый взгляд, в историографии подобная дифференциация отчетливо не проводится, это смешение де-факто происходит сплошь и рядом, да мы часто и не задумываемся о возможности такого взгляда на жизнь деревни!

Сам по себе отход крестьянина от своего надела на заработки традиционной историографией воспринимается как нечто аномальное, как доказательство его тяжелого материального положения. Это как если бы Робинзон начал распахивать соседний остров, не будучи в состоянии прокормиться на том, куда его определила судьба. Такова сила народнической традиции, идущей еще с дореволюционных времен. Однако почему же крестьянин не может выходить за родную околицу?

Положение крестьянского хозяйства определялось доходами крестьян от ведения собственного хозяйства, т.е. количеством сельскохозяйственных продуктов, получаемых со своего надела (отсюда, кстати, вытекает одна из классических претензий русской интеллигенции к правительству — тезис о несоответствии площади крестьянских наделов размерам платежей, — как будто крестьяне давали обязательство жить только тем, что произведут в своем хозяйстве!).

Второй же показатель складывался из всей суммы доходов населения, и применительно к крестьянству он равен сумме доходов от надела и вненадельных заработков (полностью учесть которые едва ли возможно).

Динамика уровня благосостояния населения отражается в интегрированных показателях, характеризующих развитие сельскохозяйственного и промышленного производства, в статистике перевозок народнохозяйственных и потребительских грузов, статистике внешней торговли, статистике акцизных поступлений, статистике движения вкладов в сберегательных кассах, динамике роста зарплаты рабочих, статистике

развития кооперации и т.д. Особо хотелось бы выделить новейшее исследование Б.Н. Мироновым данных антропометрии — и не только!^{188xiv}. Разумеется, огромное значение имеют здесь и нарративные источники.

И — взятые в комплексе — они неоспоримо говорят о позитивной динамике потребления населения Российской империи, что вполне естественно.

В конце концов пора бы уже осознать, что экономическая модернизация, индустриализация проходили не в вакууме, что население страны получало деньги за то, что участвовало в строительстве железных дорог, фабрично-заводских предприятий, в городском строительстве и т.д., за работу на бурно прогрессирувавшем транспорте (железнодорожном, речном и морском) и в сфере разнообразных услуг, за производство товаров, как сельскохозяйственных, так и промышленных, и что одновременно оно покупало эти товары!

Это ясно показывает приводимая статистика.

У нас же до сих пор в учебниках позитивная динамика роста сельскохозяйственного и промышленного производства во второй половине XIX — начале XX вв., создание второй по протяженности сети железных дорог в мире, превращение еще вчера крепостнической России в одну из развитых стран мира накануне Первой Мировой войны и многое другое существуют в одном параграфе независимо от людей, создающих и потребляющих это национальное богатство, которые в соседнем параграфе живут отдельной и все более грустной жизнью. Кажется, не времена «Великого перелома» и «Большого скачка» обсуждаются! Вот тогда действительно рост показателей (притом фальшивый, как со временем выяснилось) шел за счет многих миллионов людских жизней в прямом и переносном смысле!

Здесь **крайне важно** подчеркнуть, что старый тезис о том, что модернизация проводилась за счет крестьян, современной историографией отвергается^{188xv}

Поэтому на естественный вопрос — может ли обеднение немалой, хотя отнюдь не преобладающей, части крестьянских хозяйств происходить на фоне индустриализации и фиксируемого массовыми источниками роста благосостояния населения в целом, хотя и относительно небольшого, но вполне очевидного, следует ответ — может!

Может — если мы перестанем считать, что это благосостояние определяется **только** тем, что крестьяне получают от своей земли, воображая себе пореформенное российское крестьянство как бы коллективным Робинзоном (исходя из уровня агротехники — века примерно

XVII-го), который не может уйти со своего «острова»-надела, т.е. живущим в отрыве от происходивших в стране громадных перемен.^{lxxxvi}

Между тем буквально со школьной скамьи мы приучены к ровно противоположному взгляду, поскольку невольно являемся заложниками до сих пор неизжитой в общественном сознании **натурально-хозяйственной концепции** развития народного хозяйства. Она является главным источником народнической трактовки аграрного вопроса, а также и указанных противоречий^{lxxxvii}.

Из самого термина следует, что хозяйство крестьян должно быть натуральным, как в это было в Средневековье и раннем Новом времени, что оно должно самообеспечиваться всем необходимым — и продуктами питания, и одеждой, и сельскохозяйственными орудиями и т.д., и ни в коем случае не выходить на рынок, где царит растлевающий капитализм.

По этой теории, крестьяне *должны жить только* от дохода со своего надела, площадь которого «уже точно предопределяет размеры дохода». Отсюда следует, что *площадь крестьянского землевладения должна расти в том же темпе, что и численность населения деревни*. А поскольку этого не происходило, то именно из натурально — хозяйственной концепции вытекало массовое убеждение, что главной причиной кризисного состояния российской деревни является малоземелье.^{lxxxviii}

Суть понятия «натурально-хозяйственная концепция» состоит в двух тезисах. Во-первых, быт крестьян нужно устроить так, чтобы они могли обходиться без постороннего заработка, и сельское хозяйство должно быть рассчитано не для вывоза, а для потребления дома. А, во-вторых, крестьянин должен быть сыт и жить в общине, которую народники считали «зародышем» социализма. Никакого прогресса, связанного с развитием капитализма, т.е. «порабощением народа», России не нужно.^{lxxxix}

Заработок на стороне неприемлем, поскольку это форма «утонченной эксплуатации». Так «самобытно» в России усвоили социализм и, прежде всего, Маркса. Забавно, что все это говорится о крестьянах, которые еще недавно даром работали на барщине или содержали помещиков своими оброками!

Кстати говоря, изобретенный народниками тезис о «голодном экспорте» есть не что иное, как распространение натурально-хозяйственной концепции на масштабы России^{xc}.

Отсюда же критика «вынужденных осенних продаж» — крестьяне должны вести натуральное хозяйство и круглый год есть только свой хлеб!

Но, собственно говоря, почему это должно было быть так?

Такое было возможно в дореформенную эпоху, когда меновое, «капиталистическое» хозяйство в России только начиналось, когда не было железных дорог, когда не начиналась модернизация, буквально на глазах одного поколения начавшая преобразовать страну, когда появились фабрично-заводские товары, изменившие структуру потребностей крестьянства.

Модернизация резко увеличила число степеней свободы населения России. Другими словами, у него появилось куда больше вариантов зарабатывать на жизнь, решать свои финансовые проблемы, чем до 1861 г. И почему же крестьяне не должны были этим пользоваться? Разумеется, в разных регионах страны, в отдельных губерниях эти возможности были различными, но они были!

Совершенно понятно, что в рамках натурально-хозяйственной концепции, тривиально изолирующей крестьянское хозяйство от процесса модернизации Империи, внеадельные заработки крестьян и приобщение их к рынку выступают не как проявление естественного стремления людей соответствовать требованиям жизни, в частности, увеличить свой бюджет, а как доказательство **ненормальности** крестьянской жизни, ее упадка и т.д.

Между тем реальная Россия не желала уместиться в рамки этой теории. На фоне происходивших перемен многие тысячи крестьян по самым разным причинам начали постепенно отходить от сельского хозяйства. Этот долгий процесс, давно описанный в литературе, имел множество вариантов и градаций — вплоть до того, что сельское хозяйство переставало быть для части крестьян Началом и Концом существования — и они начинали другую жизнь.

Показательный пример. В 1896-1916 гг. имперским лидером по числу переселенцев (без ходоков^{хсц}) была Полтавская губерния, из которой в Азиатскую Россию уехало 374 тыс. чел. Затем шли Екатеринославская, Харьковская, Курская, Воронежская, Могилевская и Киевская, каждая из которых дала от 198 до 234 тыс. переселенцев.

А вот в центральных нечерноземных губерниях и соседних с ними ситуация была иной. Сопоставление данных о переселениях из этого региона в Азиатскую Россию с динамикой потребления сельхозмашин и орудий приводит к важным выводам. Эти губернии, с одной стороны, дают совершенно ничтожное число переселенцев — Петербургская, Новгородская, Тверская, Московская, Владимирская, Ярославская губернии в сумме за 1896–1916 гг. дали 13,7 (!) тысяч переселенцев, при этом Московская — 500 человек, а Ярославская — 100. Относительно невелики и

показатели Калужской (26 тыс.), Псковской (25 тыс.), Вологодской (16 тыс.), Костромской (10,8 тыс.) и Нижегородской (10,5 тыс.). Из всех этих 11-ти губерний за Урал уехало в два раза меньше крестьян, чем из одной только Воронежской (102 тыс. против 205 тыс.)^{xcii}. С другой стороны, эти же губернии были аутсайдерами (кроме Московской, но здесь особый случай) по объемам железнодорожного получения усовершенствованных сельхозмашин и орудий, в отличие, скажем, от той же Воронежской, в которой постоянно увеличивалось потребление агротехники.

О чем это говорит? Надо полагать, что если жители этого региона не хотели начинать новую крестьянскую жизнь за Уралом, то не с сельским хозяйством связывали они свои расчеты на будущее. Для сотен тысяч крестьян этих губерний земледельческий труд по тем или иным причинам уже либо перестал быть стержнем жизни и основным источником доходов, либо вовсе потерял свою привлекательность. Это совершенно естественный, закономерный процесс, который имел место повсюду в мире. Разумеется, это никак не касалось *всех* крестьян Нечерноземья и не означало, что сельское хозяйство не имело там никаких перспектив — аграрная реформа Столыпина наглядно показала это.^{xciii}

Совершенно иное положение фиксируется в сельском хозяйстве Новороссийских губерний и соседних с ними Харьковской, Воронежской, Полтавской, которые дают основное число переселенцев и одновременно являются главными потребителями сельхозтехники. Очевидно, что здесь происходит глобальный переворот в сельском хозяйстве — переселенцы освобождают место для нового рывка вперед тем, кто остается, а сами превратят Сибирь в новый и важный сельскохозяйственный регион.^{xciv}

Эти картины у всех были перед глазами. Вокруг воистину кипела и бурлила новая жизнь.

Народники, разумеется, видели перемены, происходившие в стране, однако не желали понять их истинного смысла, поскольку они разрушали *утопию*.

Кризис общины был налицо. Такие компетентные *непартийные* деятели, как С.Ю. Витте, А.Е. Воскресенский, А.С.Ермолов, К.Ф. Головин, В.И. Гурко, П.П. Дюшен, А.П. Никольский, Д.А. Столыпин, Б.Н. Чичерин и другие, которых можно условно назвать представителями «партии здравого смысла» России, дружно говорили о том, что община тормозит сельскохозяйственное развитие страны с бурно растущим крестьянским населением.

Б.Н. Чичерин писал: «Социал-демократы вопят о малости надела... но закрывают глаза на истинные причины бедствия, и главное, считают не-

прикосновенною святынею то коренное зло, которое влечет за собою общее обеднение, — общинное землевладение.

Пока крестьянин не привык думать, что он сам должен устраивать свою судьбу и судьбу своих детей, никаких путных экономических привычек у него не может образоваться. Крепким сельским сословием, способным служить источником обогащения для себя и для страны, может быть только сословие личных собственников или арендаторов-капиталистов, а никак не общинных владельцев». ^{xcv}.

Серьезный прогресс агротехники в общине был невозможен по определению из-за принудительного севооборота, мелкополосицы, дальнотеррасного, экстенсивного общего пользования угодьями, а также постоянной угрозы передела земли (осовременивая сюжет, спрошу — кто будет делать евроремонт в общежитии?). Об этом писал крестьянский писатель-самородок С.Т. Семенов, об этом говорили и крестьяне-депутаты III Думы, так же думали миллионы их собратьев, принявших реформу П.А. Столыпина. ^{xcv}

А им отвечали, что есть общины, которые переходят к травосеянию и что все дело в малоземелье. Между тем статистика показывала, что в малоземельных губерниях крестьяне живут богаче, чем в многоземельных. Причина того, что на элитном черноземе собирались чуть ли не самые низкие в Европе урожаи, заключалась не в количестве земли, а в средневековых приемах и условиях ее обработки, которые в огромной степени определялись наличием общины.

Абстрактные идеи о том, что община якобы спасает Россию от «язвы пролетариата», в реальности, естественно, не работали — деревня нищала, сельский пролетариат рос на глазах, и именно из-за общины.

Однако народники видели только то, что хотели видеть, и, вопреки очевидности, верили в то, что кризис преодолим и общину можно спасти путем ликвидации исторической власти, «черного передела», создания социалистической крестьянской республики т.д.

Справедливости ради замечу — за общину держались не только они.

Дело в том, что рожденный славянофилами общинно-социалистический романтизм не оставил равнодушной очень большую часть общества и крепко въелся в сознание пореформенного общества, что и понятно — это была патриотичная и *очень* льстящая самолюбию теория.

Невозможно больше пользоваться ленинской схемой расстановки общественных сил: реакционный правительственный лагерь, (гнилой) либеральный, борьба которого с царизмом объективно на руку революции, и революционный лагерь, состоящий из правильных социалистов-марксистов и отсталых социалистов-утопистов эсеров и прочих народников,

которая (схема) де-факто по-прежнему определяет тональность множества работ.

Дело в том, что социалисты были во всех лагерях.

Красными в России были не все, но оттенков красно-розового и просто розового цвета было великое множество. У нас и историки часто не подозревают, что утопический социализм в Россию принесли и пропагандировали прежде всего славянофилы.

Идея красивая, что и говорить! Притом же, кто мог представить, что устроят, дорвавшись до власти, эти, казалось бы, безобидные, в сравнении с террористами, эсдеки?

Поскольку социализм подразумевает переход средств производства в общенародную собственность, то община выступала как его (социализма) залог. Благодаря общине Россия якобы оказывалась «мировым лидером» в общем движении к высшим социалистическим формам обобществления средств производства, минуя неизбежную для остальных народов переходную якобы ступень, когда эти средства концентрируются в руках капиталистов.

Одного этого было достаточно, чтобы завоевать симпатии большей части читающей публики.^{xcvii} Я, конечно, упрощаю, но не слишком.

Весьма многим нравится, когда их убеждают в том, что они «самые умные и самые красивые» (М.М. Жванецкий).

Кроме того, непреходящая популярность общины у относительно немногочисленного образованного класса России объяснялась в огромной степени тем, что множество представителей этого класса в душе оставалось крепостниками — сознание людей не меняется по звонку.

Я убежден в том, что социализм стал **формой компенсации крепостнического сознания** множества умеющих читать русских людей.

Деспотический режим формирует у подданных **вне зависимости от социального статуса и материального положения** сознание, которое я склонен назвать крепостническим. Такое мирозерцание не представляет окружающий мир как мир, где «люди подчиняются лишь закону, перед которым равны все сословия и где для человека естественно чувство собственного достоинства» (С.Р. Воронцов). Носители подобного сознания осмысливают действительность в дихотомии «безоговорочное господство/ подчинение», «барин/крепостные», «начальник/подчиненные» и т.п. Они непременно должны кем-то управлять, руководить, командовать. Достоевский гениально раскрыл это в понятии шигалевщины.

К началу XX в. огромный потенциал Великих реформ в полной мере реализован не был, и прежде всего из-за незавершенности крестьянской реформы в главном — крестьяне не стали собственниками своей земли, как было задумано Александром II и его сотруddниками.

Произошло это во многом потому, что значительная часть российского общества **вне зависимости** от своих партийных пристрастий хотела сохранения «неприкосновенной святыни» — крестьянской уравни-тельно-передельной общины.

Как известно, общину по разным причинам поддерживало и правитель-ство («охранители»), для которого она была оплотом существующе-го строя и одновременно удобным органом власти, и народники, кото-рые видели в ней «эмбрион» социализма.

Либералы, мечтая в первую очередь о конституции, занимали сред-нюю позицию, но также не видели иного пути для России, кроме общин-ного.

Чем же так импонировала община своим защитникам?

Тем, что она была идеальной структурой для того, чтобы держать в подчинении десятки миллионов крестьян. Основанная **на принужде-нии** людей к сохранению отсталой минималистской схемы общежития, община давала широчайшие возможности для управления этими людь-ми.

Борьба социалистов и либералов с «охранителями» и друг с другом шла прежде всего за то, кто из них будет управлять народом — «передо-вая» интеллигенция, земство, или земские начальники, чиновники МВД.

И — по большому счету — конкурировали они прежде всего **за мандаринат, за кормовую площадь**, каковой им представлялась рус-ская деревня — неважно под какими лозунгами!

Важный нюанс. «Охранители» хотя бы думали о стране, как они это понимали. А их оппоненты мечтали о богадельне на 1/6 часть земной суши, в которой они были бы важными людьми.

То, что в учебниках именуется контрреформами в аграрной сфере, во многом было реализацией требований оппозиции.^{xcviii} Так или иначе, но Власть провела почти все меры принудительного, крепостного, в сущно-сти, порядка, которые тормозили естественный процесс перехода рус-ской деревни к новому строю жизни.

Однако слова о том, что для «охранителей» община была оплотом су-ществующего строя и т.д., — это правда, но это не вся правда.

Как и на Западе, где после 1848 г. появились различные течения в со-циализме, — так и в России был социализм народнический, был марк-

систский, был и земский, но был и бюрократический. Поэтому — по аналогии с термином «социализм кафедры» — я ввожу термин «социализм департамента».

Социализм (разумеется, в варианте Бисмарка, а не Маркса) не слишком тайно исповедовался российской бюрократией. Это было вполне в духе времени. Бисмарковский подход к социализму, адаптированный к российской специфике, был весьма привлекателен для тогдашней бюрократии, поскольку открывал принципиально новые возможности для усиления своей роли в стране.

В.И. Гурко, автор указа 9 ноября 1906 г., пишет об этом вполне откровенно: «С этого дня (17 октября 1905 г. — М.Д.) мы стали на тот путь, по которому шли все государства Западной Европы. Тот **государственный социализм**, которым в течение долгого периода проникнуты были многие начинания нашей законодательной власти, а в еще большей степени многие из принимаемых правительством мер в порядке управления, должен уступить место предоставлению широкого простора самостоятельности и предприимчивости отдельных лиц.

Мы должны отказаться ныне от мысли равномерно поднять благосостояние всей массы населения, но зато обязаны облегчить отдельным лицам возможность развить все свои природные способности и тем увеличить свои материальные достатки. Если мы когда-нибудь и вернемся на путь коллективизма, то, несомненно, лишь теми же способами, которыми со временем, несомненно, станут на этот путь народы Западной Европы, а именно после высокого культурного развития преобладающего большинства всего населения. Такое развитие само собою приведет к организации сообществ на кооперативных началах»^{xcix}.

Понятно, что под политикой «государственного социализма» он имеет в виду в первую очередь и аграрную политику Александра III и Николая II (но не только ее). В частности, и контрреформы, и продовольственную помощь.

Данная мысль кажется неожиданной лишь на первый взгляд, но подробно об этом мы поговорим не сегодня.

При введении рабочего законодательства Победоносцев упрекал С.Ю. Витте в социалистических начинаниях. А чего стоит брошенное С.Ю. Витте замечание о том, что «после проклятого 1 марта реакция окончательно взяла верх» и «община сделалась излюбленным объектом Министерства внутренних дел по полицейским соображениям, прикрываемым литературой славянофилов и социалистов»^c.

И чего лучше было для Власти вырвать из рук социалистов и либералов их же знамя, и реально показать крестьянам, **кто** о них заботится по-настоящему. Вспомним продовольственную помощь!

Об этом можно еще много говорить, но, надеюсь, основная мысль ясна.

Суммируем вышесказанное. Ракурсы видения, осознания и изображения интеллигенцией отечественной деревни никак не могут считаться объективными.

В рамках описанного выше подхода оппозиции к проблеме благосостояния населения об установлении истины речь вообще не идет, поскольку исследование положения крестьян здесь — элемент политической борьбы «передовой» общественности с «ненавистным режимом».

В силу этого создаваемые последней картины российской пореформенной действительности не могут считаться адекватными.

Из этого следует не то, в жизни крестьянства не было «негатива», а то, что кроме «негатива» оппозиция не видела и не хотела видеть ничего.

В отличие от интеллигенции советского времени, над ней не висел «карающей меч пролетарской диктатуры».

Но в той системе координат доминировали другие ценности.

Исчерпывающе охарактеризовал эту проблему В.И. Гурко, рассуждая о тех, кто поддерживал партию кадетов: «За предшествующие сорок лет русская интеллигентная мысль достигла одного весьма реального результата.

Она сумела внушить общественности, что всякая защита существующего строя совершенно недопустима. Монархия и беспросветная реакция были ею до такой степени отождествлены и соединены знаком равенства, что в глазах передовой общественности они слились воедино.

При таких условиях надо было обладать исключительным гражданским мужеством, чтобы открыто исповедовать сколько-нибудь правые убеждения. Не следует, кроме того, забывать, что в то время как либерализм, так и фрондерство лишь редко препятствовали продвижению на государственной службе, наоборот, консерватизм встречал непреодолимые препятствия на пути общественной деятельности, а также в области свободных профессий.

Писатели, журналисты, адвокаты, художники, коль скоро они обнаруживали в той или иной форме свою оппозиционность правительству, всячески превозносились.

Писания первых находили множество читателей, творения вторых легко сбывались по высокой цене, помощи третьих искали все имевшие дела с судом, так как не только присяжные заседатели, но и коронный суд относился к ним с большей предупредительностью, с большим уважением.

Таким образом, материальные интересы работников свободных профессий также побуждали их щеголять либерализмом и фрондерством по адресу правительства, а следовательно, вступить в среду кадетов.

А наши ученые коллегии, разве они не расценивали подчас степень пригодности данного лица для занятия профессорской кафедры в зависимости от исповедуемых им политических взглядов, хотя бы таковые не имели никакого отношения к той науке, представителем которой эти лица являлись?

Разве Московский университет не забаллотировал совершенно выдающегося окулиста Головина, имевшего мужество высказать правые мысли, предоставив искомую им кафедру какому-то в научном отношении ничтожеству, щеголявшему политической левизной?

Разве Кони и Таганцев не были прославляемы не столько как блестящие криминалисты, сколько как высказывающие либеральные мысли, а профессор Сергиевский, столь же выдающийся криминалист, разве он не был предметом травли за проявляемый им консерватизм?

Наконец, разве не всем решительно было известно, что в диссертации на ученую степень немислимо было проводить сколько-нибудь политически консервативные взгляды и что для успеха необходимо было снабдить ее какой-либо критикой существующего строя, хотя бы указанием во вступительной части на те трудности, с которыми сопряжено в самодержавной России изучение какого бы то ни было вопроса, хотя бы дело шло об изучении строения комариного жала?

Во всем этом, разумеется, была во многом виновата и государственная власть»^{ci}.

История повторяется, и почти всегда как трагедия, вопреки замечанию Маркса. При Николае II трудно было защитить диссертацию без «указания во вступительной части на те трудности, с которыми сопряжено в самодержавной России изучение какого бы то ни было вопроса, хотя бы дело шло об изучении строения комариного жала», а в СССР было невозможно защитить диссертацию, по крайней мере — гуманитарную, без ссылки на нетленные труды классиков марксизма-ленинизма.

Такого рода факты — ясное свидетельство уровня идеологической нетерпимости данного общества, показатель того, что в нем (обществе) создана *аномально* политизированная атмосфера.

Совокупность имеющихся источников подтверждает, увы, мнение В.И.Гурко.

Однако за массовую ложь приходится платить. Повторяя мысль В.А. Маклакова, «в этом заключается справедливость безличной истории».

Наивно думать, что нынешнюю российскую власть высадили с «летающих тарелок». Последние 20 лет хорошо показывают, какого качества человеческий материал рождала советская власть.

Но ведь и ее создали отнюдь не марсиане.

Наплевательское отношение дореволюционного общества к той жизни, в которой оно пользовалось всей полнотой гражданских прав, его систематическое издевательство над здравым смыслом и правдой, в огромной степени породили «власть рабочих и крестьян».

Большевики были органической частью этого общества, в котором были очень серьезные проблемы с моралью и нравственностью, хотя слова «этика» и «справедливость» в нем были очень популярны, общества, в котором было место нечаевщине и террористы считались «святыми людьми», общества, в котором еврейские погромы осуждались, а погромы помещиков именовались «иллюминациями».

Просто большевики были еще аморальнее своих конкурентов, прежде всего народников, потому и победили.

Если кто-то забыл, напомним, что Б.Н. Ельцин прежде, чем стать первым президентом «свободной России», был 1-м секретарем Свердловского обкома КПСС, одного из важнейших в стране, а потом — кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

А кто привел второго президента России, напоминать, полагаю, не надо?

О настоящем голоде и голодном экспорте

Мы получили некоторое представление о *социальной* политике царизма, об отношении правительства к народным нуждам, к налоговым платежам населения, о продовольственной помощи и др.

Эта политика, разумеется, не была совершенной, и ее можно оценивать по-разному. Однако очевидно, что ее проводило правительство *христианской* страны, осознающее, что за окном — вторая половина XIX-го или начало XX века, и уже поэтому (при всех изъятиях) эта политика не могла не укладываться в определенные нравственные нормы. Эта

политика, безусловно, во многом учитывала выработанные к этому времени Западом образцы социального «поведения» государства, во многом им соответствовала, и тем, кто ее проводил, было отнюдь не безразлично мнение цивилизованного мира о России.

Другое дело, что она не всегда была удачной, точнее, разумной, но нельзя забывать, что Александр II предпринял первую в мировой истории попытку вестернизации многовекового деспотического режима. И в этом смысле никакого опыта у иудео-христианской цивилизации не было, не говоря о том, что два последних императора, как, впрочем, и тысячи их подданных, путали понятия «самобытность» и «отсталость».

Во всяком случае, эта политика **категорически исключала** возможность устранения государства от помощи подданным во время стихийных бедствий, не говоря, точнее, не заикаясь, даже гипотетически о возможности использования прямого геноцида для достижения политических целей.

Политика советской власти исходила из **совершенно противоположных** посылок.

По страшному капризу Истории горстке экстремистов представилась возможность реализовать на практике идеи социализма, т.е., по Достоевскому, «весь этот мечтательный бред», «весь этот мрак и ужас, готовый чуждому человечеству в виде обновления и воскресения его»^{с1}.

Власть взяли **воинствующие безбожники**, в принципе не имевшие **никаких** моральных сдержек, и фактически сразу начали железной рукой воплощать «весь этот мрак и ужас» в жизнь.

Позволю себе коротко напомнить о том, что произошло, когда после 1917 г. призрак вождельного «государства всеобщего благоденствия», воплощения уравнилельно-распределительных мечтаний русской интеллигенции и апогея **не** рыночной экономики стал реальностью.

Надо сказать, что **наша история дает воистину страшные примеры материализации лживых мыслей и слов.**

Настоящий голодный экспорт — это когда Сталин ограбил крестьянство в коллективизацию так, как никаким татаро-монголам вкупе с крепостническим государством не снилось, и вывез изъятый хлеб за границу, чтобы купить заводы, заплатить Альберту Кану и др., уморив в 1932-1933 гг. голодом от семи до восьми миллионов человек. Распухшие от голода люди были привычной частью привокзальных пейзажей, а через порты и таможни на экспорт шел поток продовольствия.

В несколько меньшем масштабе ситуация повторилась в 1946-1947 гг., когда «государство рабочих и крестьян» сознательно пошло на голод,

накапливая запасы для отмены продовольственных карточек и предстоящей денежной реформы 1947 года. При этом из «соображений престижа» оно не только отказалось от международной гуманитарной помощи, но и вывезло 2,5 млн. тонн зерна в страны Восточной Европы.^{ciii}

Однако прорепетировано все это было куда раньше.

То, что называется «военным коммунизмом», как-то находится на периферии общественного сознания, и по традиции, восходящей еще к «Краткому курсу»^{civ}, многими считается обусловленным экстремальными условиями времени.

Однако сейчас уже и в школьном учебнике можно прочесть, что «серьезное влияние на экономическую политику (гражданской войны — М.Д.) оказывали идеологические воззрения большевиков. Они мечтали о быстром, стремительном переходе к коммунизму. В новом обществе, полагали они, не будет частной собственности, торговли, рыночных отношений, производство будет подчинено единому плану, труд станет всеобщим, а распределение материальных благ — уравнилельным»^{cv}.

А.К. Соколов пишет: «Раньше считалось, что политика военного коммунизма была вынужденной, продиктованной специфической обстановкой гражданской войны. Однако, если вспомнить содержание и сущность проводимых большевиками преобразований, это выглядит не совсем так...

Нельзя не обратить внимания, что социально-экономические преобразования большевиков постоянно шли по линии ускорения под влиянием революционного нетерпения и экстремизма, охвативших общество. Распад товарно-денежных отношений, рынка, натурализация хозяйства, постоянная угроза голода в столицах и промышленных центрах также ускорили введение мер военно-коммунистического характера, или как писал Ленин, «непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению продуктов»^{cvi}. Продолжение этой мысли Ленина, высказанной 17 октября 1921 г., наглядно показывает глубину представлений большевистских лидеров о коммунизме: «Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по фабрикам и заводам, — и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение».

И эти люди подобрали власть в самой большой стране мира со 150-миллионным населением!

Куда там Марксу с Энгельсом!?

Военный коммунизм продемонстрировал все будущие пороки советской системы — и отнюдь не всегда на эмбриональном уровне. Не бе-

речь сразу определить, какие явления позднейшей советской истории не встречаются уже в 1918-1920 гг.

Военный коммунизм показал, что бывает, когда за управление страной берутся — в прямом и переносном смысле слова — кухарки мужского и женского пола, опьяненные свалившейся на них властью, одуревшие от вседозволенности и не обремененные никакими представлениями о морали.

Крестьяне недолго наслаждались плодами «черного передела» и заплатили за реализацию *своих* представлений о социальной справедливости цену, беспрецедентную в мировой истории. Немедленный переход к коммунизму обернулся жесточайшей гражданской войной, разрушением крестьянского хозяйства в масштабах страны и массовым людоедством во время голода 1921-1922 гг. как своего рода апогеем первого этапа строительства «нового мира».

Естественно, такие большевистские «златоусты», как Троцкий, Радек и Ярославский уверяли, «что русский голод — стихийное бедствие, которое нельзя было ни предвидеть, ни предупредить»^{cvi}.

Однако современникам были ясны истинные причины катастрофы. Между страшным оскудением крестьянского хозяйства из-за продовольственной диктатуры, комбедов и продразверстки и бедствием 1921 г. была «неопровержимая причинная связь. Она обнаруживается прежде всего поразительным совпадением территории, пораженной голодом в 1921 г., и области, бывшей главным театром принудительных отчуждений в предшествующих 1919 и 1920 гг. Главным очагом голода является Поволжье и Приуралье в составе 12 губерний»^{cvi}.

Подсчитывая количество взятого в этих губерниях государством хлеба, получаем 132 млн пудов для 1919/20 г. и 90 млн пудов для 1920/21 г. По отношению к общей сумме хлебных заготовок за два года по всей РСФСР эти цифры составляют 44%. В 1920/21 г., когда реквизиции на востоке были уже ослаблены, государство забрало все же в 6 губерниях Поволжья 15% чистого сбора хлебов, полученного в 1920 г. Изъятие такого количества хлеба в течение двух лет подряд не могло не отразиться на состоянии местного хозяйства.

Его положение ухудшалось, далее, крайней бессистемностью (и жестокостью) продовольственных реквизиций. Отбиравшие хлеб не считались ни с продовольственной нуждой хозяйства, ни с его потребностями в семенах и корме скота, ни с необходимостью иметь некоторый запас продуктов в качестве запасного, страхового от неурожая фонда. Последнее обстоятельство особенно губительно отразилось как раз на состоянии хозяйства Поволжья».

Катастрофа уничтожила свыше пяти миллионов человек, а тех, кого можно было еще спасти, спас «империалистический Запад», в первую очередь — представлявшая правительство США Американская администрация помощи (American Relief Administration, сокращенно: АРА).

Еще далеко не закончилась ликвидация последствий невиданного со времен Бориса Годунова голода, когда летом 1922 г. на Гаагской конференции советская делегация «повергла мир в шок, объявив о намерении возобновить экспорт зерна. Осенью 1922 г. Москва объявила о наличии миллионов тонн зерна, предназначенного на экспорт, в то время, когда собственные оценки указывали на то, что в ближайшую зиму 8 млн. советских граждан все еще будет нужна продовольственная помощь, половина которой может быть удовлетворена собственными ресурсами.

Американская сторона протестовала против изъятия большевиками хлеба у голодающих на экспорт, и это впоследствии имело негативное впечатление на общественное мнение в США — помощь была прекращена, отношения между странами испорчены, а официальное признание Америкой СССР было отложено еще на десять лет.

АРА заявляла о непосредственном спасении жизни советских людей, советские лидеры о возрождении индустрии для строительства социализма, который бы ликвидировал голод в будущем. Гувер не желал субсидировать реконструкцию советской промышленности за счет жизней советских людей — это стало источником его отказа от поиска средств и привело к сворачиванию деятельности АРА в Советской России»^{сix}.

До каких же глубин цинизма нужно опуститься, чтобы после этого десятилетиями твердить о «голодном экспорте» при «проклятом царизме», а в наши дни — и о «миллионах православных душ», якобы умерших от голода при П.А. Столыпине?!

Итоги

Пора подвести итоги.

Империя в России, так же как в Германии, Австро-Венгрии и Турции, **была сокрушена тотальной войной.** Только поэтому наша страна прошла после 1917 г. ту трагическую дорогу, которую прошла.

Падение Старой России отнюдь не вытекает из той глубоко пессимистической картины развития страны после 1861 г., которую мы знаем с детства. Прежде всего, потому что это во многом недостоверная и даже откровенно лживая картина.

Мы рассмотрели ряд базовых характеристик экономического и социального развития пореформенной России.

Чего бы ни мы касались — «голодного экспорта», продовольственной помощи населению во время неурожая, недоимок и «вынужденных продаж», проблем производства и потребления, сбережения народных накоплений и т.д. — данные статистики убедительно опровергают традиционную трактовку этих сюжетов. Во всех случаях мы сталкиваемся с предвзятостью, намеренными искажениями, а то и с банальной фальсификацией.

В своих политических целях оппозиция фактически создала своего рода «Реквием» — по Живому.

Эта картина до сих пор существует и, продолжая искажать восприятие миллионов наших соотечественников, не дает им возможности адекватно воспринимать Историю своей страны.

Нельзя с этим мириться.

Потому что настоящее, которое вытекает из *такого* прошлого, не может иметь Будущего.

Примечания

- i *Кристалл А.М.* Голод 1921 г. в Поволжье: опыт современного изучения проблемы. Автореф.канд.дисс. М., 1997. С.25.
- ii *Головин К.Ф.* Мужик без прогресса или прогресс без мужика? СПб., 1895. С.216-217.
- iii *П.Н. Милуков.* Интеллигенция и историческая традиция // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С.298-299.
- iv *Давыдов М.А.* Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб., 2010. С.68-73, 231-233.
- v *Давыдов М.А.* Всероссийский рынок... С.162-172.
- vi Возможно к ним следует добавить и Таврическую губернию, но это предмет дальнейшего исследования (к портам губернии много хлеба подвозили гужем).
- vii *Нефедов С.А.* О причинах Русской революции // О причинах Русской революции. М., 2010. С.42-44.
- viii *Давыдов М.А.* Всероссийский рынок... С.357-359.
- ix Относительно подробная история продовольственной помощи см. *Давыдов М.А.* Всероссийский рынок.... С. 254-309.
- x *Ермолов А.С.* Наши неурожаи и продовольственный вопрос СПб., 1909. Т. 1. С.96-97.
- xi Министерство финансов. 1802-1902. СПб. Ч.2. С.642.
- xii Отчет по продовольственной кампании 1910-1911 гг. Управления сельской продовольственной частью МВД. СПб., 1912. С.107-108.
- xiii *Ермолов А.С.* Наши неурожаи... Т. 1. С.142-174.
- xiv Отчет по продовольственной кампании 1910-1911 гг. ... С.109, 110.
- xv *Головин К.* Сельская община... С. 148-149; *Ермолов А.С.* Наши неурожаи... Т.2, С.6-9; *Вронский О.Г.* Крестьянская община на рубеже XIX-XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. — Тула, 1999. С.33, 85-86.
- xvi «Общий итог этих сумм дает цифру в 488.145.000 р., но к этой цифре надо добавить еще 15000.000 р., отпущенных в 1901 и 1902 г.г. на покупку хлеба для различных пострадавших от неурожая губерний, и которые я по отдельным губерниям разнести не могу; кроме того, такая же примерно сумма израсходована в 1891— 1892 годах на Анненковские общественные работы, тоже по губерниям не распределенная; в этот счет не входит и сумма, отпущенная в 1898 и 1899 годах на снабжение населения лошадьми. С добавлением этих расходов общий итог далеко превысит полмиллиарда рублей». *Ермолов А.С.* Наши неурожаи... т.2. С.9.
- xvii Там же.
- xviii *Ермолов А.С.* Наши неурожаи ... Т.2. С.32-33.
- xix Там же. С.329-341.
- xx Там же. С. 417-418, 421.
- xxi *Мельников, Р.М.* Крейсер Варяг Л., 1983. С.22.
- xxii История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968. Т. VI. С.523.

ранск, 2005. С.66.

- lxxxvi Б.Д. Бруцкус писал, что «это объяснение было недостаточно даже и в 70-х гг., когда оно было сформулировано; уже тогда крестьяне хозяйничали ведь не только на наделной земле, а еще на приарендованной. Тем более оно несостоятельно сейчас, когда «открылись широкие возможности для интенсивирования крестьянского хозяйства, когда» крестьяне Юго-Запада и в «большой части черноземной полосы живет в значительной мере работой в чужих хозяйствах, когда население имеет разнообразные промыслы — местные и отхожие, и когда имеются целые районы промышленной полосы, в которых большинство сельского населения состоит из женщин и детей, остающихся на месте лишь потому, что в наших неблагоустроенных городах жить дорого и нездорово». *Бруцкус Б.Д.* К современному положению аграрного вопроса Пг., 1917. С. 7.
- lxxxvii По существу, в рамках социально-экономической проблематики оборот «традиционный подход(ы)» в преобладающей части вытекает именно из натурально-хозяйственной концепции.
- lxxxviii *Бруцкус Б.Д.* К современному положению.... С.6-7.
- lxxxix *Головин К.Ф.* Мужик без прогресса или прогресс без мужика? СПб., 1895. С.34-36.
- xc *Давыдов М.А.* Всероссийский рынок .... С.360.
- xcі Ходоки — крестьяне, которых односельчане уполномачивали разведать обстановку на местах возможных переселений.
- xcіі Сельское хозяйство России в XX веке. М. 1923. С.30-53.
- xcііі *Давыдов М.А.* Всероссийский рынок...С. 753-779; *Давыдов М.А.* Статистика землеустройства в ходе Столыпинской аграрной реформы (1907-1915) // Российская история, 2011, с.56-73.
- xciv *Давыдов М.А.* Всероссийский рынок... С.546-584.
- xcv *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Т.II. М., 2010. С.235-237.
- xcvi *Семенов С.Т.* Крестьянское переустройство. М. 1915. С. 74-86; *Герье В.И.* Второе раскрепощение. М., 1911. С.15-30.
- xcvii В конце 1850-х гг. в России доля лиц с высшим и полным средним образованием составляла 0,9% населения Европейской России старше 19-ти лет. В 1897 г. в Европейской России насчитывалось 774,6 тыс.чел. с высшим и полным средним образованием, т.е. 1,61% населения старше 19-ти лет (*Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России. М., 2010. С.646). При всей относительности этих данных они, безусловно, показательны. Напомню, что до Великих реформ страна пережила «золотой век» своей молодой литературы, представителей которого было менее десяти человек на 50 миллионов населения.

- xcviii *Головин К.Ф.* Сельская община в литературе и действительности. Спб., 1887.
- xcix *Гурко В.И.* Отрывочные мысли по аграрному вопросу. Спб. 1906 г. С.38-39.
- c Там же. С.42.
- ci *В.И. Гурко.* Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С.495-496.
- cii *Достоевский Ф.М.* Дневник. Статьи. Записные книжки. М., Т. 1. 1845-1875. С. 409-411.
- ciii *Зима В.Е.* Тупики аграрной политики... С.142-152.
- civ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). М., 1950. С.219.
- cv *Данилов А.А., Косулина Л.Г., Брандт М.Ю.* Истории России. XX-начало XXI века. Учебник для 9 класса общеобразовательных учреждений. М., 2005. С.122.
- cvi *Соколов А.К.* Курс советской истории. 1917-1940. М., 1999. С.88.
- cvi *Кристалл А.М.* Указ. соч.
- cvi *Уральская, Оренбургская, Челябинская, Уфимская, Екатеринбургская, Вятская, Трудовая Коммуна немцев Поволжья, Самарская, Саратовская, Симбирская губернии и Татарская республика.* Однако голод имел и свою обширную периферию. А.М. Кристалл пишет, что голод «поразил 16 российских губерний, 3 автономные республики, 3 автономные области и Трудовую коммуны немцев Поволжья. На этой территории проживало 34 589,4 тыс. человек. Однако в 1922 г. голод охватил также города Москву (население 1028,2 тыс. чел.) и Петроград (894,1 тыс. чел.). Московскую, Петроградскую, Омскую, Пензенскую, Нижегородскую, Курскую и Тамбовскую губернии с общим населением в 13 731,3 тыс.человек. Кроме того, в 1921 г. голодали пять губерний Украины с населением в 9 542,2 тыс. чел., Азербайджан (2097. тыс. чел.), Армения (1214,4 тыс. чел.). Казахстан (5018.3 тыс. чел.), а также Дагестан (798.2 тыс. чел.) и 2 автономные области (832 тыс. чел.). В 1921 г. в зоне голода, по нашим данным, уже проживало 69 795.1 тыс. человек (все население страны составляло 134 663 800 человек». *Кристалл А.М.* Голод 1921 г. в Поволжье... С.17.
- cix *Латыпов Р.А.* Помощь АРА Советской России в период «великого голода» 1921-1923 гг. <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=864&level1=main&level2=articles>